
ОГОНЁК
№ 31 АВГУСТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Знатный горновой Косогорского металлургического завода А. Ф. Сопальков.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: Василий Иванович Пушаев — один из старейших работников Октябрьской железной дороги, главный кондуктор первого класса.

Фото Я. Барского.

На последней странице обложки: На железнодорожных магистралях нашей страны.

Фото И. Гутмана.

ОГОНЁК № 31 (1364) 2 АВГУСТА 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАЗДНИК МИРА И ДРУЖБЫ

Сегодня в столице Румынской Народной Республики — Бухаресте — открывается грандиозный праздник молодости — IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу. Эта великая ассамблея молодых фактически началась задолго до 2 августа. Во многих странах мира были организованы молодежные конференции, дискуссии, съезды, проходили национальные фестивали. На художественных конкурсах, спортивных состязаниях юноши и девушки добивались высокой чести представлять национальное искусство и спорт в Бухаресте.

Фестиваль — воплощение единства молодых сторонников мира, к которому призвал III Всемирный конгресс молодежи, состоявшийся на днях здесь же, в Бухаресте. В зале «Флоряска» встретились делегаты разных стран, чтобы обсудить жизненно важные вопросы: как усилить повседневную борьбу за экономические и социальные права молодежи, за установление и укрепление уз братства и дружбы между юношами и девушками во всех уголках земного шара, как усилить борьбу за мир, за национальную независимость народов. Время, прошедшее после II Всемирного конгресса молодежи, показало, что сила и единство молодежи мира растут. Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) насчитывает в своих рядах 75 миллионов человек из 88 стран. За этот период в ВФДМ вступили многие молодежные организации, различные по своему составу, целям, принципам, но единые в своем стремлении к миру и демократии.

С огромным воодушевлением встретили делегаты конгресса весть о подписании перемирия в Корее, весть о великой победе героического корейского народа и доблестных китайских народных добровольцев, весть о победе всего лагеря мира и демократии. Долго в зале «Флоряска» не смолкали возгласы «Мир! Мир!» Делегаты обнимали друг друга, горячо поздравляли корейцев и китайцев, присутствующих на конгрессе.

— Мы все давно ждали заключения перемирия в Корее,— сказал с трибуны конгресса глава китайской делегации Ху Яо-бан.— В этом ожидании было стремление молодежи к миру, вера в победу сил мира над силами войны.

Чтобы отстоять мир, завоевать счастливое будущее, молодежи нужно единство, крепкая спайка, искренняя, нерушимая дружба. Этому и способствует фестиваль, тысячи участников которого разнесут по всему свету идеи Конгресса молодежи, его призывы к борьбе за мир, демократию и дружбу.

Передовой отряд молодых борцов за мир — молодежь СССР послала на фестиваль своих лучших певцов, танцоров, музыкантов, спортсменов. Они будут демонстрировать в Бухаресте достижения советского искусства и спорта. На снимке — группа советских делегатов на IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу.

Фото О. Кнорринга, И. Тункеля.

БУХАРЕСТ ВСТРЕЧАЕТ ГОСТЕЙ

Спортивный зал «Флоряска» в Бухаресте. Здесь 25 июля 1953 года открылся III Всемирный конгресс молодежи.

Когда мы, пробившись через огромную толпу встречающих, наконец достигли перрона, стало ясно, что самый торжественный момент уже упущен. Поезд, который привез в Бухарест посланцев молодежи Китая, Кореи, Вьетнама, стоял почти пустой, а ликующие бухарестцы уже подхватили на руки своих долгожданных гостей и передавали их дальше и дальше до самого выхода на привокзальную площадь.

Сколько волнующих, незабываемых встреч состоялось здесь в эти минуты! Сколько радости и счастья выражали загорелые лица юношей и девушек! Сколько на этих лицах прекрасных улыбок, о которых в Румынии говорят: «Легче смотреть на солнце, чем на такие улыбки»!

Вот, забыв обо всем на свете, оживленно беседуют двое: высокий румынский парень в клетчатой рубашке и небольшого роста вьетнамец. Им не хватает слов, но помогает энергичная жестикуляция, выразительный блеск глаз. А рядом, обняв молодую корейскую героиню, остановились две стройные черноглазые девушки. Они быстро-быстро что-то рассказывают ей, стараясь перекричать шум ликующей толпы.

Такие запоминающиеся, кажется, на всю жизнь сцены происходят сейчас в Бухаресте почти каждый час. Со всех концов земли слетаются сюда вестники мира и дружбы, делегаты III Всемирного конгресса молодежи и IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

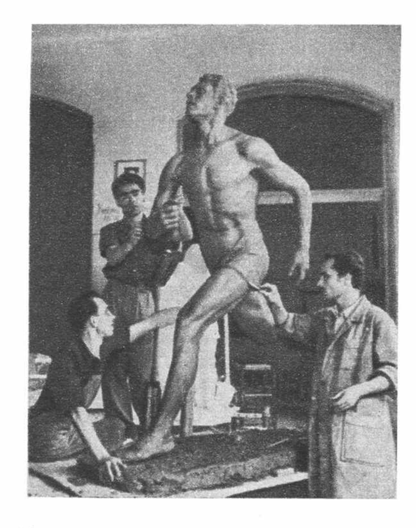
Только за один день 22 июля в Бухарест прибыли двадцать две молодежные делегации, а на следующий день — тридцать три. Утром румынская столица встречала посланцев молодежи США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Чили, Северной Африки, Аргентины, Бразилии, Трансиордании, Ливана, Сирии, Боливии, Италии. В полдень на бухарестскую землю вступили делегаты Индонезии, Дании, Финляндии. А вечером мы уже обнимали сынов и дочерей Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, Таиланда и Патет-Лао. И так каждый день. По данным Международного подготовительного комитета, молодежные и студенческие организации ста шести стран мира посылают своих делегатов на фестиваль.

Бухарест расцвечен новыми красками, красками невиданных здесь до сих пор костюмов и одеяний; звучат неслыханные на румынской земле говор и песни. Вот идет группа молодых людей из Африки. А следом чинно шагают скандинавы, с любопытством осматривая витрины магазинов и украшения домов. На соседней улочке стайка любопытных ребятишек окружила тесным кольцом молодого шотландца в традиционной клетчатой юбочке. Он едва успевает ставить автографы на протянутые к нему со всех сторон блокноты, книжки, а то и просто листки чистой бумаги. Голубоглазая девочка лет тринадцати на одной руке держит братишку, пухлощекого бутуза, другой — украдкой трогает невиданную ею никогда одежду.

Строгие и невозмутимые бухарестские блюстители уличного порядка в эти дни особенно ревностно следят за тем, чтобы пе-

Советская делегация на III Всемирный конгресс молодежи прибыла в Бухарест.

Хорошо среди друзей! Делегаты Бельгии несут на руках своего друга из Африки.

Молодые румынские скульпторы готовят в честь фестиваля скульптуру «Бегун».

шеходы пересекали проспекты и площади только на зеленый свет и только после свистка милиционера. Но вот группа делегатов Латинской Америки, видимо, еще незнакомая с правилами уличного движения в Бухаресте, гурьбой высыпала на мостовую. Послышалась заливчатая трель свистка, и милиционер уже спешит к нарушителям, чтобы отчитать их. Он подходит к гостям, и строгое выражение его лица мгновенно сменяется смущенной улыбкой:

— Делегаты?

Ничего не понимающие аргентинцы утвердительно закивали головами, и страж порядка, любезно взяв под руки двух девушек, лично сопровождает всю группу на противоположную сторону улицы...

...Группу французских делегатов мы встретили у подъезда отеля «Атене Палас». Перемежая французские, румынские, английские, немецкие и русские слова, они наперебой рассказывают, что их молодые соотечественники посылают на фестиваль 2 800 юношей и девушек, что в их числе лучшие молодежные ансамбли страны, что в спортивных соревнованиях фестиваля примут участие молодые французские спортсмены. «Но самое главное,— сказал один из собеседников,— это широко представительный характер нашей делегации. В ней социалисты, скауты, католики и даже священники и солдаты».

Вместе с французами мы идем на площадь Республики — одну из красивейших площадей Бухареста, окруженную высокими белыми зданиями, расцвеченными флажками, лентами, эмблемами фестиваля, Всемирной федерации демократической молодежи и Международного союза студентов.

— Я сравниваю Париж с Бухарестом,— замечает наш новый знакомый.— И Париж почему-то представляется мне стариком. А здесь все кажется расцветающим, юным. Смотрите, какой веселый город! Все, что ни встретишь, тут выглядит молодо.

Действительно, нельзя не согласиться с ним. Много дней Бухарест готовился к приему гостей. Еще вчера повсюду раздавался стук молотков, звон пил, шум снимаемых лесов. А сегодня столица Румынии сверкает радугами, как корабль, большой океанский корабль, который через считанные дни поведут в плавание молодые капитаны.

Поразительное разнообразие красок — от ярких до самых нежных оттенков — вот первое, что бросается в глаза. Цветами и флагами украшено, кажется, все, что только можно украсить: подъезды и балконы, трамваи и троллейбусы, даже сохранившиеся кое-где в Бухаресте извозчичьи пролетки с керосиновыми фонарями. А бухарестцы все еще продолжают украшать свой город. Вот на перилах балкона жилого дома бабушка и внучка вывешивают красивый ковер с национальным орнаментом, на котором пришиты эмблема фестиваля и герб Румынской Народной Республики. Рядом поднимают десятки знамен различных государств. Как бы выражая волю всех миролюбивых людей к единству, сплетаются знамена СССР, Китая, Англии, Франции, США. И над всем, точно яркокрылые птицы, реют слова: «Мир и дружба».

Есть у румынского народа обычай: другу самый лучший и самый красивый подарок. Шестьдесят тысяч подарков, изготовленных руками румынских юношей и девушек, шестьдесят тысяч свидетельств великой дружбы будут вручены делегатам фестиваля.

Многие подарки выполнены с исключительным мастерством. Юноша, еще в детстве потерявший зрение, несколько месяцев трудился над изящной шкатулкой, которую он просит преподнести молодому негру. Далеко в горах. Цара-Моцилор лучшие резчики по дереву сделали украшенные национальным орнаментом кружки, бочонки для вина, кувшины, вазы. Молодежная бригада одного из бухарестских заводов соорудила маленькую домну. А вот портсигар в виде миниатюрного гусеничного трактора — подарок молодых рабочих; альбом гравюр по линолеуму — творение студентов Клужского института прикладного искусства.

Национальные костюмы, вышивки, блокноты и записные книжки, альбомы и тысячи других подарков трудолюбивой румынской молодежи напомнят делегатам фестиваля о том, с каким нетерпением их ждали в Бухаресте на праздник юности, мира и дружбы.

В. ШЕВЧЕНКО

Бухарест, 25 июля.

Бухарестцы приветствуют делегатов Индонезии.

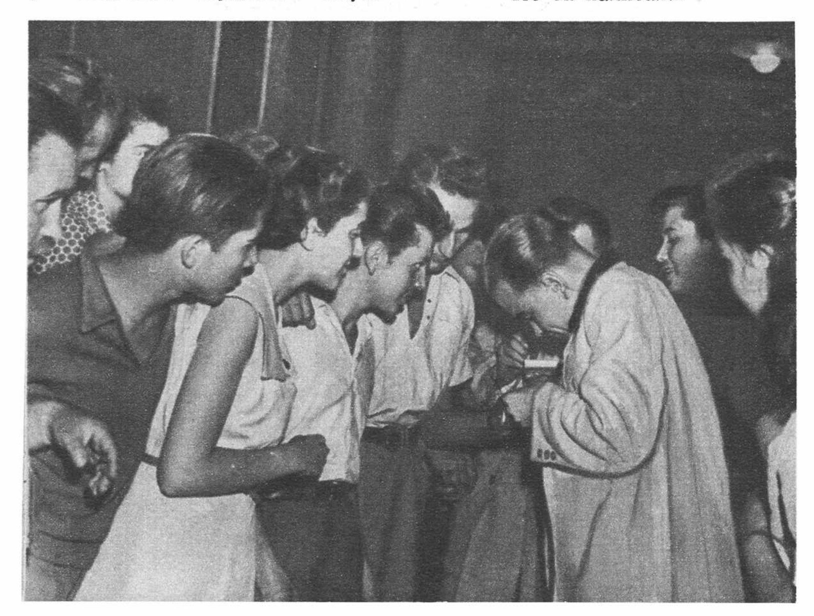

Икуо Ояма — гость фестиваля.

Приехали делегаты Монгольской Народной Республики.

Что он написал?..

ПО МАГИСТРАЛИ ЮЖНОЙ

С. МОРОЗОВ

Фото Я. Рюмкина.

В будке паровоза машинист И. Н. Харитонов.

РЕЛЬСЫ В СТЕПИ

Невысокая насыпь едва приметна на фоне летней, поблекшей под солнцем степи. У раскаленного белесого горизонта рельсы сливаются в одну темную полосу.

Если долго смотреть вдаль, то глазам, утомленным ярким светом и сухостью воздуха, полоса эта кажется прерывистой. И тогда вспоминаются географические карты — там эта железная дорога показана пунктиром, как строящаяся. Карты устарели. Стальные пути сомкнулись между Акмолинском и Павлодаром, между Кулундой и Барнаулом. От берегов Оби на восток поезда ходят уже по расписанию. Скоро вступит в строй вся Южно-Сибирская железная дорога — новая магистраль, связывающая Урал с Кузбассом.

Нам представился случай быть первыми ее пассажирами.

Итак, станция отправления — Акмолинск. В начале первой пятилетки сюда, в тихий степной городок, впервые пришел поезд. В наши дни Акмолинск — центр Карагандинской железной дороги, узел четырех направлений. На север — к Петропавловску, на юг — к Караганде и Балхашу, на запад — к Магнитогорску идут эшелоны с машинами и металлом, с хлебом и топливом; на восток, по местам древних кочевий, пролегли теперь рельсы Южсиба.

Рядом с насыпью по ухабистому проселку пылят грузовики, скрипят конные повозки, чинно шествуют верблюды. И всех их обгоняет пассажирский состав с надписью на вагонах: «Акмолинск — Еремень-Тау».

Покатые горы мягкой волнистой линией темнеют вдали. Ближе, ближе — и вот уже паровоз, прерывисто дыша на подъеме, катит меж сероватых склонов, расцвеченных зеленью низкорослых березовых рощ. Сквозь листву белеют стволы — тонкие, искривленные. Словно мы не в Казахстане, а где-нибудь в Карелии или на Мурмане.

Чем дальше в горы, тем холоднее. Безоблачное было небо заволакивают тяжелые тучи, и, когда, преодолев последний подъем, поезд въезжает на ровное плато, приходится поневоле закрывать окна вагонов от ветра и дождя.

На плато — перевале хребта — раскинулся поселок железнодорожников. Стены вокзала и депо только еще подводятся под крышу, а от станции уже пролегла широкая прямая улица. Ряды каменных двухэтажных домов замыкает колоннада клуба. Сразу же за клубом, за крохотными деревцами недавно посаженного парка, высокая решетчатая стена дощатых щитов.

— Словно в крепости живем, от врага обороняемся,— рассказывает Якуб Измаилович Газизов, начальник строительного участка, основатель и старожил поселка Еремень-Тау.

Враг строителей — непогода. Если летом, когда в степи жара, тут льют дожди и бушуют ветры, то нетрудно представить себе Еремень-Тау зимой.

...Коренастый и грузный, с густой проседью в волосах, Газизов выглядит много старше своих тридцати семи. Нелегко, видно, дались ему годы, проведенные на строительстве железных дорог в Казахстане.

На перевал Якуб Измаилович приехал вместе с первой группой строителей пять с лишним лет назад. В ту пору экскаваторы и самосвалы только еще начинали насыпь от Акмолинска, а путеукладочные машины были за тридевять земель. Материалы, оборудование, съестные припасы возили по степи на машинах и быках. Случалось, что караваны застревали в пути, и строители, отправляясь на поиски, находили едва приметные над сугробами крыши шоферских кабин.

А ровно через полгода — в летописях стройки запечатлен день 17 сентября 1948 года — над горами поднялся пыльный смерч. На сто сорок девятом километре трассы взлетела на воздух высокая скала. Сто восемьдесят шесть тонн взрывчатки в несколько секунд убрали с пути сорок тысяч кубометров камня.

Взрывы гремели долгой, незатихающей канонадой — на выемках, в карьерах, каменоломнях. Безостановочно двигались меж гор экскаваторы и бульдозеры, скреперы и самосвалы. Потом появился путеукладчик — он прошел Еремень-Тау и двинулся дальше.

Все это вспоминается сейчас как давнее прошлое. Поселок в горах постепенно обретает городское обличье. Школе, начавшей первый учебный год в глинобитном бараке, стало тесно теперь в большом каменном доме, и строители озабочены, как бы скорей закончить второй учебный корпус.

С давних времен Еремень-Тау известен в Казахстане отгонными пастбищами. На склонах гор и в лощинах пасутся отары овец, табуны коней, стада коров.

Степные речки Уленты и Шидерты, перегороженные плотинами, скоро разольются в озера — паровозам Южсиба понадобится много воды. Близ отгонных пастбищ на склонах Еремень-Тау луга, прежде выгоравшие под солнцем, теперь напоенные влагой, зеленеют сочной травой. На горных речках воздвигнуты запруды.

Иртыш еще далеко. Но ветер с востока временами доносит в степную сушь освежающее влажное дыхание великой реки. К Иртышу тяготеет немало районов Павлодарской области. Близ станции Калкоман от магистрали ответвляется рельсовый путь. Он ведет к новому соляному промыслу, построенному в степи одновременно с сооружением магистрали.

Серебристые полынные тона сухой степи сменяются зеленью поймы, высокая насыпь подводит к мосту, и вот внизу сквозь ажурные переплеты ферм в солнечном блеске голубеет иртышская вода. На противоположном берегу виднеется Павлодар. Его будущее связано с Южсибом. Из тупиковой станции Павлодар превращается в крупный железнодорожный узел. Новая дорога дает ему кратчайшую связь и со столицей Казахстана и с другими областями республики.

Ученики Акмолинского железнодорожного ФЗО строителей приехали на практику.

ЖИТНИЦА АЛТАЯ

По-иному выглядит сегодня и Кулунда, от которой трасса Южсиба продолжается к Барнаулу. Раньше только элеватор возвышался над приземистыми избами большого степного поселка. Теперь тут растут этажи городских домов — строится железнодорожный поселок. Раньше станция Кулунда была единственным выходом к железной дороге для всей плодородной Кулундинской степи — житницы Алтая; за десятки и сотни километров везли сюда хлеб на машинах и гужом. Теперь рельсы пролегли через всю Кулундинскую степь.

Высокие хлеба и густая трава подступают к насыпи. Вдали над зеленым морем островками высятся рощицы, перелески — «околки», как зовут их сибиряки.

На линии Кулунда — Барнаул только в мае сомкнулись рельсы. Далеко растянулись под соснами «городки на колесах». По-особому звучит в устах строителей бытующее в разговорной речи слово «теплушка». Утепленные, снабженные печами, обставленные мебелью, товарные вагоны служат постоянным жильем для рабочих путеукладочных поездов.

— Так и живем на колесах,— говорит механик путеукладчика Иван Данилович Войченко, положивший недавно последнее звено пути на линии Кулунда — Барнаул.

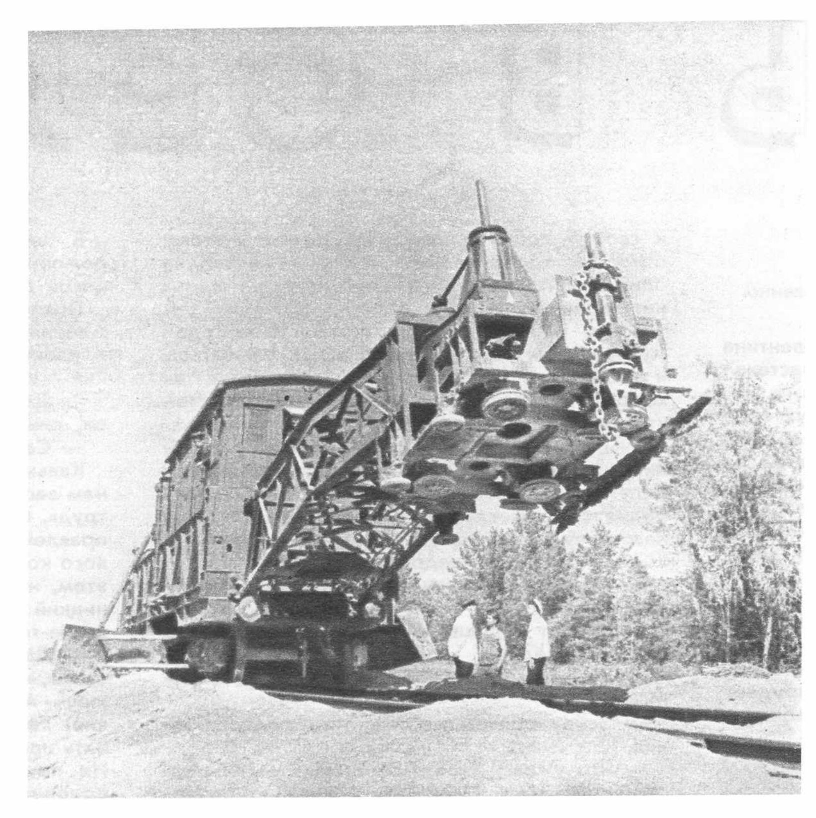
СИБИРИ

Путеукладчик системы В. И. Платова — основная строительная машина железнодорожников. Замечательная машина! Невольно залюбуешься, глядя, как мощный кран, подхватив с платформы готовые звенья — рельсы, скрепленные со шпалами,— опускает их на насыпь. Когда опущенные звенья соединены, путеукладчик продвигается по ним вперед.

Двенадцать секунд положено на укладку каждого двенадцатиметрового звена. Два с половиной километра пути должно укладываться в смену. В бригаде И. Д. Войченко свои нормы: на укладку звена — восемь-девять секунд, за смену — не менее трех километров.

Вслед за путеукладчиком, после того, как к обочинам насыпи подвезен балласт, по рельсам движется балластировочная машина конструкции Н. П. Бизяева. Приподнимая рельсы вместе со шпалами, она стальными крыльями загребает балласт и разравнивает его. Созданием прочной, устойчивой постели для шпал и рельсов завершается отделка пути.

Путеукладчики и балластеры, так же как экскаваторы и самосвалы, давно уже вошли в повседневную практику советского железнодорожного строительства. И теперь, чтобы представить себе эффективность машин в сравнении с ручным трудом, надо разыскивать ветеранов времен Турксиба. Таких на Южно-Сибирской встретишь редко. Даже люди, не молодые по возрасту и стажу, участники многих железнодорожных строек, не помнят ни лопат, ни конных повозок грабарей.

На линии Кулунда — Барнаул. Балластировочная машина системы Н. П. Бизяева завершает отделку пути.

ЧЕРЕЗ ТАЕЖНЫЙ ХРЕБЕТ

В Барнаульском краеведческом музее хранятся рельсы первой железной дороги с конной тягой. Дорога была построена в 1809 году на Алтае замечательным русским изобретателем П. К. Фроловым. Современный железнодорожный транспорт Алтай получил только накануне Октябрьской революции. Дорога, прошедшая тогда через Барнаул от главной Сибирской магистрали, оканчивалась двумя тупиками: в Бийске и Семипалатинске. Экономику старого русского города на Оби определяли в те годы шубные фабрики и пимокатные заводы.

Турксиб — первенец социалистической индустриализации на востоке — связал Сибирь со Средней Азией. Барнаул стал городом машиностроителей, текстильщиков, железнодорожников. Теперь, с постройкой Южсиба, краевой центр Алтая получил прямую, кратчайшую связь с Северным Казахстаном и с Кузбассом.

...Каждый день под вечер отправляется пассажирский поезд на Сталинск. У билетной кассы очередь. Еще бы! Новая дорога в несколько раз короче старого пути через Новосибирск. Там с пересадками проедешь добрых полутора суток, а тут всего ночь езды!

Соседи по вагону — люди разные. Но общая беседа, касаясь всего понемногу, снова и снова возвращается к тому, что одинаково волнует каждого,— к новой дороге, проложенной через дикий Салаирский хребет.

Два инженера толкуют про свои лесозаготовительные дела. Много леса для строек и шахт стала давать ныне Салаирская тайга. Только успевай вывозить! А с вагонами туго.

Претензия, обращенная к молчаливому соседу-железнодорожнику, попадает не по адресу. Он не эксплуатационник, а строитель. Вот о недавней стройке ему есть что вспомнить. Да, впрочем, что рассказывать: цифры красноречивее слов!

Прежде самой трудной железнодорожной стройкой считалась линия Комсомольск — Совгавань, где на каждый километр пути приходилось сорок пять тысяч кубометров скальных и земляных работ и на каждые семь километров — одно искусственное сооружение. На трассе Барнаул — Кузбасс земляных и скальных работ было в два с лишним раза больше.

За окном, словно в кинофильме, сопровождающем лекцию, открываются виды тайги. Хвойный лес стеной подступает к насыпи. Острыми зубцами вонзаются в небо вершины пихт и елей. Из чащи тянет сыростью, лесной прелью.

Одиноко выглядят домики путевых обходчиков, редкие станционные здания. Но на каждом разъезде встречаются груженые эшелоны. В товарных вагонах кузнецкий уголь, на платформах штабеля леса, груды крупного, увесистого строительного камня.

Безоблачное летнее небо усеяно звездами, а в тайге чернымчерно. Но вот впереди яркой россыпью вспыхивают электрические огни. Это станция Тягун. Тут стóит остановиться.

Сразу за вокзалом начинается вырубка. Земля, отвоеванная у тайги, выглядит, как поле недавней битвы. Пни вековых деревьев теснятся один к другому, переплетаются узловатыми корнями.

Немало железнодорожников и лесозаготовителей прочно, оседло обосновалось в таежном поселке Тягун.

А пока что надо корчевать пни, осушать болота, осваивать трудную дорогу...

— По всей Сибири поезда водил, не встречал таких подъемов и поворотов,— говорит машинист Иван Никифорович Харитонов, уроженец Новосибирска и постоянный житель Тягуна.— Вот поедем со мною до Артышты, поглядите.

— Поедем!

Длиннющий эшелон порожняка изгибается несколькими дугами так, что с тормозной площадки в середине состава не видно ни паровоза, ни последних вагонов. Поезд мчит то по высоченной насыпи — верхушки деревьев почти вровень с крышами вагонов,— то выемкой, столь глубокой, что, закинув голову, едва видишь краешек неба.

У подножья скалистой горы вход в туннель. На широкой бетонной плите знакомая всем советским людям большая буква «М». Славно поработали в Салаирской тайге московские метростроевцы!

...Перевал пройден, и колеса, катясь под уклон, стучат все веселее и веселее.

Артышта — последняя станция новой дороги. По равнине, в редком березняке, протянулись мачты электропередачи. Уходят вдаль провода над рельсами. Паровоз тормозит, и мы прощаемся с Иваном Никифоровичем Харитоновым. Дальше состав пойдет по старой дороге Кузбасса.

Не раз на пути к Сталинску обгоним мы эшелоны теплушек с дымящимися жестяными трубами и занавесками на узких оконцах. В своих домиках на колесах строители едут на восток. Там, от Сталинска к Абакану, в горах и тайге, тоже идет стройка: рельсы Южсиба прокладываются дальше, к берегам Енисея.

Путеукладчик системы В. И. Платова—основная строительная машина. Бригада опускает последнее звено путей на станции Штапка, близ Барнаула.

ДЕНЬ В СЕЛЬСО

П. ТРОЯНОВСКИЙ

Фото Б. Вдовенко.

Раннее утро. Дверь в кабинет Валентина Кирилловича Алейника распахнута настежь: то и дело входят и выходят посетители.

В кабинете светло и чисто. Меж двух окон стоит большой, аккуратно прибранный стол. На стене гравюра, изображающая Петра в Полтавской битве (Петр шел навстречу шведам через Березовку и останавливался в здешних местах). Вдоль стен расставлены стулья. У печки стоит председательский велосипед.

На Алейнике знакомый всей Березовке серый пиджак, новый галстук. Он чисто выбрит, причесан, и только один светлый хохол над лбом оставлен в своем живописном естестве.

Заметно, что Валентин Кириллович придает большое значение внешнему виду и кабинета

На птицеферме колхоза «Свободный труд». Птичница Нина Мамонтова кормит цыплят.

и своему собственному. Посетители к этому относятся одобрительно; во всяком случае, ни один из них здесь не закурит, хотя на стенах нет таблички: «Не курить!».

Вот в кабинет вошел загорелый молодой мужчина. Он еще у порога начал улыбаться, и эта улыбка на обветренном лице была так хороша и заразительна, что безучастным никто не остался. Посветлели морщины Емельяновны, ожидавшей важного разговора с Алейником; шевельнулись кончики седых усов у депутата Денисенко. А Валентин Кириллович поднялся с кресла и всем корпусом подался навстречу вошедшему:

— С кем тебя поздравлять, Митя?

— Парень. Двенадцать с половиной фунтов...

— Ну вот видишь, я же тебе говорил, что будет наследник!

— Вечерком жду вас с супругой на вареники...

— Зайду обязательно, я уже подарки купил.

— Что у вас, Яков Платонович? — обратился председатель к депутату Денисенко, проводив до двери колхозного конюха.

— Мы вот с Емельяновной пришли пожаловаться на председателя колхоза «Красная Березовка» Винника.

— Ты уж заступись еще раз за меня да за моих сирот, Валентин Кириллович, — вставила Емельяновна.

— Что, не хочет ремонтировать хату? — спросил Алейник.

— Его не поймешь, Валентин Кириллович,— ответил за вдову Денисенко. — На словах готов приступить к ремонту хоть сегодня, а на деле водит нас обоих за нос вот уж второй месяц.

— В субботу как раз заседание исполкома. Увижу его, обязательно поговорю. Думаю, в понедельник придут к тебе, Емельяновна, плотники...

Когда Емельяновна вышла, Яков Платонович Денисенко подсел к столу председателя.

— У нас в «Свободном труде» начали сад сажать.

— Знаю. По-моему, еще вчера начали.

— Не нравится мне, как они яблони сажают. Надо бы в ямки навозу-сыпца... Сыпец хорошо сохраняет влагу, дает саженцу питание.

— А что же вы об этом, Яков Платонович, своему председателю не скажете? — спросил Алейник.

Денисенко дотронулся рукой до кончиков усов.

— Сказать можно, только вам, как председателю, сделать это сподручнее. Вас он наверняка послушается, а от меня и отмахнуться может.

— Ладно. Спасибо, Яков Платонович, за дельное предложение.

В блокноте председателя под заметкой о ремонте хаты Анны Емельяновны Олейниковой прибавилась запись о навозе-сыпце.

Подписав поданные секретарем бумаги, Алейник собрался было идти завтракать, как в кабинет торопливо вошел Иван Кальницкий — колхозник артели «Свободный труд».

— До вас, Валентин Кириллович, — сказал он, снимая фуражку.

— Садись, слушаю.

Кальницкий рассказал Алейнику о вчерашнем заседании правления колхоза «Свободный труд». Сам он на нем не был, но слышал, что правление решало вопрос о строительстве нового коровника на 114 голов. Алейник знал об этом, но колхозника не перебивал. Раз Кальницкий пришел в сельсовет — значит у него какие-то мысли, что-то его волнует.

— Да, заседали и решили делать саманные стены, — говорил тем временем Кальницкий.— А саманные стены, вы сами знаете, какие: сегодня их поставишь, завтра надо менять или обновлять. Да и сырость пропускают. Не по-хозяйски, по-моему, наше правление подошло к этому делу. Уж если строить, так покрепче. Правильно я понимаю, Валентин Кириллович?

— Верно говоришь, Ваня,— ответил Алейник, любуясь горячностью Кальницкого.

— А что, если сделать шлакобетонные стены? Будет дороже немного, но зато прочно и чисто. Бетон достать можно, шлаку на станции пропасть, а рецептура имеется. Вот она, еще в армии записал.

Алейник внимательно прочитал рецепт.

— У тебя и расчеты готовы?

— Готовы. Хотел убедить вас, Валентин Кириллович. Дело-то ведь не пустое!

— Вот что, Иван Михайлович,— сказал Алейник, — рецепт и расчеты оставь у меня. Вижу, что вашего председателя на исполкоме слушать надо. Обсудим, посоветуемся с депутатами, с активом, и если у тебя в этой бумажке все правильно, будет по-твоему.

— Я знал, что власть меня поддержит, потому и зашел. А сейчас, простите, Валентин Кириллович, побегу на работу...

— Теперь знаешь дорогу в сельсовет, — ответил с улыбкой Алейник. — Заглядывай...

Когда Кальницкий ушел, председатель сельсовета обсудил с директором школы-семилетки депутатом Яковом Васильевичем Вервейко план лекций сельского лектория на лето, а затем зашел в библиотеку сменить книгу.

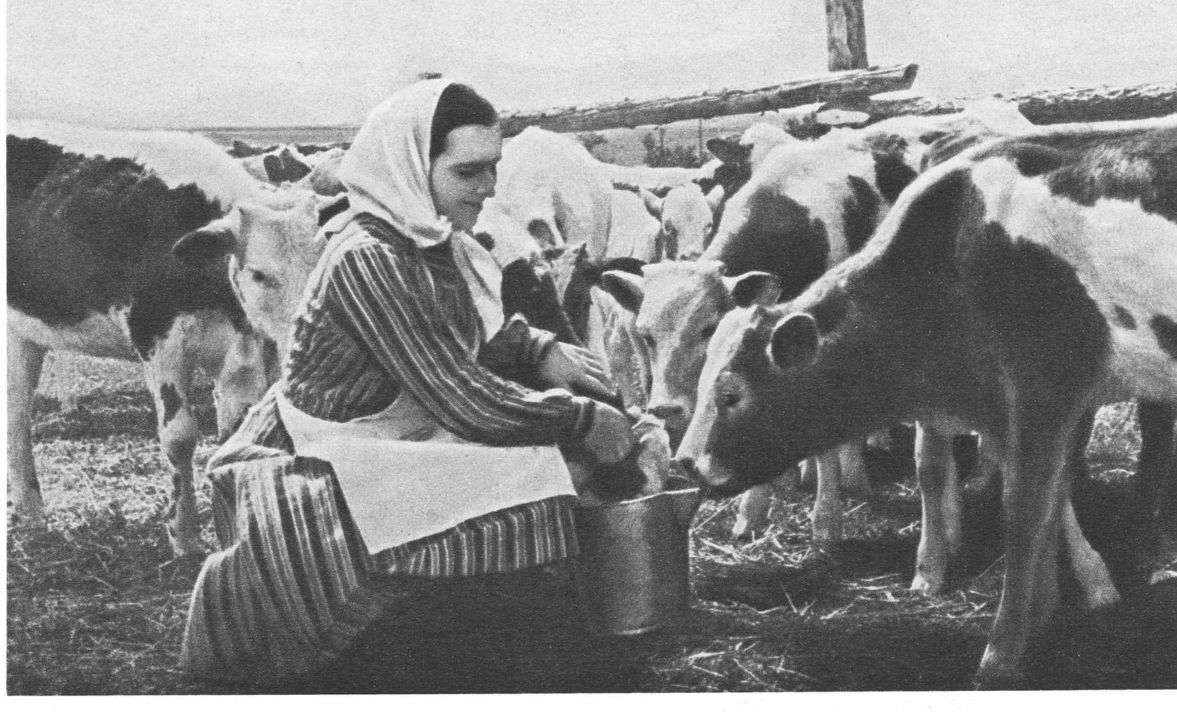
Вернувшись к себе, он вывел из кабинета велосипед на улицу и легко вскочил в седло. Издалека можно узнать, что едет по дороге Алейник. У него повреждена на войне правая нога, после операции она стала короче, и он нажимает на педаль велосипеда только одной левой.

Солнце уже было высоко и изрядно припекало.

Сельский хор.

ВЕТЕ

На животноводческой ферме колхоза «Свободный труд». Телятница Татьяна Вервейко.

* * *

Иван Иванович Веприк третий час сидит за столом и все пишет и читает. Перед ним целый ворох бумаг, бухгалтерские книги, годовой план колхоза, вырезки из газет и журналов. Ему хочется, чтобы завтрашний доклад на исполкоме сельсовета удивил всех и прежде всего Алейника своей полнотой и глубиной. Речь будет идти о выполнении плана развития животноводства, а председатель правления колхоза «Свободный труд» на эту тему многое может сказать. Плановые наметки перевыполнены по всем статьям. Одних овец на 120 голов больше, чем предусматривалось планом, значительно больше лошадей, свиней, птицы. Тылы животноводства тоже обеспечены хорошо: колхоз посеял 116 гектаров однолетних и 237 гектаров многолетних трав, 17 гектаров кормовой свеклы, 32 гектара вики. Механизирован с помощью ветродвигателя водопой скота. В этом году намечено построить новые коровник и птичник. Материалы для строительства уже завозятся на площадки.

О чем еще стоит рассказать? Иван Иванович много раз спрашивает себя и каждый раз что-нибудь вспоминает.

И удивительное дело: волнение, охватившее его сразу же, как только он сел за доклад, не проходит.

Ивану Ивановичу не раз приходилось выступать на заседаниях советских и партийных органов с докладами и информациями по разным хозяйственным вопросам. Особенно часто это случалось, когда он был старшим агрономом МТС. В феврале 1953 года Веприка избрали председателем колхоза «Свободный труд». Вызовы на заседания бюро райкома партии, исполкома райсовета, в отдел сельского хозяйства стали хотя и реже, но не прекратились. По дороге в район Ивана Ивановича всегда разбирало волнение.

Теперь ко всему этому прибавились вызовы на заседания исполкома и на сессии сельского совета. Первый раз агроном Веприк шел в сельсовет, думая, что тут причин для волнения нет. Это же не райком, не райисполком, а сельский совет. А что ему, председателю передового колхоза, до сельсовета! Так, надо соблюсти формальности, и все.

И как же Веприк был наказан тогда за свои заблуждения! Во-первых, он вдруг узнал, что в числе депутатов сельсовета находятся три товарища с высшим образованием — участковый агроном и два учителя; во-вторых, оказалось, что председатель Алейник знает колхоз «Свободный труд» и весь ход дел в нем лучше его самого; в-третьих — и это было самое обидное и неожиданное,— соседний колхоз «Красная Березовка», который тоже выступал с докладом, к весеннему севу был готов лучше, чем колхоз «Свободный труд». Доклад Веприка был подвергнут суровой критике. Исполком решил отобрать у колхоза «Свободный труд» переходящее Красное знамя и вручить его колхозу «Красная Березовка».

На следующий день в колхозе только и было разговоров, что об этом решении.

Сев колхоз «Свободный труд» провел организованнее и быстрее своего соседа. Алейник в дни сева дневал и ночевал в поле.

А когда сельсовет обсудил итоги весеннего сева и снова присудил переходящее Красное знамя колхозу «Свободный труд», Веприк убедился, что в сельсовете — очень справедливые люди.

Сейчас ему хотелось не ударить лицом в грязь перед сельсоветом и его председателем Алейником. Это и было причиной волнения.

Прочитав еще раз доклад и не найдя ни одного дополнения к нему, Веприк наконец успокоился и пошел отдыхать.

Однако на заседании исполкома сельского совета Ивану Ивановичу Веприку снова пришлось краснеть. Алейник его спросил:

— Какие стены будут у коровника?

— Саманные, — ответил Веприк.

— А шлакобетонные сложить не лучше? — спросил Алейник и рассказал депутатам и активу о своем разговоре с колхозником Иваном Михайловичем Кальницким.

Веприк согласился, что лучше сделать стены коровника из шлакобетона.

Потом начался разговор о летнем водопое для скота. Депутаты считали целесообразным запрудить против скотного двора речку.

— Ветряк летом не сумеет обеспечить водой все стадо,— сказал депутат Денисенко. — А сделать запруду — это ж пустяк. Один день — и готова запруда. К тому же пора думать об утках. «Красная Березовка» приобрела две сотни утят. Нам от них, Иван Иванович, отставать недозволительно...

Другие депутаты поддержали старика Денисенко, и Веприк дал слово в самые ближайшие дни сделать на речке запруду.

«Теперь, кажется, все», — с облегчением подумал Веприк, складывая бумаги в портфель. Однако опять заговорил Алейник:

— В сельсовете, Иван Иванович, есть сигналы, что у вас одна доярка сдает на сепараторный пункт колхозное молоко за свое. Прошу проверить и принять меры.

Иван Иванович Веприк поблагодарил Алейника за советы и помощь.

Попрощавшись с Веприком, Алейник подошел к председателю колхоза «Красная Березовка» Виннику.

— Забыл тебе сказать, Павел Антонович: утром звонил председатель исполкома райсовета, говорил, что к вам на строительство орошаемого участка завтра должен придти из Ракитянской монтажной конторы грейдер, из Стригуновской МТС занаряжен бульдозер. Как видишь, сельсовет не зря принял решение об ускорении строительства. Как там у вас идет перекладка труб?

— Сегодня все закончили. Завтра будем пробовать двигатель и насосы.

— Желаю успеха! Да, еще одну вещь забыл. Скажи, пожалуйста, Ковтуну, секретарю парторганизации, что хочу завтра с ним встретиться, посоветоваться о бытовых делах...

* * *

На целые двенадцать километров растянулось село Березовка. Небольшие белые домики кажутся спрятанными в садах, под вязами и тополями. С двух сторон от села лежат поля двух березовских колхозов — «Свободный труд» и «Красная Березовка». Глазом сразу не окинешь массивы пшеницы, плантации сахарной свеклы, посевы различных трав. Между полями и вдоль границ колхозных владений шумят молодые лесные полосы. На противоположных концах села стоят центральные усадьбы колхозов. Тут скотные дворы и птичники, мельницы и электростанции, магазины и клубы, конторы колхозов и колхозные амбары, кузницы, детские сады и ясли.

Сельский совет расположен в середине села. Рядом с ним стоит школа-семилетка, медпункт и памятник погибшим советским воинам. Особенно людно в сельсовете бывает ранним утром и поздним вечером. Днем работа здесь замирает. Все население Березовки в это время в поле, и сельсовет переносит свою деятельность туда.

Алейник садится на велосипед и катит в поле, где работают люди, которые избрали его на высокий пост и которые любят, уважают и всегда рады видеть его.

с. Березовка, Курской области.

На строительстве плотины и водосброса. Депутаты Березовского сельсовета В. К. Алейник (слева), учительница Н. Г. Хондак и гидротехник Л. В. Щербак.

ОГНИ РЯЗАНЩИНЫ

Данковская ГЭС.

К. ЯКОВЛЕВА

В 1950 году на Рязанщине торжественно праздновали пуск Ново-Никольской ГЭС. Это была первая в Данковском районе сельская гидростанция, построенная руками колхозников. С той поры, как вспыхнули ее огни, по всей округе шли разговоры о переменах, которые принесло электричество в колхоз имени Кирова. О таких переменах теперь мечтали в каждом селе. Но разве одной Ново-Никольской ГЭС мощностью всего в 180 киловатт было под силу дать энергию семнадцати колхозам района: привести в движение десятки моторов, залить светом дома, клубы, улицы!

И вот на берег Дона пришли строители новой, Данковской ГЭС. В колхозе «Буревестник» сказали: «Пошлем Баловнева и Дьяконова. Оба они строили Ново-Никольскую». Отозвался и «Красный Октябрь»: «Студеникин и Глухов могут возглавить бригады каменщиков и бетонщиков». В «Красном знамени» решили: «Пажельцев пускай станет во главе землекопов». Не отмалчивались и рабочие данковских заводов — щебеночного и химического: на берег Дона прибыли самосвалы, экскаватор, транспортеры. Так всколыхнулся весь район.

Предстояло забить на плывуне около двух тысяч свай. День и ночь глухие тяжелые удары слышались над Доном. Сваи все глубже прятались в землю, их прикрыла надежная железобетонная подушка, и над рекой поднималось здание ГЭС. Упираясь в донское дно, росла плотина. Гнутые рельсы, словно гигантские ребра, опоясали ее вершину. На языке цифр это звучало так: вынули 25 тысяч кубометров скального грунта и земли, уложили 5 тысяч кубометров бетона, смонтировали 120 тонн металлоконструкций...

От донского берега по просторам рязанских полей уходили линии передач. Встали столбы вдоль широких дорог-большаков, а потом свернули на проселочные пути. Целая роща, столб за столбом, протянулась на 220 километров.

Многие из бывших строителей остались работать на ГЭС: и турбинист Н. Пажельцев, и начальник гидротехнических сооружений бывший колхозный плотник И. Баловнев, и электрик А. Ульянов.

Появилась еще одна, новая для этих мест специальность. Ранним утром где-нибудь в Подлесном Хрущеве раздается вдруг на всю улицу: «Внимание! Говорит радиоузел...» Колхозный радист начинает передачу.

...В вечерний час ярко вспыхивают огни Данкова. С высокого берега Дона через густую листву прибрежных ив видно, как далеко светят огни колхозной электростанции. Придет старожил на плотину с удочкой и удивляется: то ли место? Бетон, камень, металл стали на пути донской воды и заставили ее отдать свою силу людям...

Ново-Никольская и Данковская ГЭС — лишь небольшая часть энергетического хозяйства рязанских колхозов. На реках области к началу этого года были построены 203 сельских электростанции. Двести тридцать девять колхозов и 90 МТС получили электрическую энергию.

Одна из станций — Кузьминская — стоит на синей Оке, как белый утес, залитый солнцем. С крутого берега к ней два пути: длинная старая лестница, все глубже врастающая в зеленый склон горы, и широкая асфальтированная дорога, проложенная в дни строительства станции.

На стене надпись: «ГЭС сооружена силами колхозников Рыбновского района, Рязанской области. Руководители строительства: инженер П. В. Петров, председатель колхоза имени Ленина В. С. Говорушкин».

В далекие уголки района с берега Оки пошла чудесная сила электричества.

Машинно-тракторная станция... В шеренгу выстроились электротракторы и дощатые вагончики на колесах — понизительные подстанции. Вот электрический трактор на поле. Выставив вперед, словно хобот, стрелу, направляющую кабель, послушный человеку, он бесшумно тянет за собой плуг, оставляя позади глубокие черные борозды.

Колхоз имени Сталина... Это один из лучших колхозов района, использующий в своем большом и сложном хозяйстве электричество.

За пригорком гряды с капустой. Чтобы вырастить это зеленое богатство, раньше нужно было великое множество ведер воды. Вот и попробуй повози ее бочками! Теперь это делают просто: машинист включает рубильник, и из маленькой речушки насос по трубам гонит воду в горку, на поле, где растет капуста. Девушки повернут кран водопровода, и речная вода под рукой: бери лейку — поливай... Но скоро и это останется позади: колхоз приобрел дождевальную установку для полива 80 гектаров овощей, на огородах прокладывают водопроводные трубы.

Неподалеку от правления свалены бревна. Идут последние приготовления к пуску пилорамы. Включен рубильник, и острые зубья пил, шипя и усыпая землю опилками, режут бревна на пахучие желтые доски. За первым бревном люди подкатывают второе, третье... Колхозу срочно нужен строительный материал — сооружают гараж, а затем на очереди три овощехранилища и скотный двор.

Электричество приводит в действие и колхозные огуречные дробилки. Шесть тонн семян огурцов сдано государству. А ведь для получения 6 тонн семян надо переработать около 800 тонн огурцов!

Без электричества не обходится теперь ни уборка урожая, ни стрижка овец, ни дойка коров, ни приготовление кормов. Оно проникает во все уголки колхозного хозяйства, сообщая ему новый, невиданный доселе размах.

Пуск каждой станции превращается в праздник. Но особенно запомнился день, когда дала первый ток Рассыпухинская ГЭС мощностью в 2 тысячи киловатт. Ее строил 61 колхоз.

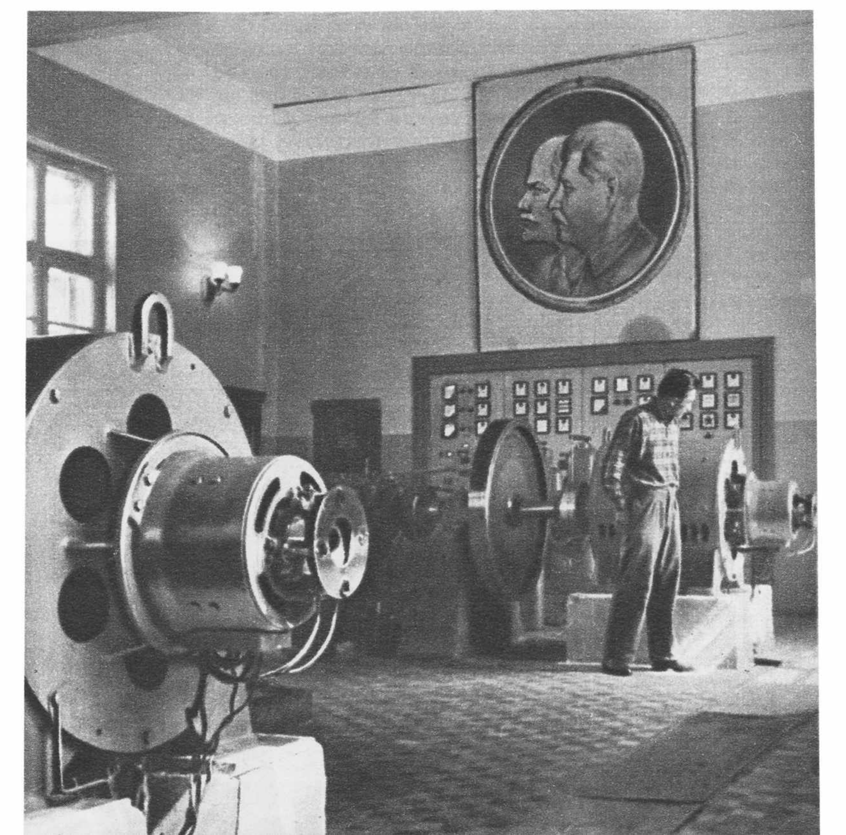
Планы 1953 года обширны. Вступят в строй 13 новых электростанций. Сто колхозов получат электричество. Сотни километров новых высоковольтных и низковольтных линий пройдут по Рязанской области.

На Цне поднимается Теньсюпинская ГЭС на тысячу киловатт, на одном из ее притоков — Затонская станция. Готовы технические проекты Березовской, Барковской, Лебедянской...

Огромные богатства таят неширокие рязанские реки. Тридцать тысяч киловатт — вот мощность, которую они могут отдать колхозному хозяйству.

Машинный зал Данковской межколхозной ГЭС.

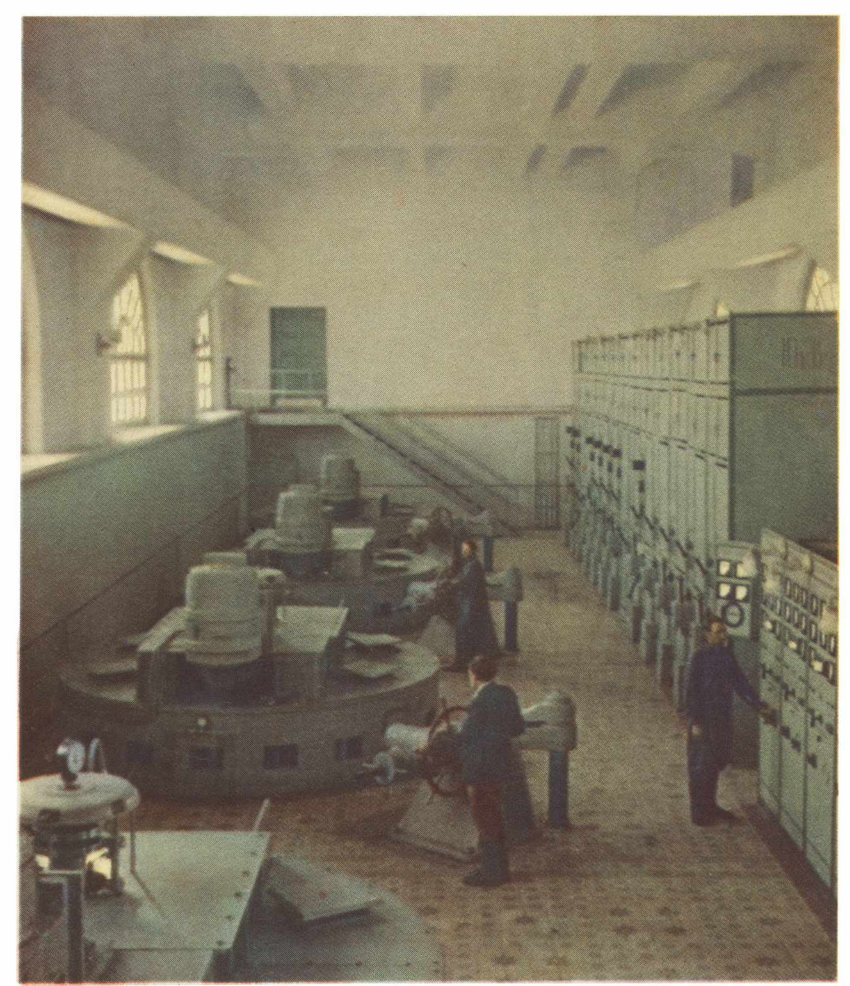

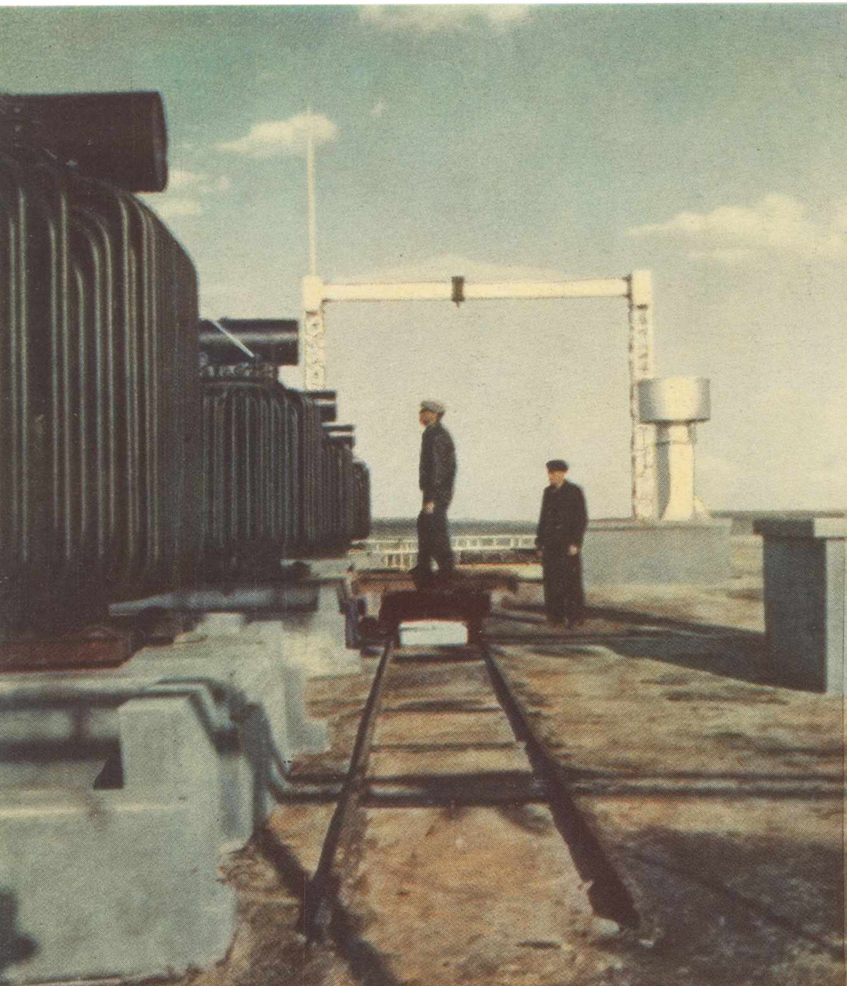
Колхозники Рыбновского района построили на Оке Кузьминскую ГЭС.

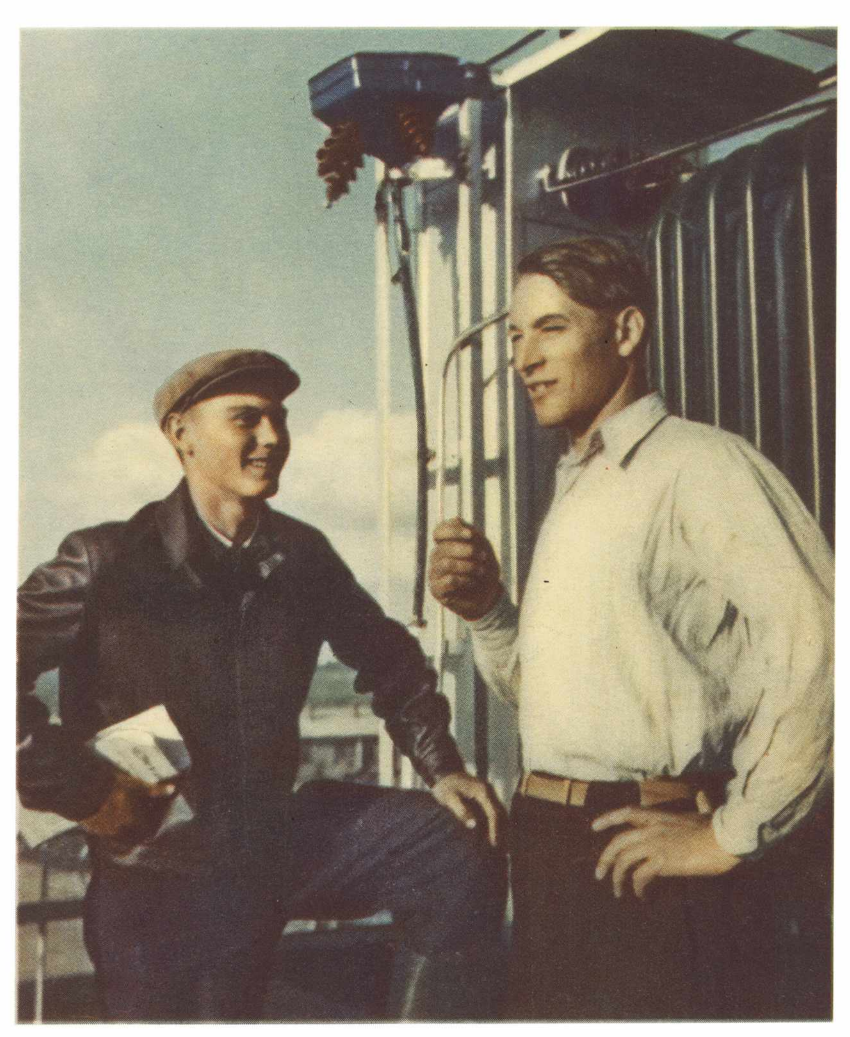
Электрические тракторы Кузьминской МТС перед выходом в поле.

Они строили Данковскую ГЭС, а теперь работают здесь. Слева направо: гидротехник И. Баловнев, начальник стройплощадки Г. Фокеев, рабочий электросклада П. Графцов, моторист Е. Зайцев, турбинист Н. Пажельцев.

Рассыпухинская межколхозная ГЭС мощностью в две тысячи киловатт. Вверху — общий вид ГЭС; машинный зал. Внизу — трансформаторная подстанция; колхозные электротехники Василий Филин и Александр Маслов.

Фото М. Савина.

СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА В ИТАЛИИ

Альберто **ЯКОВЬЕЛЛО**

Вот уже целую неделю более тысячи горняков не покидают шахты Иглезиаса, протестуя против увольнения 300 шахтеров. Продовольствие бастующим, собранное среди окрестного населения, доставляют им товарищи, специально для этого оставшиеся наверху.

Иглезиас — небольшой поселок пастухов и шахтеров, расположенный в безрадостной, унылой местности Сардинии. Его дома, опаляемые раскаленными лучами солнца, прилепились на скалах, высоко над морем. Шахта — почти единственный и главный источник существования жителей Иглезиаса. Стоит шахтерам потерять работу, как хозяйство поселка приходит в упадок, магазины не торгуют, или, вернее, вынуждены продавать в кредит, надеясь, что когда-нибудь их должники вновь обретут заработок. И, конечно, увольнение 300 рабочих наносит серьезный удар по экономике всего поселка. Кроме того у жителей есть серьезные основания беспокоиться, что увольнение 300 рабочих — это лишь начало. И население дружно, активно поддерживает бастующих.

Что же касается самих шахтеров, то цель их борьбы совершенно ясна: для каждого из них увольнение — это конец. Им негде найти другой работы, пусть даже более тяжелой и опасной, чем в шахте. У многих на руках большая семья. Заработок шахтера — это насущный хлеб для пяти, семи, а то и восьми человек. У Аттилио Фрау — шестеро детей, у Витторио Монка — восемь, у Джиованни Токко — семь иждивенцев.

Среди бастующих есть шахтеры, работающие на шахте по 15—20 лет. Анна Де Монтис, Джиованни Муртини, Эфизио Мартини — это все горняки-ветераны.

Один из шахтеров показал мне свою расчетную книжку: за 160 часов работы, из них 45 ночных, он получил немногим более 34 тысяч лир, то есть примерно 200 лир в час. Чтобы понять ничтожность такой оплаты, достаточно вспомнить, что в Италии килограмм хлеба стоит 200 лир, а килограмм мяса в среднем — 1 200 лир. Один из горняков Иглезиаса сказал: «В нынешнем году мне пришлось есть мясо только два раза: на пасху и 10 июня, когда мы праздновали победу компартии на выборах».

Борьба шахтеров Иглезиаса полна драматизма. Вскоре после того как рабочие заняли шахту, хозяева пригрозили закрыть в ней все выходы, — иначе говоря, заживо похоронить бастующих. Горняки ответили, что в таком случае они остановят все откачивающие воду насосы, а это неминуемо повлечет затопление соседних шахт. Каждый день мужественной борьбы приносит шахтерам новых друзей не только в Иглезиасе, но и на всем острове Сардинии. Бастующие уверены, что они в конце концов заставят предпринимателей сдаться. Известно немало случаев, когда промышленники, покрупнее и посильнее хозяев шахты в Иглезиасе, оказывались вынужденными уступить.

Недавно в городе Фратта, провинция Салерно, владельцам местной хлопчатобумажной фабрики пришлось отменить приказ об увольнении 42 человек, ибо вставшие на защиту своих товарищей 1 800 рабочих и служащих заняли фабрику.

В городе Савоне трудящиеся единодушно поднялись на борьбу против увольнения 1 300 рабочих машиностроительных заводов Ильва, Скарпа и Маньяно, где из-за кризиса предполагается закрыть несколько цехов. Практически это означало бы для Савоны уничтожение промышленного района города. И здесь борьба принимает иногда острый характер: отряды полицейских силой пытаются разгонять митинги и демонстрации рабочих. Но непоколебим дух борющихся, так как у них много верных, сплоченных союзников.

В Милане недавно была одержана большая победа в битве за достоинство рабочего человека. Хозяева химического завода пластмасс «Крочи и Фаринелли» в конце июня, без ведома и согласия заводской рабочей комиссии по внутреннему распорядку, решили ввести унизительную форму контроля, напоминающую нравы американских тюрем. В дверях каждого цеха были установлены то и дело загорающиеся красные лампочки. Рабочий, оказавшийся при выходе в тот момент, когда зажигалась лампочка, должен был подвергаться обыску. Это было тем более возмутительно, что большинство работающих на заводе — женщины. Почти все рабочие отказались раздеваться и подвергаться унизительному обыску. Администрация наложила на непокорных штрафы и объявила им выговоры.

Возникшее в этой связи брожение переросло в забастовку. Администрация ответила вначале увольнением одного из членов комиссии по внутреннему распорядку, а потом объявила о закрытии предприятия. Дружная борьба рабочих вынудила хозяев открыть завод, но так как позорная система контроля не была отменена, коллектив снова забастовал. Владельцы еще раз закрыли завод.

Рабочих «Крочи и Фаринелли» энергично поддержали Палата труда и трудящиеся других предприятий Милана. Через 13 дней было подписано соглашение, в котором предусматривалась отмена недопустимой системы контроля и выплата заработной платы за вынужденный прогул.

Так рабочие Италии борются за свои права. После выборов 7 июня предприниматели пытались усилить нажим на рабочий класс, но это встретило энергичное сопротивление, заставившее хозяев наконец понять: поражение правительства на выборах и резкое увеличение числа голосов, поданных за прогрессивные партии, означает, что возврат к прошлым порядкам стал значительно труднее.

Рим. Июль 1953 года.

Бастующие рабочие машиностроительного завода Ильва в Савоне. На плакате надпись: «Долой безработицу и увольнения!»

В таких условиях работают на шахте Иглезиаса. Плохая вентиляция и высокая температура вынуждают горняков работать без всякой одежды. Признаки какой-либо техники безопасности здесь отсутствуют.

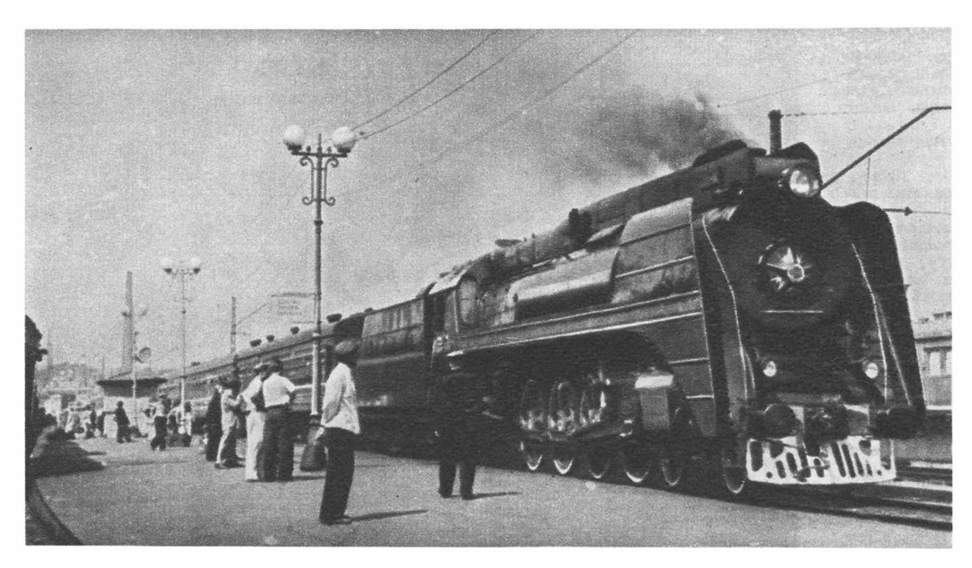

Так встретили трудящиеся Рима весть о победе демократических сил на июньских выборах.

Группа рабочих одной из фабрик Рима несет плакат: «28 тысяч лир не хватает на хлеб. Мы требуем увеличения заработной платы!»

Первый рейс

Паровоз «2-4-2» ведет поезд на Сочи.

Фото И. Тункеля.

Отроду этому локомотиву нет и трех месяцев. Медленно подходит он к железнодорожной платформе с вереницей таких же нарядных, поблескивающих светлозеленой краской пассажирских вагонов.

Инженер-лейтенант Сергей Васильевич Мартышев за три десятка лет, которые прослужил на железной дороге, исколесил около двух миллионов километров. Сегодня он ведет паровоз «2-4-2», который впервые уходит в дальний путь.

Массивный паровоз всем своим обликом заставляет верить в огромные возможности, заложенные в его могучем организме. Мягкие линии, обтекаемые формы — он весь кажется устремленным вперед.

Любуясь этим детищем большого коллектива Коломенского паровозостроительного завода, главный инженер Московско-Курского депо В. А. Кругликов говорит:

— Посмотрите, каков красавец!

«2-4-2»... Это значит, что у паровоза четыре движущие оси и по две поддерживающих — спереди и сзади. По мощности он равен своему предшественнику — пассажирскому паровозу серии «ИС». Но нагрузка на сцепные оси у него меньше, и это дает значительные преимущества.

Группа конструкторов во главе с лауреатом Сталинской премии Л. С. Лебедянским, создавая машину, использовала последние достижения отечественной техники. На сцепных, поддерживающих и тендерных осях установлены роликовые подшипники. Они уменьшают трение, с ними меньше хлопот. Новая букса не загорится, ее не надо осматривать на каждой станции. А какая экономия смазки! Заправил раз — и хватит на несколько тысяч километров.

Паровоз оборудован перегревателем, который доводит температуру перегрева пара до 450 градусов. Это способствует сбережению топлива. Вода, поступающая из тендера, подогревается отработанным паром, что также дает немалую выгоду.

— Что касается скорости,— говорит нам инженер В. А. Кругликов,— то локомотив может развивать до 125 километров в час. Такую машину давно ждали на наших дорогах.

День железнодорожника в нынешнем году отмечен крупным событием — поезда водит новый мощный паровоз.

...Послышался свисток главного кондуктора, и поезд Москва — Сочи отправился в путь. Локомотив так плавно тронулся с места, что мы даже не заметили этого. Набирая скорость, паровоз миновал последние станционные строения.

Состав мчался вдоль густозеленой стены леса. Специальные приборы давали знать о температуре нагрева букс.

Помощник машиниста открыл шуровочные дверки и заглянул в топку. Отсвет яркого пламени заиграл на его лице. Затем он взялся за рукоятку и ритмичными движениями рычагов направил работу колосников. На старых паровозах их очищали от шлака вручную кочегар и помощник машиниста. Теперь за двоих работает сжатый воздух.

Трудно представить себе кочегара без лопаты. На новой машине ею почти не пользуются. По трубопроводу уголь из тендера попадает в топку. Нажмешь кнопку — автоматически закрываются дверки. Смазка подшипников и других деталей производится автоматически.

— Сидишь в такой кабине, как в купе, и не замечаешь, что восемь часов проработал,— говорит Сергей Васильевич.— Ни шума, ни тряски, воздух чистый. Машина идет мягко, как на шинах. В управлении проста, послушна. Установлено паровое отопление. Даже в лютые морозы будет тепло...

Наш разговор прерывает короткий и резкий свисток. Это дает знать о себе автостоп. Он включается за 100 метров до входного светофора. Если машинист не обратит внимания на сигнал, поезд автоматически остановится.

На каждой станции локомотив приветствовали ребятишки, пассажиры встречных поездов и даже стрелочники, видавшие на своем веку немало мощных и быстрых паровозов.

...Поезд ускорял свой бег, увозя на юг пассажиров, которых ждали впереди солнце, море и отдых.

Б. МИХАЙЛОВ, Б. ЛЕЩИНСКИЙ

Авиационный сев леса

В Тотемском лесхозе, Вологодской области, почти на триста гектаров раскинулся массив молодого леса. Шумят на ветру зеленые кроны, золотятся на солнце стройные тонкие стволы сосен... Семена их были посеяны с самолета тринадцать лет назад. Это был один из первых в мире опытов авиационного сева леса. Сейчас высота деревьев — два человеческих роста, диаметр ствола — семь — восемь сантиметров.

Авиационный сев леса в северных и северо-западных областях нашей страны с каждым годом получает все более широкое распространение. Семена сосны и ели успешно высеваются с самолетов на огромных территориях лесных хозяйств Карело-Финской ССР, Коми АССР, Архангельской, Кировской, Вологодской, Костромской областей.

Над вырубленным участком леса проносится на бреющем полете маленький «ПО-2А». За ним длинным шлейфом шириною почти в двадцать метров тянется легчайшая масса семян сосны. Кружась в воздухе, они медленно опускаются на землю. На каждый квадратный метр площади ложится до тридцати семян. Пользуясь специальным зеркалом, пилот Александр Кривоносов внимательно следит за выходом семян из авиаопылителя.

Семена сосны очень легки, поэтому сеять их можно только в тихую, штилевую погоду, когда скорость ветра не превышает двух метров в секунду. Пилот старается летать в ранние утренние часы и перед закатом солнца, когда воздушные массы у земли находятся в покое.

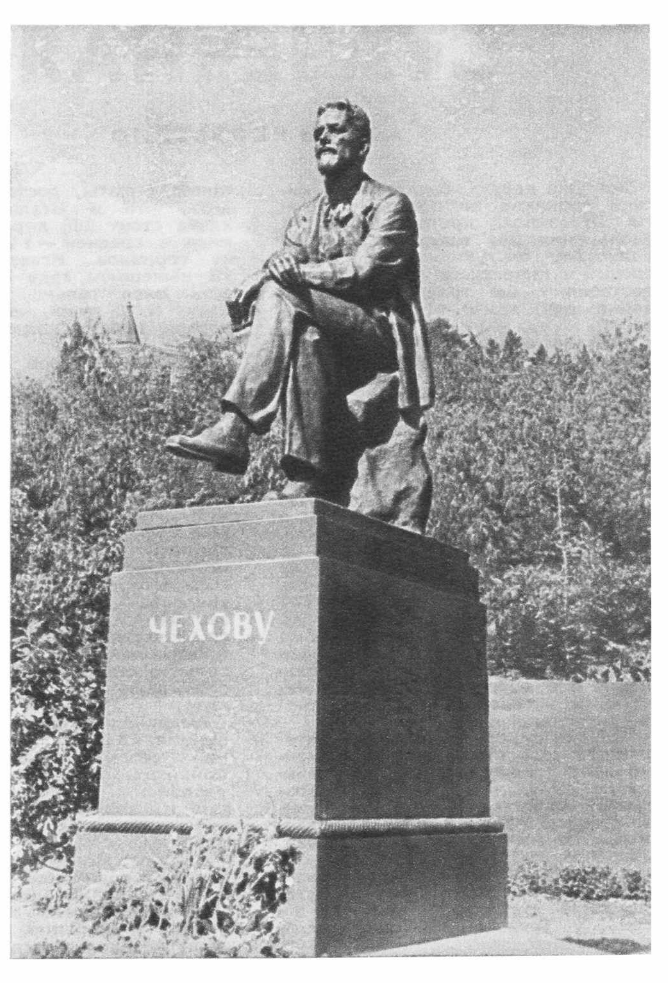
Семена сосны и ели, посеянные прошлой весной в тающий снег, дали хорошие всходы, высота молодых деревьев уже достигает тридцати — сорока сантиметров.

В нынешнем году семенами ценных пород промыслового леса будет засеяно около тридцати тысяч гектаров.

Теперь лесозаготовители могут производить вырубки на больших площадях, не заботясь об оставлении отдельных деревьев в качестве семенников, которые зачастую гибли от ветра. Аэросев леса дает полную гарантию, что на месте лесозаготовок снова поднимутся могучие сосны и ели.

Н. НОВОСЕЛОВ

Памятник А. П. Чехову в Ялте. Автор памятника — скульптор Г. И. Мотовилов.

Фото А. Рябцева.

Ялтинцы — любимому писателю

Недавно в Ялте на территории Приморского парка был открыт памятник великому русскому писателю А. П. Чехову.

На митинг, посвященный открытию памятника, собрались жители города и отдыхающие в ялтинских санаториях. Тепло были встречены выступления жены писателя народной артистки СССР О. Л. Книппер-Чеховой и его сестры М. П. Чеховой. Находившийся в Ялте член Общества советско-японской дружбы профессор Масао Ионекава рассказал о популярности Чехова в Японии.

Подарок тбилисским трикотажникам

В день открытия плавательного бассейна на территории Тбилисского прядильно-трикотажного комбината.

Фото М. Квирикашвили.

В южном городе водным спортом можно заниматься с ранней весны до поздней осени. Хороший бассейн — мечта каждого физкультурного коллектива.

Не так давно открылся большой водный бассейн на Тбилисском станкостроительном заводе имени Кирова. На днях такой же подарок получили рабочие и работницы прядильно-трикотажного комбината.

Бассейн размером 25 на 12 метров имеет пятиметровую вышку для прыжков.

Открытие на территории комбината плавательного бассейна вылилось в спортивный праздник рабочей молодежи комбината.

Санаторий в школе

— Попробуй, какие мускулы!..

Когда установились погожие летние дни, пятиклассник Толя Гуринович загрустил. Его старшая сестра Реня и брат Михаил каждое утро уходили на работу, младшие — Клим и Маруся — жили только одним: сборами в пионерский лагерь. Товарищи тоже разъехались: кто на дачу, кто в деревню, а кто и на море. Лишь Толя не знал, куда девать столько свободного времени. Бесцельно слонялся он по опустевшему двору.

А вечером его мать Мария Герасимовна пришла радостная:

— Горздравотдел дал для тебя бесплатную путевку в дневной детский санаторий!

Через неделю Толя Гуринович вошел в 12-ю минскую школу, где разместился санаторий. Мальчика осмотрели врачи и назначили усиленное питание. Новые товарищи показали различные игры, книги...

В Минском дневном детском санатории, существующем уже восьмой год, ежемесячно бывает более ста ребят. Большинство из них — дети погибших в годы войны. Школьники проводят время под присмотром врачей и педагогов. Ребята хорошо поправляются, весело отдыхают: ходят в кино, на экскурсии, каждый день ездят в лес.

Там и состоялось наше знакомство с Толей Гуриновичем. Мы его сняли в тот момент, когда новый приятель Толи, Коля Бакаревич, показывал товарищу свои «железные» мышцы.

— Попробуй, какие мускулы!— демонстрировал Коля свою силу.

В. ПОНОМАРЕВ

Ценная покупка

Много лет в сельскохозяйственной артели имени Орджоникидзе, Лозовского района, на Харьковщине, председательствует Григорий Сергеевич Могильченко.

Колхоз имени Орджоникидзе — большое, многоотраслевое хозяйство. В прошлом году его доход составил 2 740 тысяч рублей. Колхоз оснащен механизмами, электрифицирован. Здесь снимают высокие урожаи. В 1952 году на трудодень было выдано по восемь килограммов зерна и по четыре рубля.

Каждый год колхозники приобретают ценные вещи. В селе уже насчитывается пятьдесят мотоциклов, сотни велосипедов, много радиоприемников.

Узнав из газет, что в киевском специализированном магазине «Автотракторсбыт» ожидается партия автомобилей «ЗИМ», Григорий Могильченко послал свою заявку. Вскоре председатель колхоза получил телеграмму из Киева: «Приезжайте, можем удовлетворить вашу просьбу».

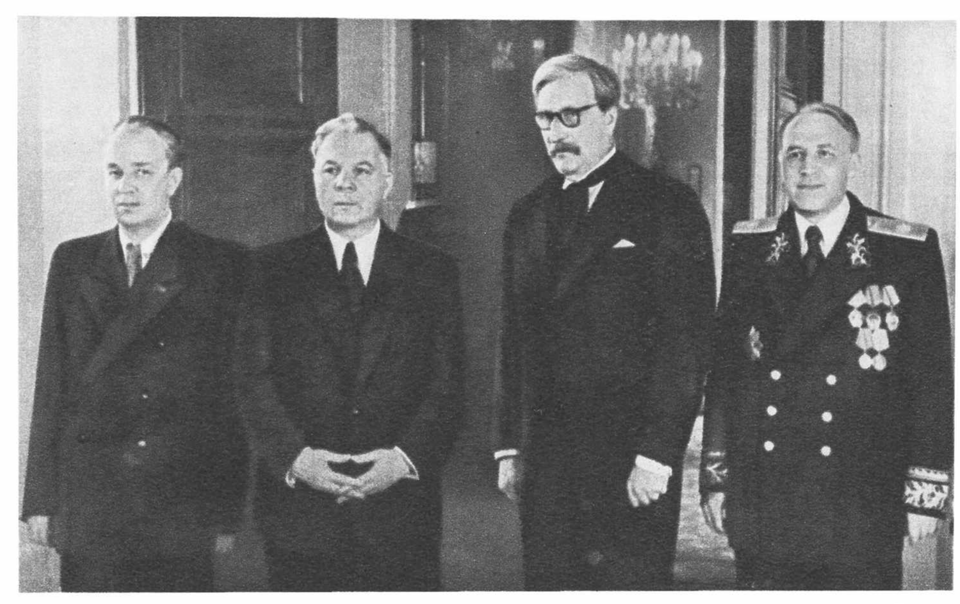
Киевский магазин «Автотракторсбыт» за два дня продал несколько автомашин «ЗИМ». Одну из них купил Г. С. Могильченко. Он выбрал «ЗИМ» темнозеленого цвета.

В. ШУМОВ

Г. С. Могильченко (слева) покупает «ЗИМ».
Фото Н. Козловского

ВРУЧЕНИЕ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР К. Е. ВОРОШИЛОВУ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ ПОСЛОМ АВСТРИИ Н. БИШОФФОМ

27 июля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Австрии в СССР Н. Бишоффа, вручившего свои верительные грамоты.

При вручении Послом верительных грамот К. Е. Ворошилов и Н. Бишофф обменялись речами.

Фото Дм. Бальтерманца.

Саратов зеленый

Купечество, строившее старый Саратов, было равнодушно к удобствам горожан. Живописная Волга, которая могла бы стать излюбленным местом прогулок, воспринималась купцами только как торговая магистраль. Поэтому и берег Саратова загромоздили множеством лабазов. Да и город-то поставили «спиной» к Волге: к реке были обращены задние дворы.

Была еще одна вековая беда у Саратова: пыль с окрестных гор. Клубы этой пыли, прозванной «саратовским дождем», обрушивались на город, лишая саратовцев свежести лета.

В советские годы преобразился Саратов. На пустырях зацвели цветы, деревья выстроились вдоль улиц. Огромный сквер, протяженностью в 2,6 километра, зазеленел в Ленинском районе. Изменился и берег Волги. Здесь возникла лодочная станция, лабазы и хибарки снесли, а сейчас строят красивую гранитную набережную, которая протянется на несколько километров. Зеленым каскадом будут спускаться к ней деревья.

Чтобы закрыть доступ пыли в город, нужно создать вокруг Саратова зеленое кольцо. Горожане сами взялись за посадку деревьев на горах. По склонам пролегли террасы, на которых уже топорщатся саженцы. Площадь посадок занимает 300 гектаров. Пройдет несколько лет — и «саратовскому дождю» будет трудно проникнуть в город.

Каждое воскресенье более 15 тысяч человек переправляется на пароходах за Волгу — на пляж, Зеленый остров, в лес. Путь многих лежит в дом отдыха «Ударник». В книге отзывов об этом доме чаще всего можно увидеть не фамилии отдельных лиц, а такие подписи: «Рабочие ремонтного завода», «Коллектив строителей города Энгельса», «Коллектив машиностроительного завода».

В Саратове на берегу Волги.

Фото Е. Соколова.

У саратовских рабочих стало обычным проводить свой выходной день в «Ударнике», где к услугам отдыхающих маленькие, удобные дачи, летний концертный зал, библиотека, танцевальная площадка, лодки и катер для прогулок. Сюда часто приезжают коллективы рабочей самодеятельности. Бывает, что через неделю отдыхающие и артисты меняются местами.

Или вот еще дом отдыха «Октябрьское ущелье». Когда вы приезжаете туда, у вас создается впечатление, что вы не в 20 минутах езды от Саратова, а на Кавказском побережье. Все напоминает юг — и зеленая кудрявая листва на горах, обступивших дом отдыха, и белизна здания, архитектурой сходного с южными здравницами. Этот комфортабельный «комбинат отдыха» начинает свой первый сезон. В скором времени предполагается открыть в нем физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты, и тогда «Октябрьское ущелье» станет санаторием.

За городом на несколько километров тянется дачный район, который в Саратове называют «детской державой». Действительно, все лучшие пригородные дачи город отдал детским садам, яслям, пионерским лагерям.

Саратовцам возвращена прекрасная Волга, для них открыты двери санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей, зацвели площади и улицы города.

Г. ТАРХАНОВА

Студенты и аспиранты Тимирязевской академии поздравляют с великой победой своих корейских друзей. Фото Я. Рюмкина.

С победой, корейские друзья!

В Корее подписано перемирие! После двух лет и семнадцати дней, в течение которых шли переговоры, наступил наконец день, которого так ждали люди доброй воли во всех уголках земного шара.

В Корее умолкли пушки, американские самолеты больше не бомбят мирные села и города!

С радостью передавали эту весть друг другу советские рабочие, колхозники, инженеры, ученые, студенты. С глубоким удовлетворением читали они телеграммы Председателя Совета Министров СССР товарища Г. М. Маленкова и Министра Иностранных Дел СССР товарища В. М. Молотова, в которых выражены чувства всех советских людей, сердечно приветствующих корейский народ и доблестных китайских добровольцев с великой победой.

Советские люди поздравляют корейских друзей, желают им быстрее залечить тяжкие раны, нанесенные трехлетней жестокой войной, навязанной их стране.

Аспирант Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева Ли Тхе Дон, услышав по радио весть о подписании перемирия побежал на телеграф. Многие его товарищи погибли в боях за свободу и независимость Кореи, погиб его брат в районе 38-й параллели, но остались старики-родители. Они живут в провинции Хванхэ, в городе Саривон, на разбомбленной улице Вон Зу. Ли Тхе Дон телеграфирует домой:

«Поздравляю с победой, дорогие. В этот радостный час вместе с вами ваш сын Ли Тхе Дон».

Здесь, в Тимирязевской академии, у одного из учебных корпусов собрались советские аспиранты, студенты и их корейские товарищи. Ли Ен Гю — зоотехник по профессии. В провинции Северный Хамген находятся его жена и четверо детей.

— Наконец мой сын выйдет из-под земли,— говорит Ли Ен Гю своему другу Анне Молчановой.— Нашим детям приходилось учиться в землянках. Теперь мы построим много новых светлых школ.

Анна Молчанова счастлива так же, как и ее корейские друзья.

— Мы поможем вам в строительстве,—говорит она.— Мы все хотим, чтобы Корея снова была богатой и свободной.

Цой Бен Хену тридцать лет. За его плечами большой и славный боевой путь. По профессии он экономист. Когда началась война, Цой Бен Хен воевал в партизанском отряде на юге Кореи. Он взрывал в тылу врага машины и поезда. В прошлом году Цой Бен Хен прибыл в Москву, чтобы получить агрономическое образование. Так велика была вера корейского народа в свою победу, что в самые тяжелые дни он посылал своих лучших сынов на учебу.

— Ты должен учиться,— сказал Цой Бен Хену его командир.— Наступит день, когда мы пойдем на стройки, и тогда народу очень нужны будут твои знания.

Цой много и упорно учился и уже достиг немалых успехов.

— У меня все хорошо,— говорит он по-русски,— потому что мне помогают русские товарищи.

— А ты написал письмо домой, Цой? — спрашивает аспирант Евгений Паушев.

— Я не знаю, куда писать. Мои родные где-то в Южной Корее. Я даже не знаю, живы ли они.

Пока еще Корея разделена на две части. Но придет день, когда страна будет объединена и перед ее народом раскроется широкий и мирный путь к счастью. Так хотят миллионы и миллионы корейцев, значит, так и будет.

К группе советских и корейских юношей и девушек подходят все новые и новые люди. Они приносят корейским друзьям свои сердечные поздравления.

— Спасибо, большое спасибо, товарищи,—говорит Цой Бен Хен.— Мы победили потому, что верили в вашу дружбу, в дружбу китайского народа, победили потому, что на нашей стороне были поддержка и сочувствие всего трудового человечества.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Юбилей Б. В. Иогансона

В Академии художеств СССР состоялось расширенное заседание, посвященное 60-летию со дня рождения и 35-летию творческой деятельности действительного члена Академии художеств СССР, народного художника СССР Бориса Владимировича Иогансона.

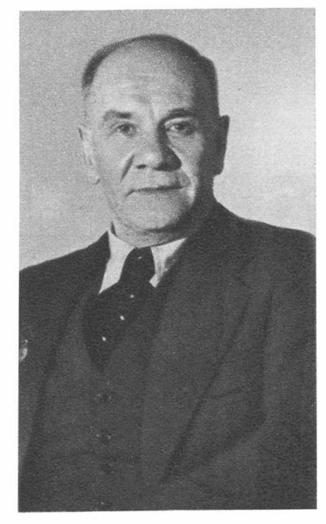
Б. В. Иогансон — один из наиболее любимых советским народом художников. В его произведениях живо отображается наша социалистическая действительность. Широкую популярность он завоевал своими замечательными картинами «Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе», «Выступление В. И. Ленина на III съезде Комсомола» (написана вместе с молодыми мастерами). Все они принадлежат к числу наиболее значительных произведений советской живописи.

Иогансон прошел хорошую художественную школу. Его учителями в Московском училище живописи, ваяния и зодчества были К. Коровин, С. Малютин, А. Архипов, Н. Касаткин.

В своем творчестве Иогансон всегда обращается к лучшим традициям русской реалистической живописи. Неоднократно художник напоминал молодежи об огромном значении для советского искусства великого наследия, призывая учиться высокому мастерству у Репина, Сурикова, Серова, Левитана.

В творческих исканиях Иогансона много общего с творческим методом великих русских реалистов прошлого века. Для него, как и для них, характерны жизненность и типичность создаваемых образов, острота социальных характеристик. В центре внимания художника простой русский человек — смелый и благородный, убежденный строитель светлого коммунистического будущего.

Художник-коммунист Б. В. Иогансон сумел создать замечательные образцы высокоидейного искусства — искусства социалистического реализма. В этом его огромная и неоспоримая заслуга.

Народный художник СССР Б. В. Иогансон.

Напряженную творческую работу Б. В. Иогансон сочетает с широкой общественной деятельностью: он является вице-президентом Академии художеств СССР и директором сокровищницы русского искусства — Государственной Третьяковской галереи. Художник уделяет много внимания делу воспитания молодежи.

Б. В. Иогансон говорит: «Для развития советского искусства важно, чтобы каждый художник был горячо и бескорыстно ему предан и чтобы творчество каждого художника вливалось в широкую реку социалистического реализма своим оригинальным, самостоятельным путем. Попросту говоря, чтобы художник писал нашу чудесную, советскую жизнь всем сердцем, умом и талантом своим!»

Борис Владимирович Иогансон и сам является таким художником, горячо и бескорыстно преданным искусству.

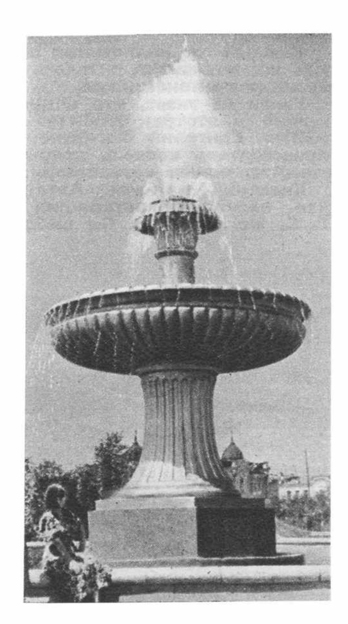
А. АБРАМОВА

Фонтан-чаша

Красивое зрелище — новый фонтан, установленный в Свердловском парке-выставке. Он представляет собой огромную чашу, 6 метров диаметром, внешним видом напоминающую вазы, которые делали уральские камнерезы прошлого века. Чаша отлита из чугуна на Уралхиммашзаводе. Вес ее — 48 тонн, сверху она покрыта алюминием.

Это самый большой фонтан в Свердловске. Центральные струи образуют пенный султан высотой до 4 метров. Электрическая подсветка освещает каскад воды, стекающей к подножию фонтана.

Н. РОЗИНА

На снимке: новый фонтан в Свердловске. Фото Я. Кунина.

ВЫСТАВКА ЦВЕТНЫХ ФОТОГРАФИЙ

В нынешнем году Главное управление по делам искусств Министерства культуры СССР организует выставку новых произведений цветной художественной фотографии. На выставке предполагается показать фотографии, отображающие нашу действительность — труд и быт советских людей.

Лучшие произведения будут приобретены Государственной закупочной комиссией для передвижных и стационарных выставок.

Готовые работы и контрольные отпечатки принимаются дирекцией художественных выставок и панорам (Москва, Большая Полянка, 29-а).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФУТБОЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Выступления шведской и чехословацкой команд в Москве

Футбольное состязание «Динамо» (Москва) — «Юргорден» (Швеция). Капитаны команд К. Крижевский (слева) и К. Андерссон обмениваются вымпелами.

Шведские футболисты впервые посетили Москву. Мы видели команду «Юргорден» — одну из сильнейших в Швеции — дважды: сначала в игре против «Динамо», а затем против «Спартака». Откровенно говоря, у нас сложилось двойственное впечатление. В первом состязании шведские футболисты хотя и показали высокую технику владения мячом, но уступали москвичам в скорости и в тактическом разнообразии.

Это очень хорошо поняли динамовцы. Однообразной игре гостей они противопоставили более гибкую тактику и быстрый темп. Живая, временами острая игра прошла с видимым преимуществом советских футболистов и закончилась со счетом 4 : 2 в их пользу.

Интересно, что шведский защитник Б. Ивегрен и московский защитник А. Родионов вбили по мячу в... свои ворота. Редкий случай в международных встречах.

Совсем другое впечатление оставили шведские футболисты в матче со «Спартаком». На сей раз московские зрители увидели команду, игроки которой не уступали спартаковцам в беге, превосходили их в технике обработки мяча, а главное, отказались от тактики так называемой зональной обороны, когда игроки защитных линий оберегают лишь свою зону.

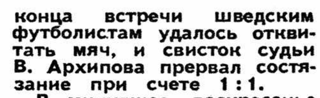
Теперь они «опекали» всех спартаковцев, разрушали их комбинации, лишали возможности свободного маневра. Это сразу же уравняло шансы. К тому же темп, предложенный москвичами, был не очень высоким, что вполне устраивало шведских футболистов.

В итоге мы увидели интересную игру двух равных по классу футбольных коллективов.

Первая половина состязания прошла в обоюдоострых атаках и заставила защитников и особенно вратарей А. Арвидссона («Юргорден») и М. Пираева («Спартак») полностью проявить свое мастерство и бдительность, чтобы отстоять ворота.

Лишь в середине второй половины состязания «Спартак» провел десятиминутный штурм в высоком темпе и добился успеха. Счет был открыт В. Бобровым. Однако дальнейшие попытки закрепить успех ни к чему не привели: И. Нетто и Н. Паршин плохо помогали своим нападающим, а нападающие злоупотребляли передачей мяча на короткие расстояния.

За несколько минут до

конца встречи шведским футболистам удалось отквитать мяч, и свисток судьи В. Архипова прервал состязание при счете 1 : 1.

В минувшее воскресенье москвичи вновь увидели чехословацких футболистов. Мы уже писали о высоком классе игры защитников этой команды. Теперь же она показала нам и сильную игру атакующей линии, в которой хорошее впечатление оставили Ф. Влк, Л. Качани и Я. Гертл. Эти футболисты очень быстро передвигаются по полю и точно передают друг другу мяч.

Во всяком случае, защитникам московского «Динамо» с первых же минут и почти до конца состязания пришлось сдерживать наступательный порыв гостей. Тем не менее уже на 9-й минуте счет стал 2 : 0 в пользу чехословацких футболистов.

Хозяева поля никак не могли перехватить инициативу, ибо центр поля они, по существу, без борьбы отдали И. Трнке и Ф. Ипсеру, которые действовали очень умело.

Все же динамовцам удалось отыграть один мяч.

После перерыва игра шла с переменным успехом, а к концу состязания москвичи провели серию атак, которые, однако, не дали результатов.

Со счетом 2 : 1 выиграла сборная команда Чехословакии. Московские зрители тепло проводили победителей.

Нужно сказать, что многие советские футболисты, которые показали хорошую физическую подготовку и умение вести состязание в быстром темпе, уступали шведам и чехословакам в исполнении различных технических приемов и в точности передачи мяча. У динамовцев, например, явно чувствовался недостаток опыта международных встреч. Восемь игроков команды впервые выступали в столь ответственных состязаниях.

М. МАРТЫНОВ

Момент состязания «Динамо» (Москва) — сборная Чехословакии.

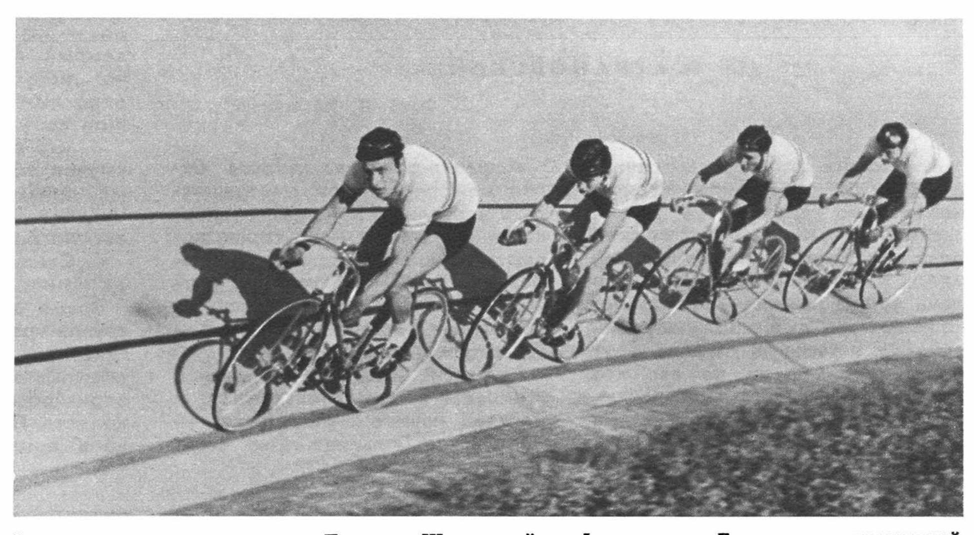
Фото А. Бочинина.

Шведский вратарь А. Арвидссон берет трудный мяч с ноги С. Коршунова.

НА ТРЕКЕ

ТОВАРИЩЕСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ СССР И ВЕНГРИИ

Венгерские велосипедисты Пастор, Шиллервайн, Фурмен и Башчак в командной гонке преследования.

Фото А. Бурдукова.

На шоссе под Москвой и на велотреке стадиона Юных пионеров состоялись международные велосипедные гонки между командами СССР и Венгрии.

В шоссейных гонках с венгерскими велосипедистами встретились недавние победители многодневных шоссейных гонок: чемпион СССР Р. Чижиков, Е. Клевцов, В. Вершинин, Е. Немытов, В. Башкин, С. Манукян, Н. Матвеев и А. Колесов.

В гонках с общим стартом по труднейшей трассе гористого замкнутого кольца протяжением 188,5 километра первое место завоевал Евгений Клевцов, вторым пришел Родислав Чижиков.

В командной гонке на 100 километров также победила советская команда. Ее время — 2 часа 25 минут 7,5 секунды. Это — новое всесоюзное достижение.

На треке венгерские спортсмены оказали значительно большее сопротивление. Венгры выиграли командную гонку преследования на дистанции 4 километра и проиграли спринтерские заезды и индивидуальную гонку преследования. К сожалению, в спринтерской гонке ниже своих возможностей выступил 19-летний чемпион Венгрии по спринту Б. Секереш.

Блестящую подготовку и высокое мастерство прохождения средних дистанций показал многократный чемпион Венгрии И. Пастор. Он умело варьировал темп гонки.

Финальный заезд на 4 километра, в котором участвовали И. Пастор и 19-летний чемпион и рекордсмен СССР на этой дистанции О. Борисов, был наиболее напряженным за все дни соревнований. Долгое время впереди был венгерский спортсмен. К концу Борисов догнал соперника и даже вышел вперед. Секундомеры показали преимущество советского спортсмена на 0,3 секунды.

Гонку на 1000 метров с места уверенно выиграл Л. Ципурский; его время — 1 минута 13,5 секунды. Второе место занял В. Мешков, третье — И. Кишш (Венгрия).

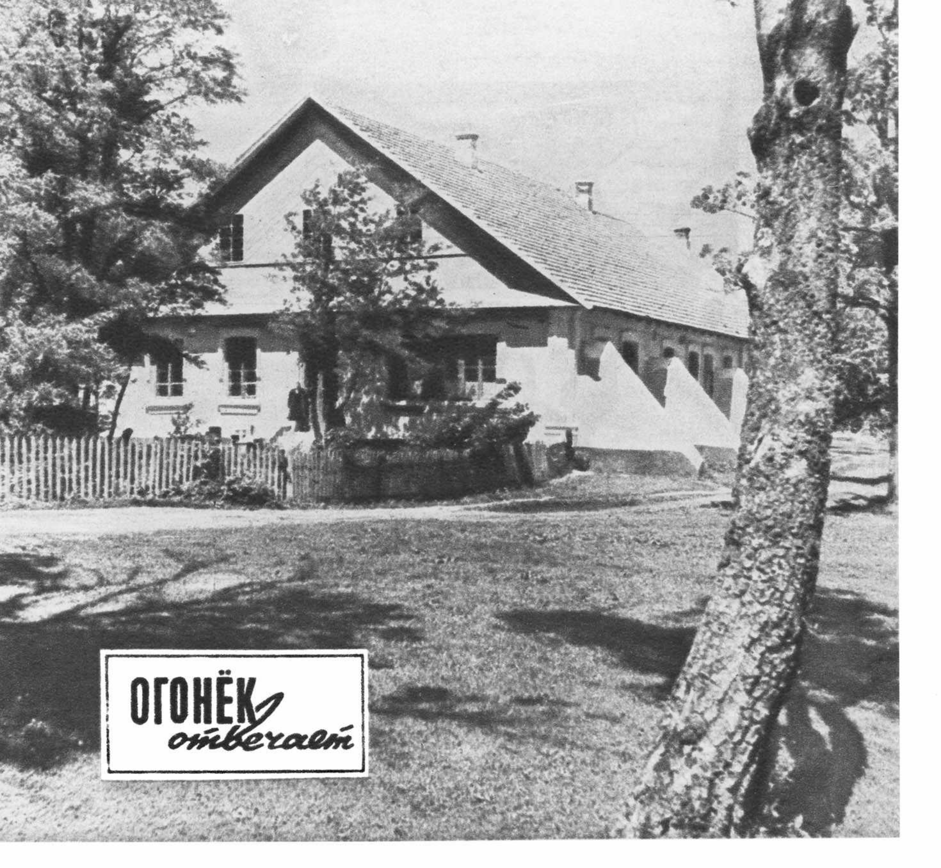
Венгерские спортсмены замечательно провели всю гонку в командном заезде на 4 километра и установили новый рекорд Венгрии — 4 минуты 52,9 секунды.

В заключение соревнований были проведены интересные показательные заезды на двухместных велосипедах — тандемах — с участием венгерских и советских спортсменов.

В. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта.

ВРАЧИ КОЛХОЗ

Мы слыхали и кое-что читали о почине чудновских врачей. Нам бы хотелось, чтобы «Огонек» рассказал об этом на своих страницах, показал то новое, что родилось в работе наших коллег. Это было бы, думается, интересно и широкому читателю.

Е. ТОЛСТЫХ, главный врач Ищеинской больницы Орловской области.
З. ЗАЙЦЕВА, акушерка больницы.

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото Н. Козловского.

В автобусе облтранса, совершающем рейс Житомир — Чуднов, неожиданно слышишь не только ласковые распевы украинской речи, особенно нежно-певучей здесь, на Волыни, но и гортанную речь казаха, окающий говор поволжца, твердый, полнозвучный выговор латыша. В Чуднов едут издалека! Едва ли не все, кто имеет отношение к врачеванию, наслышаны о районном центре Чуднове.

Асфальтированная дорога бежит меж перелесков, смотрящихся в зеркальца небольших озер; картины природы — пригорки, долы, лужайки, боры, зажатые деревьями нивы — округлы и мягки, как речь волынянина, как задушевный рассказ Короленко — уроженца и певца этих мест.

Большой дом под черепичной крышей — его можно увидеть в начале нашего фотоочерка — Чудновская больница. Она стоит на холме, венчая вид Чуднова — то ли небольшого городка, то ли большого села.

Рассказ о том, чем знаменит Чуднов, можно начать с пояснения к фотографии. На снимке — комната в доме Михаила Ивановича Рубашова, сторожа из колхоза имени Молотова. Врач-терапевт Вера Николаевна Саенко измеряет кровяное давление у главы семьи. Потом она осмотрит жену Михаила Ивановича, Анну Ивановну, внучку Майю. Встревоженно глядит Анна Ивановна: уж не сдает ли здоровьем ее супруг? Но нет, он в полном здравии, как здоровы, впрочем, все в семье Рубашовых. Зачем же пришел врач в этот дом? Так заведено в Чуднове, здесь врачи навещают не только больных. Следить за здоровьем здоровых, предупреждать болезни — этот передовой принцип советской медицины превосходно применили в своей практике чудновские врачи.

Сорок тысяч профилактических осмотров за год — вот размах той работы, о которой рассказал частный случай, запечатленный фотографией. Сорок тысяч осмотров,— значит, в среднем почти каждый чудновец выслушан врачом, получил совет, что нужно делать, чтобы сохранить или укрепить свое здоровье.

— Кто следующий? — Это привычное обращение врача во время приема вызывает подчас в Чуднове не совсем обычную ответную реплику:

— Следующий — полевая бригада номер...

Время от времени комплексная группа врачей — терапевт, хирург, гинеколог, фтизиатр, — кроме обычных подворных обходов, проводит обследование всех членов колхоза. Пусть при такой проверке в артели имени Ворошилова обнаружено только пятеро, а в артели «Коммунист» только двое колхозников, которым, хотя они и считали себя вполне здоровыми, нужна некоторая медицинская помощь, чудновские врачи удовлетворены: они настигли болезнь у ее истоков.

Непозволительной роскошью показалось бы, верно, дореволюционному волынскому сельскому врачу то, что делают ныне в Чуднове. Сборники земской статистики сохранили недобрую память о состоянии медицины в Житомирском уезде, в который входила Чудновская волость. Сорок лет назад, в 1913 году, один врач приходился здесь на 18 тысяч жителей. Иные деревни волости отстояли от ближайшей больницы на 55 верст. Подобно деревенскому токарю Григорию Петрову, персонажу «Горя» — одного из многочисленных рассказов Чехова о сельской медицине,— чудновским крестьянам не раз доводилось привозить в больницу уже остывший труп. Теперь в районе нет деревни, которая находилась бы дальше двух — трех километров от больницы или фельдшерско-акушерского пункта.

В тенистом парке, обрывающемся над озером, недавно открылась колхозная больница села Колки — пятая в районе. Взгляните на фотографию. Не правда ли, сельская лечебница имеет свои преимущества перед городской: прямо в парке, на целительном деревенском воздухе, столуются больные; им достается первая зелень и первые фрукты с колхозных огородов и садов.

Медики села Колки стремятся не отстать от районного центра. В колхозной больнице медицинские сестры, санитарки разговаривают вполголоса, палаты притемнены,— как и в Чудновской больнице

НОГО ЧУДНОВА

здесь введен «охранительный режим по Павлову»: лечение тишиной, покоем. В Чуднове действует солярий для больных костным туберкулезом, и в Колках строят свой. Колкинский физиотерапевтический кабинет не уступает районному: кварц, солюкс, диатермия, грязи. Все приобретено на средства, отпущенные правлением колхоза «Коммунист». А по его примеру оборудовали кабинеты физических методов лечения и другие колхозы.

Сцена, заснятая на фотографии, происходит у колковского колхозного родильного дома. Их в Чудновском районе 15, да 2 родильных отделения при сельских больницах, да центральный родильный дом... Это на 28 колхозов района.

О чем же беседуют женщины с колхозной акушеркой Марией Вдовенко?

Во всех родильных домах района роды проводятся с применением обезболивающей психопрофилактики — метода, разработанного советскими гинекологами на основе павловского учения. У колхозницы Нины Федосовны Терлецкой роды впереди; она внимательно слушает объяснение акушерки и рассказ ее добровольной помощницы Полины Игнатьевны Коцюба.

— Родишь «на пятерку», как я, без болей,— улыбаясь, говорит Терлецкой Коцюба.

Здоровые дети родятся в Чуднове. Районные педиатры особо гордятся тем, что 70 процентов колхозниц, обращающихся в консультацию, приносят здоровых детей,— матери приходят сюда не за лечебной помощью, а за советом.

Но, может быть, красноречивей всего об успехах чудновских врачей говорят колхозные ведомости выработки трудодней. За последние три года количество колхозников, не выполняющих по состоянию здоровья минимума трудодней, уменьшилось вдвое. Сотни колхозников вернулись благодаря врачам в трудовой строй. В прошлом году чудновские медики взяли на диспансерный учет 1 488 человек, нуждающихся в систематическом надзоре врачей. К концу года 617 из них полностью выздоровели, а 384 значительно улучшили свое здоровье.

Создана в Чуднове специальная медицинская организация, занимающаяся трудоустройством. Заседание этого особого консилиума, который называется здесь «районной медицинской комиссией для колхозников», заснято на фотографии. Кроме постоянных членов — врачей, — в нее входит и председатель того колхоза, в который выезжает комиссия. Перед столом консилиума стоит колхозница сельхозартели имени Коминтерна Мария Ивановна Прус. Она не решается делать необходимую операцию: думает, что это надолго лишит ее возможности трудиться.

— Подберем тебе работу полегче,— уговаривает ее председатель правления Иван Платонович Белоусов.— Можно будет тебя поставить учетчицей молока на ферме. Позволит ей здоровье вести после операции эту работу? — спрашивает Белоусов у врачей.

И комиссия определяет: «Разрешить после операции М. И. Прус работать учетчицей на МТФ».

Пятьсот сорок пять колхозников получили в прошлом году от комиссии «направление на трудоустройство» — определение, каким трудом им рекомендуется заняться. Один из них — молодой колхозник из артели имени Коминтерна Всеволод Полищук — был определен после операции на пасеку. Но и здесь не оставляет его наблюдение медиков. Справляется ли недавний больной с дозволенной ему работой? Выяснить эти вопросы пришла медсестра Людмила Данилова, заснятая на фотографии во время беседы с «трудоустроенным» больным, ныне колхозным пасечником Полищуком.

Проходит время — комиссия вновь осматривает колхозника и нередко заносит в его карточку новый диагноз: «Практически здоров». Значит, теперь выздоровевший может выбирать работу не по врачебному назначению, а любую — по душе, по нуждам колхоза.

Так крепнет, набирает здоровья колхозный Чуднов.

Тот же облтрансовский автобус, который доставляет врачей, приехавших издалека изучать опыт чудновцев, привозит с почтой и письма от тех, кто побывал здесь ранее. Они адресованы большей частью заведующему райздравом Надежде Михайловне Момот или главному врачу районной больницы Елене Захаровне Гехман. В этих письмах слова благодарности, рассказы о том, как применяется опыт чудновцев. «Претворяя в жизнь ваше прекрасное начинание, ежедневно вспоминаем вас»,— пишут врачи из Красноармейского района, Грозненской области. О массовой профилактической работе сообщают из киргизского села Караван, Джалал-Абадской области, из Усть-Джегутинского района Ставропольщины.

И все же в заключение приходится сказать несколько горьких слов. Странное дело! По-настоящему опыт чудновцев, о котором хорошо знают в министерствах здравоохранения — республиканском и союзном,— не обобщается. Паломничество врачей в Чуднов — не в малой мере результат того, что до сих пор не издано ни одной брошюры о работе чудновцев. И еще: достижения в Чуднове могли быть значительней, если бы в этом районе, где объем работы выходит за обычные рамки, количество врачей отвечало утвержденному штату. Уехала отсюда инициатор массовой профилактики врач В. И. Абакумова: она выдвинута на руководящую работу — заведовать Кировоградским облздравом. Перемещены другие врачи. А Житомирский облздрав прислал только одного врача.

В Чуднове правильно поняли директиву XIX съезда Коммунистической партии: «Направить усилия медицинских научных работников на решение важнейших задач здравоохранения, сосредоточив особое внимание на вопросах профилактики...» Буднично, скромно, но широко и настойчиво борются здесь за то, чтобы сохранить и приумножить самый драгоценный из капиталов — здоровье и силы граждан Советского государства.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Русские повести

Идейное и художественное богатство русской литературы XIX века воплощено не только в творчестве гениальных мастеров слова.

Прекрасной тому иллюстрацией являются два тома «Русских повестей XIX века 40—50-х годов», вышедшие вслед за двухтомником повестей 20—30-х годов.

Здесь собраны произведения, сыгравшие определенную роль в развитии русской литературы, но впоследствии незаслуженно позабытые и ставшие в большинстве своем библиографической редкостью. Подобный принцип отбора, конечно, искусственен, но в данном случае он оправдан тем обстоятельством, что отсутствующие в двухтомнике повести русских классиков печатаются в нашей стране миллионными тиражами и вполне доступны широкому читателю.

Начало расцвета русской реалистической прозы относится к 30-м годам прошлого века.

Это объяснялось глубокими причинами, как писал Белинский, «духом времени», потребностями жизни. Повесть и роман позволяли более емко и всесторонне сравнительно со стихотворными жанрами раскрывать сложные процессы действительности, ее общественные противоречия. Возникновение и быстрое развитие реалистической прозы отвечало национальным задачам русской литературы. В наше время, утверждал Белинский, и сам Ювенал стал бы писать повести, «ибо, если есть идеи времени, то есть и формы времени».

40—50-е годы Чернышевский называл «гоголевским периодом» в русской литературе. Эстетические заветы автора «Ревизора» и «Мертвых душ» становились достоянием все более широкого круга прозаиков, поэтов, драматургов. И, пожалуй, всего нагляднее влияние гоголевского реализма сказалось тогда именно на русской повести.

В 40-е годы появляется плеяда молодых прозаиков, активно развивавших традиции критического реализма. Борьба за эти традиции, ставшая девизом всей гоголевской школы, объединяла писателей, различных и по мировоззрению и по масштабам своего дарования. Кроме Герцена и Салтыкова-Щедрина, Некрасова и Тургенева, Гончарова и Островского, в этом движении участвовали такие писатели, как Д. В. Григорович, В. И. Даль, В. А. Соллогуб, И. И. Панаев, Е. П. Гребенка, Я. П. Бутков... Преимущественно из их повестей и составлен рецензируемый двухтомник.

Произведения писателей гоголевской школы отличались реалистически правдивым изображением противоречий крепостнической действительности.

Горемычная жизнь крестьянина-труженика, беспросветный трагизм его мученического существования, изуверство барина-крепостника или его управляющего — такова одна из центральных тем русской повести 40—50-х годов. Интересны в этом отношении повести Григоровича «Деревня» и «Антон Горемыка», Даля «Хмель, сон и явь», Гребенки «Кулик». Во многом поновому показан здесь образ простого человека, крестьянина. Это уже не тот тип «простолюдина», которого со снисходительной сентиментальностью изображали писатели карамзинской школы. Нет, это человек, наделенный тонкой душевной организацией, сложной психологией, способный глубоко чувствовать.

Конечно, в изображении ужасов крепостного права мы не найдем здесь того огня, негодования, той страшной силы обличения и протеста, которые были свойственны произведениям, например, таких писателей, как Герцен или Некрасов. В отличие от них ни Даль, ни Гребенка, ни Григорович не подводили читателя к прямым политическим выводам. Они не могли, по выражению Н. Г. Чернышевского, вскрыть коренных причин «тяжелого хода» народной жизни. В этом отношении революционно - демократическая концепция гуманизма была неизмеримо более зрелой, ибо она отражала не только сочувствие к народу, но и неодолимое стремление, призыв разбить оковы рабства.

Но в конкретно-исторических условиях 40—50-х годов XIX века и произведения Григоровича, Даля, Гребенки делали свое дело, приковывая внимание читателей к самым острым, больным вопросам современной действительности. Горький писал, что изучение жизни русского крестьянства середины прошлого века невозможно без Даля, произведения которого «имеют огромную ценность правдивых исторических документов...»

Несомненный интерес вызовут у читателя повести Я. П. Буткова. Выходец из мещан, писатель-самоучка, он вел жизнь литературного пролетария. Две части сборника его повестей и рассказов «Петербургские вершины», вышедшие в середине 40-х годов прошлого века, тотчас же обратили на себя внимание демократической общественности.

Излюбленный герой его произведений — мелкий чиновник, обитатель трущоб и чердаков, тех самых «петербургских вершин», которые, по словам автора, «битком набиты разным народом, составляющим особое петербургское человечество». Таков герой повести «Сто рублей» — Авдей Аполлонович, бедняк-конторщик, который после смерти отца, поэта-неудачника, остается главной опорой «трехдушного семейства». Напрасно мыкается он по Петербургу в поисках места и, наконец, в отчаянии восклицает:

— Зачем я на свет родился, если для меня нет ваканции!..

Убедившись «в тщете покушений извлечь мать и сестру... из когтей бедности», Авдей Аполлонович наивно уповает на подаренный ему приятелем лотерейный билет, на который он может выиграть сто рублей. И он выигрывает их! Но рассудок Авдея Аполлоновича не выдерживает внезапно привалившего счастья. И когда сошедшего с ума героя пытаются поместить в больницу, выясняется, что и там для него «нет ваканции»...

В своих повестях Бутков рисует картину потрясающего, безысходного человеческого горя. Но есть еще одна существенная черта в его творчестве — юмор, особенно наглядно обличающий в Буткове ученика Гоголя. С иронией, то лукавой, то порой обретающей силу бичующего сарказма, изображает писатель не обремененных ни совестью, ни честью предприимчивых молодых людей, успешно приспосабливающихся к действительности и любой ценой готовых стать ее хозяевами. Именно таков, например, приятель Авдея Аполлоновича — «ерш», в котором приметен «зародыш будущего купца первой гильдии». Таков и Терентий Якимович (из повести «Хорошее место»), добившийся заветного «хорошего места» ценой позора своей жены.

Близок Буткову по духу и направлению своего творчества И. Т. Кокорев, повести и рассказы которого представляли собой крупное явление в литературе 40-х и начала 50-х годов. Сын крепостного-отпущенника и кухарки, Кокорев прожил короткую, полную лишений жизнь. Тогда, пожалуй, никто из русских писателей не соприкасался так близко с миром городской бедноты. Никто лучше Кокорева не знал быта, нравов, психологии тех мастеровых, извозчиков, кухарок, старьевщиков, которые стали героями писателей гоголевской школы. В отличие от «дилетантов народности», писал Добролюбов, Кокорев наблюдал этих людей не издали, не в часы досуга и не для художественного наслаждения — «он сам жил среди них, страдал с ними, был с ними связан кровно и неразрывно». Это глубокое понимание души, характера простого человека превосходно отразилось в повести «Сибирка».

В русской повести, как и вообще в русской реалистической литературе, всегда были сильны традиции сатиры. В той или иной мере и форме к ней обращались едва ли не все прогрессивные русские писатели.

С интересом читаются и поныне повести В. А. Соллогуба, И. И. Панаева, А. Ф. Писемского. Паразитическое дворянское общество предстает в произведениях этих писателей во всей уродливой наготе своей. В царящей там атмосфере произвола, чинопочитания, стяжательства человек унижен, его совесть и честь втоптаны в грязь, его достоинство определяется чином или количеством имеющихся у него денег. Об этом хорошо писал И. И. Панаев в повести «Онагр»:

«Бог знает, почему многие из нас пренебрегают словом человек. Это слово прекрасное и глубоко знаменательное, а оно, не имея никакого смысла отдельно, только с тремя прибавлениями получает в нашем обществе важный смысл: человек с именем, человек с чином, человек с деньгами».

Имя, чин и деньги... Эти три слова—символ власти в феодально-помещичьей России. Перед этим трехглавым чудовищем все малодушное должно было падать ниц или быть обреченным на гибель. Характерна трагикомическая история, рассказанная Соллогубом в повести «Собачка». Собачка режиссера театра, имевшая несчастье приглянуться жене городничего, едва не ввергает в несчастье всю труппу. Режиссеру не только пришлось в конце концов расстаться с злополучной собачкой, но и утихомирить разбушевавшегося городничего крупной взяткой.

Предпринятое Гослитиздатом издание «Русских повестей» — большое культурное дело. Это издание снова напоминает о тех поистине неисчерпаемых богатствах нашей отечественной литературы, которые еще не стали достоянием широкого читателя. Можно только пожелать издательству и впредь (к слову сказать, более систематически и интенсивно) разрабатывать эти драгоценные недра.

С. МАШИНСКИЙ

Русские повести XIX века 40—50-х годов, тт. I и II. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Б. С. Мейлаха. Гослитиздат. 1952.

Мукими

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Мукими — это литературный псевдоним выдающегося узбекского поэта-демократа Мухаммеда Амин-Ходжи (1851—1903).

Сын бедного кокандского хлебопека, Мукими, получив образование, не забыл о тяжелой жизни простого народа, не продал своего поэтического дара богатым и сильным. Он жил в постоянной нужде, ненавидимый теми, чьи пороки так смело и правдиво бичевал.

Подобно персонажам басен Крылова и сказок Салтыкова-Щедрина, сатирические образы Мукими стали нарицательными.

В стихотворении «Землемеры» Мукими выводит характерные для дореволюционного времени типы хвастливого, безжалостного сборщика податей и его друга — продажного землемера. Приехав в кишлак для обмера облагаемых податями посевов, они пользуются этим в целях личной наживы.

«Кто правит, тот и прав,— мы — никогда.

И в этом наша главная беда»,— с горечью заключает поэт.

Гневно обличает Мукими тех, кто презирает и предает родную страну. В стихотворении «Бачча гар» («Незаконнорожденные»), обращаясь к Дукчи-ишану, вождю одного из реакционных и инспирированных из-за рубежа восстаний, поэт обвиняет его в продажности и измене. Зло смеется Мукими и над убытками торгашей, пренебрегших местными семенами хлопчатника и в погоне за барышами выписавших из Америки семена, которые оказались негодными. В своих стихотворениях поэт создал также сатирические типы царских чиновников и банкиров («Виктор-бай»).

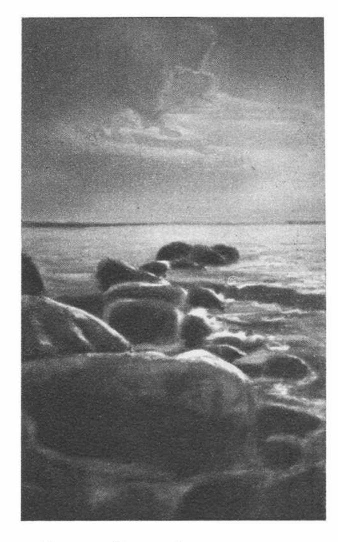
Любовь к родному краю, к своему народу пронизывает все творчество Мукими. Он пишет в своем поэтическом дневнике — «Путевых очерках» — о «журчанье светлых вод» и садах Вадиля, о Яйпане, который «красавицами знаменит». «Сладко думать на чужбине, что вернешься в край родной»,— говорит поэт в одном из лирических стихотворений.

Лирические стихотворения поэта, простые и задушевные, написанные образным, близким народу языком, послужили основой многих узбекских песен.

Гафур ГУЛЯМ

Путешественники-фотографы

В 1840 году известный русский путешественник Г. С. Карелин, направлявшийся в район нынешнего Восточного Казахстана, впервые взял фотоаппарат в такую далекую экспедицию.

Берег Балтийского моря. Фото К. А. Тимирязева.

Фотографирование в середине прошлого века было нелегким делом. С особенными трудностями сталкивались фотографы-путешественники. Огромный фотоаппарат, воздвигаемый на тяжелый треножник, ящики с большими стеклянными пластинами, множество бутылей с растворами, складная палатка, в которой перед съемкой «очувствлялись» пластинки,— все это составляло громоздкую и тяжелую кладь. Длительная выдержка вынуждала фотографов подолгу дожидаться ясной и абсолютно тихой погоды, ибо даже при легком ветре контуры снимка получались нечеткими.

В то время еще не были распространены иллюстрации в книгах и журналах. Географы, археологи, этнографы, геологи, естествоиспытатели могли знакомиться со многими материалами только по редким и часто не имевшим документального значения рисункам участников той или иной экспедиции. Фотография, давшая в руки ученых метод точной фиксации наблюдения, больше отвечала запросам науки. К тому же в отличие от рисунка фотоснимок можно было легко размножить в любом количестве.

Успех первых же коллекций снимков, показанных в научных обществах, вознаграждал фотографов за все труды и лишения. В 1858 году на заседании Русского географического общества впервые отмечается золотой медалью заслуга Н. Второва, удачно применившего фотографию в этнографических исследованиях. Через два года серебряной медали Общества был удостоен фотограф А. Муренко за «альбом фотографических рисунков», сделанных в Хиве и Бухаре.

Читатель книги С. Морозова «Русские путешественники-фотографы» познакомится с целой плеядой путешественников, исследователей и ученых, успешно использовавших фотографию в своей работе. Автор впервые собрал богатый фактический и иллюстративный материал. Интересно отметить, что многие деятели русской науки по достоинству оценивали и художественные возможности фотографии. Страстный любитель фотографии, К. Тимирязев посвятил этой теме несколько публичных лекций. Великолепные пейзажные снимки самого ученого вызывали восхищение посетителей художественных фотовыставок. «Каждый из этих снимков «представляет собой вполне законченную, строго обдуманную картину»,—писал в конце прошлого века критик из журнала «Фотографическое обозрение». В книге публикуется одна из пейзажных работ Тимирязева, изображающая берег Балтийского моря.

Отличными фотографами были также известный географ Г. Грумм-Гржимайло, неутомимый путешественник, ныне здравствующий академик В. Обручев, исследователь Тибета Г. Цыбиков, впервые проникший с фотоаппаратом в таинственную Лхасу, П. Козлов, полярники В. Русанов и Г. Седов и многие другие.

С. ФРИДЛЯНД

С. Морозов. Русские путешественники-фотографы. Под редакцией члена-корреспондента Академии наук СССР Д. И. Щербакова. Географгиз. М. 1953. 184 стр.

Владимир Егорович Маковский

С юных лет и до старости, до последних дней жизни не уставал повторять Владимир Егорович Маковский: смысл деятельности художника в том, чтобы нести искусство народу.

«Вот Репин говорит, что нужно семь раз умереть, прежде чем написать картину,— посмеиваясь, рассказывал Маковский одному молодому художнику.— Это, конечно, так... А я семь раз умираю после того, как напишу картину... Ведь картина по России ездит, что Россия скажет, вот что главное, вот где суд!»

В. Е. Маковский не был членом-учредителем Товарищества передвижников, устав подписывали его братья — Константин и Николай. Но уже на первой передвижной выставке были работы Владимира Егоровича: «Точильщик», «Чиновник смотрит в рюмку» и другие.

А в дальнейшем вся жизнь В. Е. Маковского была связана с передвижными выставками. Когда после реорганизации Академии художеств вместе с другими передвижниками приглашенный профессорствовать в ее стенах Владимир Егорович уезжал из Москвы в Петербург, на прощальном банкете, взволнованный, он говорил срывающимся голосом:

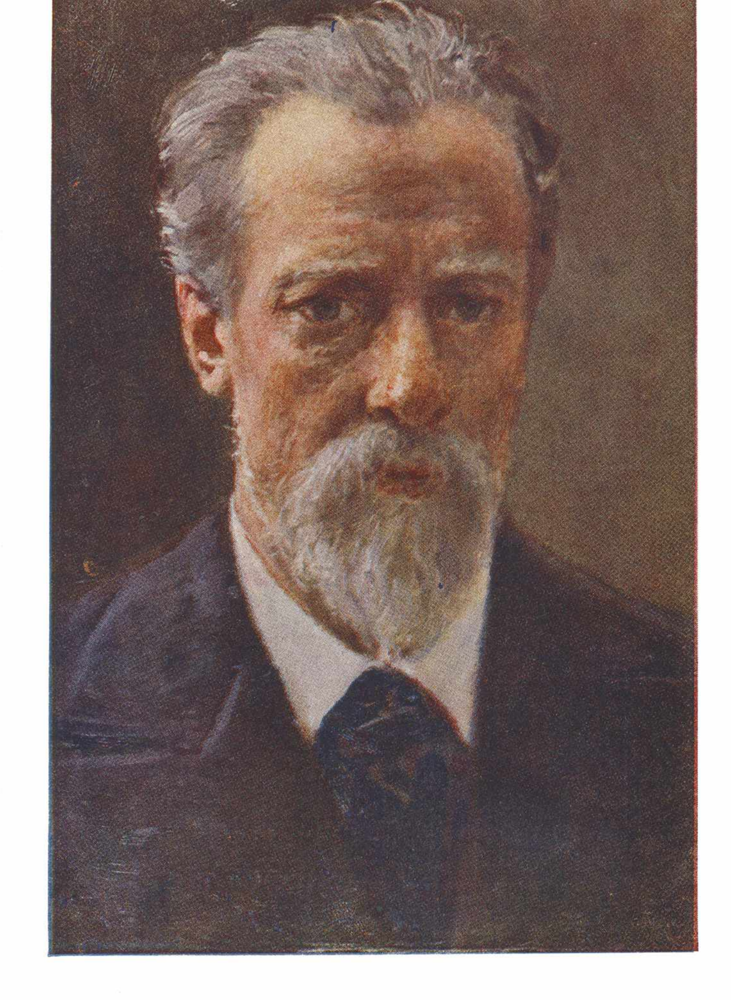
«Я считаю величайшей заслугой передвижников то, что они сделали, и это займет лучшие страницы в будущей истории современного искусства...»

Удивительный знаток быта, Владимир Егорович Маковский изучал его не по книгам, не по чужим рассказам. В самой жизни находил он сюжеты. Художник любил посещать базары, торговые ряды, кухмистерские, мастерские ремесленников, всякие чиновничьи учреждения, ездил по деревням и без стеснения заговаривал на улице с интересовавшими его людьми. Обладая удивительной зоркостью, этим великим качеством художника, он не выдумывал сюжеты: в этом не было надобности. Неисчерпаемым казался запас его наблюдений, он лишь мастерски обобщал их.

Один иностранный художник, восхищенный богатством характеров, разнообразием типажей в картинах Маковского, спросил его, где он берет таких превосходных натурщиков, и просил познакомить с ними. Владимир Егорович в ответ показал на улицу: «Вот мои натурщики».

Маковский, как и лучшие писатели его эпохи, старался поднимать в своих произведениях животрепещущие вопросы, обличая одних, сочувствуя и поддерживая в надежде других. Его «Любители соловьев», столь дорогие Стасову,— вещь тургеневского толка. Его «Объяснение» — это чеховская новелла. Замечательный русский художник Маковский был на редкость многосторонен. Стасов ставил его рядом с Суриковым, Репиным, Верещагиным.

С особенной любовью и волнением изображал В. Е. Маковский представителей передовой демократической интеллигенции. В демократичности взглядов самого художника не приходится сомневаться. Его «Осужденный», «Оправданная», «Вечеринка» —

В. Е. Маковский. АВТОПОРТРЕТ.
Государственная Третьяковская галерея.

В. Е. Маковский. СПОР ДРУЗЕЙ О ПОЛИТИКЕ.
Астраханская областная картинная галерея.

В. Е. Маковский. ВЕЧЕРИНКА.

Государственная Третьяковская галерея.

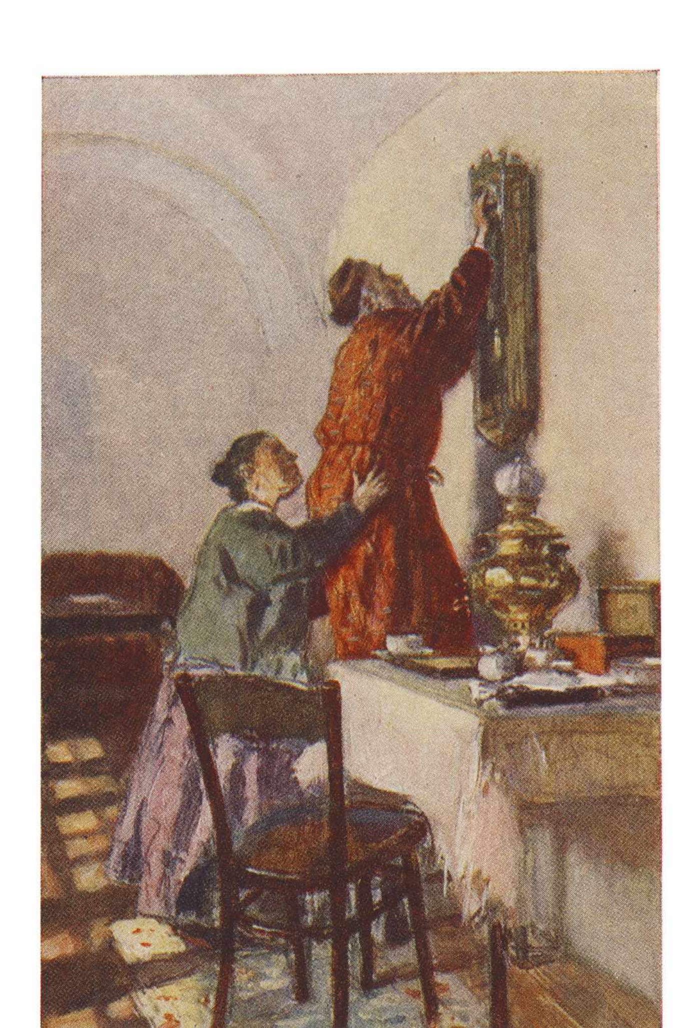

В. Е. Маковский. ЛЮБИТЕЛИ СОЛОВЬЕВ.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Е. Маковский. ПАРИКМАХЕР.

Государственный Русский музей.

шедевры русского искусства. Перед событиями 1905 года писал Владимир Егорович «Допрос революционерки»; на события 9 января 1905 года Маковский откликнулся картиной, изобразившей расстрел безоружных людей, — картиной, исполненной гнева и ненависти к самодержавному режиму. Это полотно было запрещено царской цензурой.

«Вечеринка» — одно из самых любимых творений художника. В течение двадцати двух лет (он начал картину в 1875, а завершил в 1897 году) занимала она воображение живописца. В образе девушки, читающей, очевидно, пламенные революционные стихи, Маковский передал удивительную душевную чистоту, ясность помыслов, стойкость. Этот образ героической русской женщины перекликается с ярошенковской курсисткой. Вера героев картины в светлое будущее своей родины придает полотну романтическую взволнованность. И вместе с тем все действующие лица строго индивидуализированы, о каждом из них можно сказать многое...

На полу разбросаны окурки, чай уже остыл, вечеринка затянулась далеко за полночь, но никто не собирается уходить. Видно, что всем им хорошо вместе и дружеская связь единомышленников дает им силу преодолеть невзгоды, которые наверняка встретятся на их трудном пути.

Среди самых популярных картин Маковского — «Любители соловьев». Вот что писал по поводу этой картины Стасов:

«Они еще от роду не видали нот и фортепиано, от роду не бывали... в концерте или в опере. Их концертная зала — лес или изба, их музыканты — соловей, или родной брат его, — народный певец, но их музыкальное понимание, простое, здоровое, прямое, светлое, — насколько же выше испорченных, искусственных вкусов... тех людей, что не помнят себя от восторга, внимая... пошлым романсам аматеров или рутинеров...»

В спокойной, повествовательной манере художник рассказывает о быте, жизни людей различных классов и разнообразных характеров. Необычайно выразительны живописный набросок «Парикмахер» и жанровая картина «Спор друзей о политике». Некоторый символический оттенок придал Маковский картине «Новое время», писавшейся им уже после Октябрьской революции и, к сожалению, оставшейся не вполне законченной.

Творчество В. Е. Маковского — драгоценный вклад в историю нашего искусства. Картины его хороши не только своей сюжетностью, но и умением автора разрешать сложнейшие живописные задачи.

Все полотна Маковского превосходно рисованы.

«Если же я буду писать как-нибудь, — говорил Владимир Егорович, — не соблюдая ни законов перспективы, ни анатомии, ничего, но с хорошей идеей, то никакая хорошая идея моего плохого произведения не сделает прекрасным, потому что хорошую идею непременно надо и передать хорошо, иначе она может произвести совсем не то действие, какое предполагалось».

Хорошо передать хорошую идею — так понимал свою задачу художник и демократ, великий труженик Владимир Егорович Маковский.

Е. БРАГИН

В. Е. Маковский. НОВОЕ ВРЕМЯ.

Астраханская областная картинная галерея.

НАРТХОР

Рассказ

Инна ГОФФ

Рисунки П. Караченцова.

Я приехала в Дзауджикау по заданию редакции, радуясь возможности повидать заодно Знарету, подругу моих студенческих лет. Мне хотелось, чтоб наша встреча была неожиданной для нее, поэтому я ничего не сообщила о своем приезде и теперь с огорчением узнала, что Знарета уехала на несколько дней в горы.

Я поселилась у родичей Знареты, на окраине города, в Осетинской слободе.

Когда я впервые подошла к белому домику, стоявшему на окраине города, я увидела на крыше смуглого парня лет двадцати. Присев на корточки, он настилал новую черепицу. Был жаркий, душный полдень, и парень работал без рубахи. Его спина и плечи сухо поблескивали на солнце.

Узнав, кто я, он приветливо улыбнулся, показав ровные, чуть желтоватые, как зерна кукурузы в початке, зубы, и продолжал свое дело.

Старая Годэ — тетка Знареты, худощавая старуха в фиолетовой майке, — готовила обед на низенькой небеленой печурке, стоявшей во дворе под открытым небом. Она встретила меня добродушно и старалась развлекать, как могла. Ощипывая цыплят, рассказывала о себе, о том, как в молодости будущий муж похитил ее из родного дома и увез в горы. Я слушала ее недоверчиво. Я слышала еще от Знареты, что в Осетии был в старину обычай выкрадывать невест, но трудно было поверить, что эта старуха в майке была когда-то красавицей.

Она рассказала мне о своих детях. Старшие давно уехали из дому, а с ней остались двое; Володя, тот, что работает на крыше, в строительном техникуме учится. Сейчас каникулы, он и занялся домом. На все руки мастер. И еще дочка есть, Надифа...

Поставив на огонь большой закопченный чугун, Годэ вытерла руки о передник и пригласила меня в дом.

Он состоял из одной большой комнаты. Здесь было прохладно и чисто, на кроватях белели подушки, на столе в литровой банке с водой стояли цветы, на стене висела гармошка.

Пол возле дверей был разобран, и аккуратно сложенные бревна и доски лежали у окна.

— Дом перестраиваем, — сказала Годэ, — чтобы две комнаты было. Надифа замуж выходит. Вон красавица какая, погляди!

Подойдя к раме, прибитой над столом, я увидела множество карточек, и на каждой была она — черноглазая, сердитая на вид девушка. Она нигде не улыбалась, и только на одной фотографии понравилась мне, на той, где была снята полулежа под пышным кустом акации. Рядом с ней на траве лежала раскрытая книга, на руке девушки виднелись выставленные напоказ часы.

— На кирпичном работает. Одна из лучших ставщиц, — говорила Годэ, стоя за моей спиной. — В народные заседатели выбрана. А жених! — она зацокала языком. — Таймураз Тибилов, технорук. Все девчонки заводские ей завидуют...

Вскоре пришла с завода Надифа, кольнула меня черными глазами и сказала, четко выговаривая каждое слово:

— Здравствуйте. А за руку не надо: грязная. — И пошла мыться.

Она не была красива, но неправильные черты лица, чуть приплюснутый, как у матери, нос, полные губы, узкие, с затаенной хитринкой глаза на смуглом лице были все вместе непередаваемо хороши, а ее маленькая гибкая фигура выражала одно — независимость.

Независимость, уверенность в себе чувствовались в ее легкой походке, в повороте головы, при котором каждый раз слегка покачивались длинные черные серьги, в том, как четко, раздельно выговаривала она каждое слово.

Мы обедали в саду, под вишней. Было душно даже здесь, в густой тени сада, но мы не заметили приближения грозы. Может быть, потому, что зеленые ветви, переплетаясь, закрывали от нас небо, а может быть, просто увлеклись разговором о Москве.

Впрочем, разговаривали мы с Володей. Надифа, казалось, была озабочена чем-то, думала о другом и время от времени переговаривалась с матерью. Я уже привыкла за день к этим людям. Они знали, что я москвичка да еще подруга Знареты, и этого было достаточно, чтобы относиться ко мне, как к дорогой гостье.

Только узнав о цели моего приезда, Надифа вдруг оживилась:

— Не пишите о них, не надо! О них уже сто раз писали. Кто в Осетию приедет — сразу к ним. Вы лучше о нас напишите. Конечно, у них комбинат всесоюзного значения, а наш завод маленький, и оборудован плоховато, и по городу он не передовой...

— Скажи уж прямо: от конца на первом месте, — перебил Володя.

— Ну и что же?.. Был он самый отсталый, да. А мы его с этого насиженного места сдвинули. На том же оборудовании вдвое больше кирпича в прошлом месяце дали...

Внезапно, как это часто бывает на юге, разразилась гроза.

Черные и лиловые тучи быстро заволокли небо, и вечернее солнце погасло, окутанное мглой. Тревожно зашуршала кукуруза, склоняя к земле льняные чубы початков, зашумели в саду деревья, в сарае закудахтали куры. Налетевший ветер рванул на столе скатерть, и пустая бутыль от пива упала в траву.

В небе раскатился гром. Годэ и Надифа понесли в дом посуду, а мы с Володей старались поймать конец скатерти, но она вырывалась из рук и, надувшись, трепетала в полутьме, словно большая птица, пойманная за одно крыло.

Пока мы с ней возились, снова чиркнула молния и грохнуло уже над самой головой.

— Пойдемте в дом, — сказал Володя. — Смотрите, что начинается...

В первые минуты мне казалось, что в доме безопасно. Но это ощущение скоро прошло: домик сотрясался от ударов грома. Полил дождь, и часть крыши, которую еще не успе-

ли покрыть, быстро промокла. Известка набухла, с потолка капало; возле печки на полу образовалась большая лужа.

— Где Надифа? — спросила я, только теперь заметив, что ее нет в комнате.

— В сарае, наверно, — ответил Володя. — А может быть, у соседей.

За окном было светло от непрерывных молний, и старая Годэ, боясь, как бы молния не влетела в дом, подперла дверь кочергой...

Молнии освещали растрепанный сад и примыкавшую к нему часть огорода, где полегла кукуруза. Между ударами грома было слышно, как с порывом ветра сыплются на землю еще недозревшие, твердые сливы.

Вдруг на крыше как-то странно заскрежетало, раздался глухой удар где-то за стеной, и после этого шум дождя стал еще ближе.

— Черепицу ветром скинуло: закрепить не успел, — сказал Володя; его словно развлекало происходившее и особенно то, что мне было немного не по себе.

С потолка на стол упал большой кусок намокшей известки. Годэ уже не стояла у двери. Она сидела на плите, раскрыв старый черный зонтик со сломанной ручкой... Я снова вспомнила о Надифе. Почему-то казалось, что с ней мне было бы спокойней.

Только к утру гроза начала стихать. За окнами еле брезжил серый рассвет. Обе кровати были мокры, а с потолка все еще капало, и это монотонное «кляп-кляп, кляп-кляп» еще больше подчеркивало наступившую тишину.

Вскоре явилась Надифа. Пестрое платье, в котором она сидела перед грозой за столом, насквозь промокло и облепило ее фигуру. Кудрявые темные волосы стали гладкими от дождя и блестели.

— Там твоя работа в лопухах валяется, — сказала она Володе, очевидно, о сброшенной ветром черепице, и обернулась ко мне: — Вы еще не ложились? Что же делать?.. А у меня к вам такая просьба!.. Даже не знаю, как сказать. Вы очень хотите спать, да? Все равно негде: кровать мокрая... А то бы сходили сейчас... Вон она, труба, виднеется... Близко!

Надифа говорила нерешительно, боясь нарушить закон гостеприимства, но в ее черных глазах, устремленных на меня, светилось нетерпение и уверенность в том, что я пойду с ней.

Вскоре мы вышли из дому.

— На завод? — крикнула нам вслед Годэ.

Они с Володей уже хлопотали в саду, поднимая и подвязывая полегшую кукурузу.

— Да... — откликнулась Надифа. — Завод стоит! Тока нет в городе... — Она подобрала с земли две зеленые сливы, надкусила одну: — У-у, кислятина!.. Весь базар этой паданкой завалят. Пока всю не продадут — хороших не ждите...

Еще не выгоняли коров, и дым еще не шел из труб. Мы шагали по улице, поросшей травой, мимо тихих, словно оглушенных грозой, домиков слободы. Возле белого здания гидроэлектростанции, рядом с мостом, лежали поваленные ветром столбы, на них висели клочья порванных проводов. Под мостом с шипением клубился мутный поток, взбивая у плотины белый пенистый гребень.

Над зданием конторы висели размытые, покоробившиеся от дождя портреты лучших рабочих. Среди них я увидела портрет Надифы и скорей угадала, что это она, чем узнала ее... Мы миновали обжигательную печь с застывшими вокруг нее на рельсах вагонетками, прошли мимо дощатых сушильных бараков.

— Это мой, — Надифа указала на барак с прибитым у входа красным флажком.

На заводском дворе было серо и мокро. Сумрачные, невыспавшиеся люди толпились возле груд размытого дождем, превратившегося в серое месиво необожженного кирпича. Кирпичи, заботливо укрытые брезентом, пострадали меньше, но, глядя и на эти уцелевшие плитки, люди сурово молчали.

Мы с Надифой подошли к одной из групп. Высокий мужчина средних лет в серой выцветшей шинели повернул к нам красное от загара лицо и, мельком взглянув на меня, обратился к Надифе:

— А, еще одна героиня явилась! Что, промокла, небось, ночью, когда кирпичи укрывала? — В его голосе слышалась насмешка. — Эх, героиня! Ты на меня не обижайся, Надя, а только скажу: чепуха все это, допускать нельзя было до такого срама! А чья вина?

— Дирекции вина! — сказал кто-то, и все зашумели.

— Конечно, дирекции. Им лишь бы план гнать, а беречь продукцию не их забота! На засуху понадеялись...

— Почему дирекция? А технорук на что?

— Ему некогда о производстве думать. Ему лишь бы осень скорей, в институт убежать!

— Все хороши! А Тибилов, конечно, как технорук и комсорг завода мог бы ответить за это дело. Да ведь опять замнут, как все заминают.

— Дался вам технорук! — вдруг выкрикнула Надифа. — А вы куда смотрели? Или вам самим до завода дела нет? Судить да рядить мастера, а написать во-время в райком или в газету про наши непорядки нету вас!..

— Чего же не пишешь? Сама и пиши. Или не шибко грамотная? — с ехидцей спросила высокая полнолицая дивчина.

— У тебя грамоты не займу, — отрезала Надифа.

— А что ж, Надя, и правда, напиши, — сказал мужчина в шинели. — Если понадобится, все подпишут. Верно, девчата?

— Она напишет, ждите, — сказала худенькая девушка с острым лисьим носиком и засмеялась. — Ей Тибилов...

— И напишу! — крикнула Надифа, обрывая девушку на полуслове. — Сегодня и в райком отнесу первому секретарю!

— Погоди-ка... Это зачем же в райком? — спросили позади нас.

Мы оглянулись, и Надифа на миг растерялась.

Подошедший юноша был невысок ростом, чуть повыше Надифы. Его лицо с очень правильными, резко обозначенными чертами, было красиво.

— Письмо? — переспросил он, криво усмехнувшись. — Это о чем же, интересно, письмо?

— Все о том же, товарищ Тибилов, — Надифа перевела дыхание, — о чем мы с вами разговоры вели не раз...

— Это в парке, что ли?

— И в парке...

Худенькая девушка фыркнула в ладонь, но мужчина в шинели дернул ее за рукав:

— Уймись!

Все вокруг притихли, понимая, что между Надифой и техноруком происходит не простая перебранка, а суровый и тяжкий поединок и от того, какое слово выберет каждый, зависит очень многое в жизни обоих.

— Насколько я помню, о нашей свадьбе шла речь? — Тибилов огляделся по сторонам, ища сочувствия и напряженно улыбаясь. — Так, может быть, на свадьбу приглашаешь райкомовских?

— Нет, — сказала Надифа, и румянец выступил на ее щеках. — До свадьбы еще другие дела найдутся!..

Тибилов побледнел.

— Ну, ну, — сказал он, не спуская с Надифы пристального, потемневшего от волнения взгляда. — Действуйте, товарищ Туаева. Желаю успеха!

Он круто повернулся и, спрятав руки в карманы пиджака, зашагал к зданию конторы.

Мы писали письмо в саду, сидя на старом ватном одеяле, принесенном Надифой из дому. Солнце начинало припекать, и земля быстро высыхала. Но стоило нам задеть свисающую ветку, на нас сыпался дождь веселых, нагретых солнцем брызг.

Надифа говорила, а я прилежно записывала. Смело называя имена, перечисляла она виновных. Досталось и дирекции, и бухгалтерии, и комсомольцам... Дойдя до комсомольцев, она замолчала на мгновение, приложила руку к груди и, выдохнув, как после быстрого бега, решительно продолжала:

— Большая вина в этом также секретаря комсомольской организации технорука завода Тибилова. В последнее время он относится к

своим обязанностям недобросовестно, производство стало ему безразличным...

— Может быть, хватит о нем? — нерешительно спросила я, чувствуя, что Надифа способна сейчас наговорить лишнего, о чем потом будет жалеть. Но она продолжала:

— ...и служит плохим примером для комсомольцев. Моя вина в том, что, зная все это и находясь под влиянием Тибилова, — Надифа покраснела, — я долго не могла решиться сообщить вам о том, что мешает нашей работе.

Надифа вздохнула и, помолчав, устало улыбнулась мне:

— Вот и все. Давайте прочитаем вслух, а потом перепишем.

Я прочитала, Надифа выслушала внимательно и спросила:

— Ну как? Все понятно?

— Одно непонятно: зачем я тебе понадобилась? Ты бы и сама написала.

Надифа покачала головой.

— Я пишу с ошибками, в райкоме смеяться будут. Стыдно. Они давно меня учиться посылали, а я только в прошлом году записалась. В шестой класс хожу... И еще причина, — она помолчала. — Характер у меня плохой, отходчивый... Если б не вы, я бы опять его пожалела. Знаете, сколько раз он меня просил: «Погоди, уйду с работы, а тогда и заваривай кашу»... А сегодня такое зло меня взяло! Труд какой пропал! — Она помолчала, потом заговорила горячо: — Опять завод на последнее место станет. А как хотелось его с этого места сдвинуть! Всем коллективом решили: сдвинем. Как люди работали! С вами рядом стоял... помните? В шинели. Это Васильев, прессовщик. Две с половиной нормы дал за прошлый месяц, от путевки в санаторий отказался: «Зимой буду ревматизм лечить, а сейчас солнце на нас работает, нельзя времени терять...» И вдруг столько труда пропало! А все оттого, что добавочных навесов во-время не оборудовали, оставили половину продукции под открытым небом! На сухую погоду понадеялись. Преступление это, вот что!

Она замолчала внезапно и спросила изменившимся голосом:

— Как вы думаете? Выговор ему дадут?

Я поняла, что она говорит о Тибилове, и ответила утвердительно. Мне было жаль ее.

— Надифа, — сказала я, — может быть, подождем с этим письмом, другое что-нибудь придумаем?

— Ничего тут не придумаешь! — Она поднялась с земли и отряхнула прилипшие к платью травинки. — Сам виноват!.. — Она отвела глаза в сторону и проговорила глухо: — Дайте я перепишу начисто и пойду.

Через полчаса в сиреневом, немного выгоревшем от солнца костюме, в черных туфлях-лодочках, надетых прямо на босую смуглую ногу, Надифа отправилась в райком, а я легла отдохнуть.

Она вернулась уже под вечер. Усталая, румяная от ходьбы по солнцепеку, она жадно прильнула губами к ковшику с холодной водой. Напившись, кивнула мне:

— Отдала! Самому первому секретарю. Два часа разговаривали. В район ехать собирался — отложил. Обещал на днях комиссию прислать, расследовать будут...

За обедом Надифа была возбуждена, шутила с Володей и с матерью, рассказывала подробно, как секретарь райкома читал письмо и удивлялся, что она в короткий срок так хорошо научилась писать по-русски; и как она созналась, что письмо диктовала, а писала под ее диктовку гостья — москвичка.

— И про Тибилова написала? — спросил Володя, глядя на сестру с одобрением.

— Написала,— сказала Надифа и сразу как-то сникла.

— Нехорошо,— ворчливо отозвалась Годэ. — Он тебе не простит.

— Ну и пусть!.. Очень нужно,— упавшим голосом произнесла Надифа, вставая из-за стола. — Пойдемте в сад,— позвала она меня.

Сад расположился на склоне холма. Мы взобрались на самый верх.

Отсюда, с холма, открывался замечательный вид. Над ближними, поросшими лесом горами и над скалистыми вершинами Кавказского хребта четко вырисовывалась сахарная голова Казбека. В светлоголубом небе бледным серпом изогнулся молодой месяц. Вечерело. Ветер приносил прохладу и свежий медовый запах зреющих плодов. Внизу, возле дома, заиграли на гармошке.

— Володя играет? — спросила я.

— Нет, мать, — отозвалась Надифа. — На осетинской гармошке играют только женщины...

Резковатые звуки, похожие на скрип раскачиваемой ветром калитки, показались мне вначале однообразными... Лишь вслушавшись, я уловила мелодию, печальную и тягучую...

— Это старая осетинская песня, — сказала Надифа.

Она лежала, заложив руки под голову, и, прикрыв глаза, не то слушала музыку, не то думала о чем-то своем...

— Мать сердится на меня, зачем письмо отнесла. Теперь, говорит, дом не к чему перестраивать. И в одной комнате поживем, как жили... — Она поднялась, села, обхватив руками колени, и, глядя перед собой, сказала: — Не знаю, как у меня с языка сорвалось насчет свадьбы... Нехорошо!

Сверху нам была видна соседняя улица и два ряда красных черепичных крыш. Пригнали коров. Они брели, тяжело ступая по пыльной дороге, и протяжно мычали, останавливаясь возле своих ворот. Потом на лавочках у калиток уселись старушки, по-вечернему нарядные, в черных платьях и белых косынках.

Где-то далеко заиграл оркестр. Мелодия растворялась в воздухе, и было слышно только, как ухает барабан, отмечая ритм, да звенят медные тарелки.

— Сегодня в парке гулянье, — сказала Надифа. Она вынула из нагрудного карманчика свернутые в трубку билеты. — Вот... В летний театр хотели пойти. Он за неделю билеты купил и мне на хранение дал: боялся, что потеряет. — Она развернула билеты, прочитала вслух: — Третий ряд, места десятое и одиннадцатое... Выбросить их, что ли?

— А вдруг придет? — спросила я. — Не спеши.

При этих словах лицо ее на миг оживилось и глаза вспыхнули, но тут же погасли.

— Нет, вы его не знаете!.. Он гордый. — Она печально улыбнулась.

Ужинали во дворе при свете керосиновой лампы.

— Надифа! — позвал Володя, заглянув в комнату, и вернулся на цыпочках. — Спит, — сказал он и как-то виновато улыбнулся. — Так и заснула одетая, все ждала, что придет...

Мы пили теплое парное молоко, ели пирог с сыром, и Годэ сердито вздыхала:

— Ну что ей надо больше всех? Это они, девчонки, подстроили. На чужое счастье зависть взяла!..

— Тише, мама. Разбудите! — оборвал Володя строго. — Девчонки тут не при чем. А что Надифа с жизни много спрашивает, так что ж такого? Сколько кто спросит, столько и получит.

Он встал из-за стола, закурил и, подойдя к невысокой, сложенной из мелкого булыжника ограде сада, погладил уже приподнявшийся за день стебель кукурузы.

— Трудно ей будет вначале. Ну, ничего! Выпрямится, — сказал он, и я не поняла, говорит он о Надифе или о полегшей кукурузе. — Знаете, как по-осетински кукуруза? Нартхор! Если на русский перевести, — зерно нартов, зерно богатырей!..

Мне почудилось, что я слышу тихий плач, но я не стала перебивать Володю.

— Нарты,— по преданию, всемогущие предки осетин, великаны. Не хотели нарты подчиняться самому богу. Отнял бог у них за это рожь и пшеницу и дал взамен жесткий хлеб — кукурузу. Нартхор...

Володя замолчал. Плач послышался явственней.

Я стояла возле белого домика, вслушивалась в прерывистое, приглушенное всхлипывание Надифы, смотрела на усеянное яркими звездами южное небо, туда, где, поглощенные темнотой, угадывались горы...

Я думала о Надифе, о том, что и теперь она не жалеет о сделанном. И я вдруг поняла, о чем говорил Володя. Он говорил о любви, о настоящей любви, которая выстоит бури и грозы. И я повторила вслед за ним:

— Ничего... Выпрямится!

Бабик

Рассказ

Стефан ГЕЙМ

Рисунки Л. Бродаты.

Бабик стоял, тяжело опершись на рукоятку лопаты, и разглядывал дом. «Мой дом»,— думал он.

Медленно, словно перелистывая альбом со старыми фотографиями, он припоминал все дома, где ему приходилось жить: приземистую, с покосившимися стенами отцовскую избу там, на родине, возле Катовице; скверные, нетопленные меблированные комнаты в Питтсбурге и Кливленде; дощатые шахтерские бараки здесь, в Голдсборо, где он снимал угол с кроватью и жил в семьях, для которых был чужим, никогда не оставаясь наедине и всегда чувствуя себя одиноким.

«У человека должен быть дом», — размышлял Бабик. И вот теперь он есть у него, настоящий дом, на бетонном фундаменте, с четырьмя стенами из крепких бревен, с черной крышей, на которой красуется кирпичная труба, с окнами, пропускающими массу света. И даже маленькая веранда есть, и крыльцо в пять ступенек, и дорога, вернее, будущая дорога; вот только надо еще купить гравий, посыпать и утрамбовать...

Бабик наморщил лоб. Купить гравий... А сколько еще надо купить всего!

У него все было обдумано, не то что у других людей, для которых дом — это только место, где можно укрыться от дождя. Он думал о своем доме постоянно: когда гнул спину, орудуя кайлом в черных угольных забоях, и когда просиживал целые вечера за единственной кружкой пива в «Клубе-баре» у Майка. Все эти долгие годы дом не выходил у него из головы.

Он ясно видел, какая будет кухня. С красивой белой эмалированной плитой, ослепительно чистой раковиной, куда из блестящего крана бежит горячая и холодная вода. Возле плиты — большой холодильник, он открывается с мягким щелканьем — так человек прищелкивает языком перед хорошим обедом; а в холодильнике — две дюжины бутылок пива, заиндевевших от холода, и яйца, и масло, и колбаса трех сортов, и вареная ветчина, и апельсины, и слоеный шоколадный торт. Стены кухни будут бледноголубой окраски, а по карнизу у потолка — гирлянда из красных цветов.

Потом — ванная комната. Душ за занавеской. Настоящая, с удобным сиденьем уборная, которую вы можете промыть сильной струей воды после того, как сделали свое дело. Хватит ему этих проклятых надворных построек, где всегда жужжат зеленые большие мухи и зловоние от испражнений десятка человек словно заползает тебе под кожу!

Спальню он оклеит обоями в цветах. В спальне будет стоять широкая, мягкая кровать с белоснежными простынями и пуховым стеганым одеялом, а внизу будет лежать мохнатый коврик, чтобы не ныли кости, когда, вылезая из кровати, поставишь ноги на холодный, гладкий пол.

И, наконец, гостиная. Большой стол, кресла — придется ведь приглашать гостей,— диван с приличной обивкой, много подушек — это для жен гостей, они любят откидываться на спинку. Буфет, в нем посуда и рюмки. Книжный шкаф с книгами знаменитых писателей, — книготорговец, наверно, уговорит его купить весь набор по случаю. На стенах — картины: по две картины в золоченых рамах на каждой стене.

Вот какой дом ему хотелось себе построить! В такой дом не стыдно ввести и жену. Привести и сказать: «Вот мой дом, нравится он тебе?» Какой женщине он не придется по душе? И тогда уж неважно будет, что ты не слишком видный мужчина и не так чисто говоришь на английском языке (учиться ведь по-настоящему не приходилось никогда), и то, что на танцах ты смахиваешь немного на слона и что редко сорвется у тебя с губ, как у других мужчин, складная шутка или острое словцо,— да, все это уже не будет иметь никакого значения...

Бабик вздохнул. Если бы скинуть десяток — другой лет, все это и впрямь не имело бы значения. Но теперь... теперь он уже староват. Волосы, верно, еще черные, ни одной сединки, а вот в остальном он сильно сдал. Рот и глаза ввалились, уши торчат, как ручки у суповой миски, кожа стала шершавой, как стиральная доска. Только руки попрежнему еще мускулисты и пригодны для работы — вот эти руки, которыми он рубил уголь в Пенсильванских шахтах тонну за тонной. Сколько это выходит тысяч тонн угля за всю жизнь?

Бабик взялся за лопату и яростно всадил ее в землю, в свою землю. Будет или нет жена, а дом все-таки есть! Сорок лет ушло на то, чтобы скопить три тысячи долларов, которые, по его расчету, нужны были на это! Но теперь есть на что полюбоваться после целой жизни тяжелого труда. Теперь у него не так, как у других: те все платят угольной компании за свои несчастные бараки и к тому же наплодили кучу детей, а дети ведь съедят тебя всего — до последнего пенса,— сколько ни зарабатывай!

Может быть, ему и не пришлось бы копить доллары сорок лет, если бы не кризис, который ударил по всей стране. Все его деньги, что лежали в банке, пропали тогда в один день. Пришлось начинать все сначала. Доллар за долларом он откладывал, заворачивал в газету, прятал в самодельный пояс, который носил всегда на себе, вокруг тощего живота. Он лучше согласился бы, чтобы его вместе с деньгами завалило в шахте породой, чем довериться опять какому-нибудь банку!

Теперь пояс пуст. Но зато у него есть дом и кусок земли, на котором дом стоит. Бабик усмехнулся с угрюмой горделивостью. Он чувствовал себя завоевателем, хотя, правду сказать, то, что он завоевал, было не совсем похоже на его долголетнюю мечту.

Да, это совсем не то, о чем он мечтал. Бабик лопата за лопатой копал и переворачивал землю, все яростнее вонзая в нее железо, словно хотел наказать этот кусок земли за то зло, которое он ему причинил.

Да, с земли-то и начались все беды. Сколько раз он все считал и пересчитывал! Сколько ночей просидел на кровати без сна, с записной книжкой на коленях и все складывал, и вычитал, и вычеркивал, и вписывал снова: прикидывал, во что обойдется одно, другое, материалы, работа; соображал, что он сможет сделать сам, и за что придется платить рабочим, и много ли придется платить.

И вот когда итог был подведен, когда три тысячи долларов были у него в руках, вдруг поднялась в цене земля! Потом вздорожал лес. За ним цемент. Все, все дорожало: гвозди, проволока, кровельный материал, арматура, рабочие руки.

Майк, хозяин «Клуба-бара», сказал ему:

— Бабик, ты осел. Держись лучше за свои деньги, копи. Нашему брату не приходится заводить себе поместья. Деньги — это все. На самый худой конец, ты всегда можешь их пропить...

Бабик выругал Майка. Он знал, что если не начнет строить дом теперь, — он не построит его никогда, так и помрет ни с чем, и вся жизнь пропадет даром. От одной этой мысли Бабику делалось так страшно, что казалось, страх вползает куда-то в глубину живота и острыми зубами грызет внутренности. Страшно было думать о бесплодно прожитой жизни, но еще страшней была мысль о ста-

рости, о том, что придется доживать век на грошовой пенсии, где-нибудь в задней комнате в кабаке у Майка или в другой дыре, прятаться по углам, ходить на цыпочках, чтобы не обеспокоить других. О, он довольно перевидал за свою жизнь стариков, которые всю силу отдали углю, а у самих не оказалось ни терпения, ни настойчивости, чтобы хоть что-нибудь взять от угля для себя!

А он, Бабик, построил дом. Когда последний доллар был израсходован, дом стоял готовый, и на нем не было ни пенса долга — это был его, Бабика, дом, его собственность!

Мрачная улыбка завоевателя смягчилась, стала почти нежной. Бабик очистил лопату от земли и, волоча ноги, двинулся к дому. Он осторожно поставил лопату на нижней ступеньке крыльца и тщательно вытер о кусок мешковины грязные ботинки. После этого он поднялся на веранду.

Бабик неторопливо вынул из кармана ключ. Некоторое время он повозился с ним, не сразу попадая в замочную скважину. Ему, собственно, не к чему было запирать дверь: соседи были честные люди, а сам он как-никак был тут законным владельцем на собственной земле. Но ему просто было приятно, уходя, запирать на ключ свой дом, свою собственность, потом снова отпирать, когда он возвращался назад. У него никогда в жизни не было ключа от собственного дома!

Дверь плавно повернулась на петлях. Бабик вошел. Улыбка сошла с его лица, он солидно нахмурился, это придало ему немного смешной вид.

Из маленькой передней три двери вели в кухню, ванную, гостиную. В кухне на столе стояла керосинка, на сиденье старого кресла — горка немытых тарелок, в углу — дырявое ведро, до половины забитое жестяными банками и грязной бумагой. Меблировку этой невеселой комнаты завершала железная складная кровать с тощим матрацем, полосатым одеялом и парой незавидных солдатских простынь. Гостиная была совсем пуста, но набор книг лучших писателей уже лежал, сваленный в кучу, на подоконнике. Напротив стоял прислоненный к стене велосипед. Что тут худого, если он разрешил покамест сыну соседа ставить сюда свой велосипед?

Бабик уселся на кровать. Он сидел, выпрямившись, и прислушивался. Но ниоткуда не доносилось ни звука. Ни болтовни, ни смеха гостей, ни звяканья стаканов, ни голоса женщины, зовущей его обедать. Бабик смотрел на свои руки, тяжело лежавшие на коленях, на нечистые, потрескавшиеся ногти, на грубые, неуклюжие, покрытые мозолями пальцы, на широкий белый рубец, пересекавший тыльную сторону ладони на правой руке. Этими руками он построил себе дом. В них довольно силы, они могут еще выдавать наверх уголь, много тонн угля. А это значит, что у него могут быть и мебель, и электрическая плита, и душ, и уборная. Нет, еще не все кончено, ему всего пятьдесят восемь, и ни одного седого волоса на голове...

Он засунул руку под одеяло и достал заляпанный грязными пальцами листок с напечатанным на машинке текстом. Бумага была помечена числом полугодовой давности. «Уведомление» — так называлась бумага, ниже шло несколько печатных строчек, еще ниже было впечатано его имя, и все кончалось небрежно нацарапанной подписью.

Нет, это еще не конец — ни с домом, ни с жизнью. Что из того, что они там поставили в шахте новую погрузочную машину? Разве такая уж хитрость научиться управлять ею? И потом, разве не могут они дать ему грузить вручную, где-нибудь в другом месте? Тут вся гора — сплошные угольные пласты, а гора ведь целиком принадлежит компании. Неужели не найдется под землей какой-нибудь уголок, где он мог бы еще поработать?..

— Бабик! Гей, Бабик!

Он был так рад услышать человеческий голос — все равно чей, даже хриплый, грубый голос Майка, — что не торопился открывать дверь: пусть человек покличет еще. Потом он выглянул наружу и увидел Майка, который подымался вверх по тропе. Куртка трактирщика была распахнута, шнурки от ботинок волочились по земле, он тяжело дышал, и рубашка его была мокрой от пота. Рыжие с проседью волосы Майка свисали смешными космами на побагровевший лоб, он то и дело скользил и спотыкался: дорога была вся в выбоинах и лужах. За Майком шел другой человек, он шагал осторожно, выбирая сухие места, одной рукой он прижимал зонтик и портфель, в другой держал новую серую шляпу.

Бабик насупился. Он не любил незнакомых людей, в особенности хорошо одетых: они всегда вызывали у него подозрение. И потом, чего это вдруг Майку вздумалось бросать свой прилавок в такой час, когда люди возвращаются с работы и любят забежать выпить кружку пива?

Оба, Майк и человек с зонтиком, остановились у ступенек веранды.

Майк отдышался, вытер пот и сказал:

— Подумал я и решил: подымусь-ка сюда наверх, посмотрю, как ты и что...

Незнакомец молчал. Он только смотрел на Бабика, словно оценивая его.

— Чего вам надо? — крикнул ему Бабик через голову Майка.

— Вы Джозеф Бабик? — спросил незнакомый человек.

— Ясно, что он Бабик! — воскликнул Майк немного обиженным тоном. — Я ведь сказал, что приведу вас прямо к нему. Разве не так я сказал?

— Можно войти в дом? — осведомился незнакомец и повесил зонтик себе на руку.

Но Бабик стоял, не двигаясь, загораживая вход в свой дом.

— Зачем ты привел его сюда? — сказал он недовольно, словно Майк был иуда-предатель.

В тусклых голубых глазах Майка появилось умоляющее выражение.

— Он ведь не нашел бы дороги без меня, как ты думаешь? И мне казалось, что будет лучше, если и я тоже буду здесь, когда...— Майк вдруг осекся. Помолчав мгновение, он добавил уже более уверенным тоном: — Просто человек зашел ко мне в «Клуб-бар» и спросил, как пройти к твоему дому. Господи боже, я ведь могу и уйти, если ты не хочешь, чтобы я оставался здесь!..

Но он не двигался с места.

— Так войдемте же, — проговорил незнакомец, надевая шляпу и подымаясь на первую ступеньку.

Бабик посторонился, и чужой человек прошел мимо него в дверь. В передней незнакомец огляделся, поколебался с минуту, потом вошел в гостиную. Там он стал искать, на чем бы усесться или хоть прислониться, но не нашел ничего, кроме седла велосипеда. Он положил на седло свой портфель, щелкнул замком и вытащил какую-то бумагу.

Бабик тихо вошел в комнату, за ним протиснулся в дверь Майк.

— Я из отдела улучшения быта рабочих округа Голдсборо, мистер Бабик, — начал гость. — Вы ведь подали заявление о пособии?

— Мне не платят больше страховых по безработице, сэр, — медленно, едва ворочая языком, заговорил Бабик. — Но надо ведь чем-то питаться...

Он помолчал и закончил немного живее:

— Но на квартиру мне теперь денег не надо. У меня теперь свой дом...

— Да, я вижу, — сказал незнакомец.

— Я тут кругом ходил, искал работу, — глухо продолжал Бабик. — Я ведь тут всю жизнь работал на шахтах, меня всюду знают, и они мне обещали...

— Да, да, это нам тоже известно, — прервал его человек с портфелем. — Мы подробно обследовали ваш вопрос.

В его голосе слышалась усталость или, может быть, некоторое нетерпение.

— Вам еще два года осталось ждать до пенсии по старости, не правда ли? — спросил он.

— Пенсии он не получит, если теперь не найдет работы,— вмешался с готовностью Майк.— Но он найдет опять работу, он найдет! Он еще крепкий парень. Это все потому, что они там поставили новую машину, а он грузит вручную, и они говорят, что он уже стар учиться работать на машине...

— Да, это нам тоже известно, — повторил человек из отдела улучшения быта рабочих.— Раз уж мы обследуем какой-либо случай, мы стараемся все выяснить досконально.

Его губы сложились в слабую улыбку, он старался выглядеть любезным.

Но от этой улыбки дрожь прошла по спине Бабика.

— Может быть, присядете? — заторопился он.— Я сейчас принесу из кухни стул.

— Не беспокойтесь, — нетерпеливо отмахнулся чиновник. — Вам надо только расписаться на этой бумаге. Вот здесь. И тогда вы получите деньги, вот и все.

Он поставил карандашом крест на том месте, где Бабику следовало поставить подпись, и протянул ему бумагу.

Бабик принялся разбирать густо напечатанный на машинке текст. Но на третьей или четвертой строке он бросил читать: бумага была вся из длинных фраз, он не мог ничего взять в толк.

— Что тут написано, мистер? — спросил он тревожно. — Зачем вам надо, чтобы я это подписал? Я ведь уже раз подписал заявление насчет пособия.

Снова на лице человека появилась слабая улыбка.

— А я думал, вам все понятно, мистер Бабик, — вежливо сказал он. — Эта бумага — документ о передаче прав на имущество.

— Да? — произнес Бабик.

Он снова не понял ни одного слова. Но он уже чувствовал: что-то недоброе грозит и ему и его дому.

— Ладно, я объясню вам, в чем тут дело, мистер Бабик. Наша обязанность — помогать людям, у которых нет ничего: ни работы, ни денег, ни даже жилья. А у вас есть дом, собственность. Надеюсь, вы не рассчитываете получать деньги, которые вам не полагаются, не правда ли? Вы ведь не захотите отнять деньги у тех, у кого совсем нет ничего?

— Нет,— сказал Бабик. Его лицо выражало тяжелую работу мысли. — Нет, я не хочу отнимать деньги у кого-либо другого. Я только хочу получить пособие. Я работал всегда, всю жизнь. Я не работал только тогда, когда был без дела. И тогда я получал пособие. Вы же не оставите меня помирать с голоду.

— Никому и не нужно, чтобы ты умирал с голоду, Бабик, — заговорил Майк, взволнованно сжимая руки. — Разве ты не видишь, что этот джентльмен как раз хочет другого...

— Да, да! — громко сказал Бабик. — Но зачем ему нужно, чтобы я подписал вот это?

— Я уже говорил вам, мистер Бабик, это передача прав на собственность. Вы передаете округу право на ваш дом и участок земли, а мы включаем вас в список получающих пособие.

— Но это мой дом! — воскликнул Бабик.— Я построил его. Я за все заплатил. Двадцать лет я откладывал деньги на это и еще раньше тоже копил двадцать лет, но тогда, знаете, банк лопнул, и...

Человек из округа пожал плечами. Он больше не улыбался.

— Если вы передадите права на вашу собственность, мистер Бабик, она, естественно, больше вам не будет принадлежать. Разумеется, мы вовсе не собираемся выгонять вас из дома. Мы оставим вас жить в нем... в течение некоторого времени. Мы просто берем дом как залог, мы хотим быть уверенными, что вы, как только найдете работу, вернете нам пособие. Вы владелец собственности. В этом случае пособие — это вроде займа, который вам предоставляет государство. А государство — это налогоплательщики, мистер Бабик. Вы ведь не хотите, чтобы налогоплательщики рисковали своими деньгами для вас, а?

— Нет,— сказал Бабик,— я не хочу этого. Мне только нужно пособие. Мне можно дать меньше, чем вы даете другим, потому что у меня свой дом, и мне не надо платить за квартиру.

— Но поймите, мы не можем выдавать вам пособие, пока у вас есть дом!

Так вот оно что! Они хотят отнять у него дом. Бабик почувствовал дрожь и слабость в коленях. Ну да, они уже отняли у него работу, а теперь они хотят отобрать дом. Этот человек, который пришел от правительства, сам признался в этом.

— Все-таки вы не понимаете главного! — снова заговорил чиновник, видя, как Бабик тяжело прислонился к стене, и почувствовав к нему нечто вроде сострадания. — Мы ведь поступаем с вами очень предупредительно. Мы могли бы сказать: продайте вашу собственность и не будьте обузой для налогоплательщиков! Но мы этого не делаем. Мы даем вам пособие и считаем за собой ваш дом, пока вы не станете снова зарабатывать и сумеете вернуть нам долг!

— А если я не найду работу? — голос Бабика был тускл и беззвучен. — Что же мне, самому надевать себе петлю на шею? Они там, в шахтах, не берут таких, как я. Мне два года пришлось обивать пороги, пока я стал получать по безработице. А теперь я тоже хочу получать, если не буду работать постоянно... У меня есть дом, это все, что я имею. Почему же вы хотите отнять его у меня? Такое большое государство... Зачем ему этот маленький дом, четыре стены и крыша, ничего больше...

У Бабика пресекся голос.

Его собеседник был явно смущен. Он снял шляпу и провел рукой по волосам.

— Очень сожалею, мистер Бабик. Но не я издаю законы.

Он все еще держал бумагу в руке.

— Подпишите, — сказал он почти просительно.

Бабик взял бумагу. Медленно разорвал он ее на куски, разжал руки, и куски разлетелись по полу.

Человек из округа надел шляпу. В дверях он приостановился:

— Если передумаете, дайте нам знать.

И он ушел.

Минуту тяжелое молчание висело в пустой комнате и словно сковывало этих двух человек. Наконец Майк заговорил с непривычной мягкостью:

— Я ведь толковал тебе: набивай лучше пояс деньгами. Откуда им знать, что ты там носишь вокруг брюха. Ты получал бы свое пособие и смеялся бы над ними! Так нет же, тебе понадобилось строить дом. Вот ты и показал им, что у тебя не пустые карманы. Собственником вздумал быть!..

Но Бабик его не слушал, он весь ушел в себя. Его изрытое морщинами лицо казалось еще более безжизненным, чем всегда.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Что задумался?

Илья **АВРАМЕНКО**

Неприветлива и строга
в Таштагольских горах тайга.
Темных елей висит стена,
сизым мохом оплетена,
тонет в облаке — чуть видна —
скал нахмуренных крутизна.

Я стою у подножья гор,
сам с собой веду разговор:

— Сколько суток надо брести,
чтоб до Усть-Кобырзы дойти!
Сколько рек пересечь в пути,
сколько пропастей обойти,
сколько камней переползти,
сколько страха перенести...

Подошел ко мне шор-кижи [1]:
— Что задумался! Расскажи...

— Вот задумался я, прости,
сколько суток мне быть в пути,
чтоб до Усть-Кобырзы дойти.

Он смеется:
— Чудак-рыбак,
ты впервые у нас, никак!
И совсем тут недалеко,
и добраться туда легко,—
здесь одной ногой,
там другой,
что нам горы с глухой тайгой!
Через полчаса мне лететь —
будем сверху на них
смотреть,—
надо с почтой мне
в Кобырзу,
и тебя за одно свезу.

[1] Шор-кижи — человек гор, шорец.

ОРЕХОВЫЕ БОГАТСТВА СТРАНЫ

Профессор В. А. КОЛЕСНИКОВ

Орехи — любимое лакомство детей и взрослых, желанный десерт. Бесконечное количество изделий можно приготовить из орехов: торты, конфеты, варенье, халву, восточные сладости, маринады и многое другое.

По калорийности орехи стоят выше таких продуктов, как хлеб, молоко, рыба, мясо; они близки к сливочному маслу. Ядро ореха — это настоящий концентрат трех основных элементов питания человека — жира, белка и углеводов.

Большим многообразием орехов оделила природа человека — от гигантского кокосового до крохотного кедрового.

Грецкие и маньчжурские орехи, фисташка, миндаль, лещина (лесной орех), фундук и многие другие знакомы каждому из нас.

Все они относятся к так называемым древесно-масличным породам. Из их ядер добывается ценное ореховое масло, которое, помимо пищевой промышленности, используется в медицине, при изготовлении высших сортов лаков, чернил, туши, высококачественных красок.

Проходя по залам Эрмитажа или Третьяковской галереи и любуясь сохранившимися до наших времен полотнами великих живописцев, многие, наверное, не подумают, что этим мы отчасти обязаны и ореху. Именно на его масле с давних времен и до сегодняшнего дня приготовляются самые лучшие, самые тонкотертые сорта масляных красок.

Тем, кому приходилось очищать только что сорванные грецкие орехи, немало хлопот доставляла прочно въедавшаяся коричневая краска, которой тут же покрывалась кожа. Руки окрашивались соком зеленой кожуры, обтягивающей снаружи грецкий орех. Зеленая кожура и листья ореха используются при дублении кожи и как сырье для крашения шерстяных и шелковых тканей в невыцветающие коричневые и черные тона.

Идет в дело и ореховая скорлупа. Она используется в производстве шлифовального и наждачного камня, для получения активированного угля, линолеума.

Любуясь зеркальной полировкой мебели, различных музыкальных инструментов, невольно поражаешься разнообразием и тонкостью рисунков. В причудливые узоры сплетаются они на гладкой поверхности изделий из ореховой древесины. Художники часто заимствуют и совершенствуют ее рисунки, перенося их на хрустальные вазы, на ткани...

Неисчерпаемы лесные богатства нашей страны. Широко раскинулась на востоке темная вечнозеленая тайга. Кудрявые березовые рощи, клены и дубы — все они знакомы и любимы каждым из нас. Но мало кто знает, что в СССР имеются необозримые ореховые леса.

Огромные массивы этих лесов находятся в Сибири, на Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии.

Кедровники Сибири и Дальнего Востока занимают только доступную для сбора орехов площадь в 550 тысяч гектаров. Орехи этого таежного массива дают ежегодно урожай до 150 тысяч тонн. Масло, добытое из их ядер, ни в чем не уступает оливковому. На Северном Кавказе, в Закавказье и Крыму раскинулись буковые леса и заросли. К сожалению, эксплуатация этой породы ведется пока слабо. А по самому приблизительному подсчету, из орехов бука этих районов в урожайный год можно добывать до 80 тысяч тонн масла.

Киргизия — место наибольшего распространения грецкого ореха и фисташки. Поражает устойчивость деревьев к жаре. Вокруг все выжжено знойным солнцем, и высохшие русла рек лишь напоминают, что здесь была когда-то вода, а зеленые фисташки радуют глаз своей свежестью.

На склонах Ферганского и Чаткальского хребтов, на высоте 1 200—1 800 метров, широко раскинул свои лапчатолистые кроны грецкий орех. Ученые насчитывают много миллионов лет этим лесам и причисляют их к реликтовым. Они объявлены государственным заказником, в котором, кроме научных работ, ведется эксплуатация ореховых деревьев. Ежегодно эшелоны поездов, самолеты доставляют из лесов Киргизии во все концы нашей страны тысячи тонн фисташки и грецкого ореха.

Советские лесоводы на основе мичуринской науки проводят исследования, связанные с улучшением качества орехов и их продвижением на север. Научно-исследовательские станции Академии наук СССР ведут интереснейшие работы по восстановлению естественных ореховых лесов.

Я давно занимаюсь грецким орехом Крыма. Моя задача — выявить лучших представителей этой породы. Для этого мне пришлось просмотреть огромное количество деревьев — более 30 тысяч. Из них три формы утверждены как сорта для культивирования в совхозах, колхозах и садах Крыма: это «Крым 1», «Крым 2» и «Крым 3». Скорлупа их тонкая и легко вскрывается пальцами, причем ядро выпадает целиком, так как внутренняя сторона скорлупы гладкая.

Очень ценной орехоплодной породой считается лещина, или дикий лесной орех. Сплошные заросли лещины разбросаны по всей европейской части СССР, от сурового Кольского полуострова до субтропических широт Кавказа и Крыма.

Культурная лещина называется фундуком. Мука из этих плодов очень хорошо сохраняется, не теряя в течение многих лет ни вкуса, ни питательности. Из гибкой, тонкой древесины лещины и фундука плетут корзины, делают обручи для бочек, трости, а опилки считаются лучшим фильтром для очистки вина и уксуса.

Неприхотливая, выдерживающая от 50 градусов мороза до 50 градусов жары, лещина может быть распространена буквально в каждом уголке нашей страны и, несомненно, займет одно из первых мест среди орехоплодных культур.

Большую ценность представляет миндаль. Его красивые темнорозовые цветки самой ранней весной украшают сады Кавказа, Крыма и Средней Азии.

Так же как и фисташка, он растет в самых засушливых местах, на совершенно бесплодных, каменистых почвах. Его корни, уходя глубоко в землю, добывают там влагу. Используя эту особенность фисташки и миндаля, их высеивают и высаживают на склонах гор.

Миндальные орехи в зависимости от сорта имеют сладкое или горькое ядро. Сладкое идет в кондитерские изделия, а из горького приготовляют весьма ценные масла — миндальное и эфирное. Из скорлупок вырабатывается, помимо всего, еще особое вещество, которым ароматизируют, подкрашивают и придают особый вкус коньяку и многим белым винам.

До Октябрьской революции ореховые леса в нашей стране хищнически уничтожались, никаких мер для их сбережения и улучшения не предпринималось. В настоящее время выращиванию и охране ореховых культур придается огромное народнохозяйственное значение.

Лещина — южный фундук — на селекционном участке Тимирязевской академии.

Фото Б. Вдовенко.

Вдоль каналов, прудов, шоссейных трасс и железнодорожных магистралей должны быть посажены ореховые деревья и кустарники. Эти живописные аллеи, с успехом заменяя многие декоративные растения, будут приносить неизмеримо бóльшую пользу. Тенистая аллея грецких орехов, посаженных 80 лет назад в Азербайджане, протяженностью в 118 километров, служит наглядной иллюстрацией тому, как будут выглядеть через несколько десятилетий молодые посадки наших дней.

Осуществляется предвидение Ивана Владимировича Мичурина, который писал о богатых колхозных полях, окаймленных полосами садов. В этих садах достойное место займут орехоплодные деревья.

Потомки цифомандры и помидора

И похоже и непохоже... Плоды эти по внешнему виду — окраске, форме,— по вкусу напоминают помидоры. Как будто действительно старый, каждому известный овощ, однако отличие заметить нетрудно даже невооруженным глазом.

Кожица «знакомого незнакомца» плотнее помидорной, мякоть его более мясиста, гораздо сытнее, слаще.

Что же это такое? Потомки вечнозеленой цифомандры и помидора: дерева и травы.

Вот вкратце история нового гибрида. Субтропическую цифомандру привез из Италии Алексей Максимович Горький и подарил Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, где она и демонстрировалась в 1939 году. Заморской гостье «понравились» московские оранжереи. Она отлично росла, цвела и приносила темнооранжевые плоды, похожие с виду на крупную сливу, а вкусом — на черную смородину.

Этому растению присущи и другие особенности: оно устойчиво против грибковых болезней, его плоды довольно долго лежат после уборки.

Академик Н. В. Цицин задумал передать качества цифомандры новым гибридным формам. В своих опытах ученый исходил из мичуринского положения, что метод отдаленной вегетативной гибридизации — скрещивание — позволяет создавать гибриды не только из разных видов растения, но и из разных родов одного семейства. Цифомандра и помидор принадлежат к разным родам одного и того же семейства пасленовых. Другими словами, они дальние родственники.

Цифомандро-томатный гибрид.

Гибридизация их оказалась не такой простой. До сих пор не удалось получить гибрид методом опыления. Тогда экспериментатор прибегнул к мичуринскому методу вегетативной гибридизации: растения привили друг к другу. Они зацвели и дали плоды. Помидоры на цифомандре стали многолетними, плодоносили два — три года подряд. На одном стволе цифомандры рядом с ее обычными плодами росли помидоры, вскормленные ее соками.

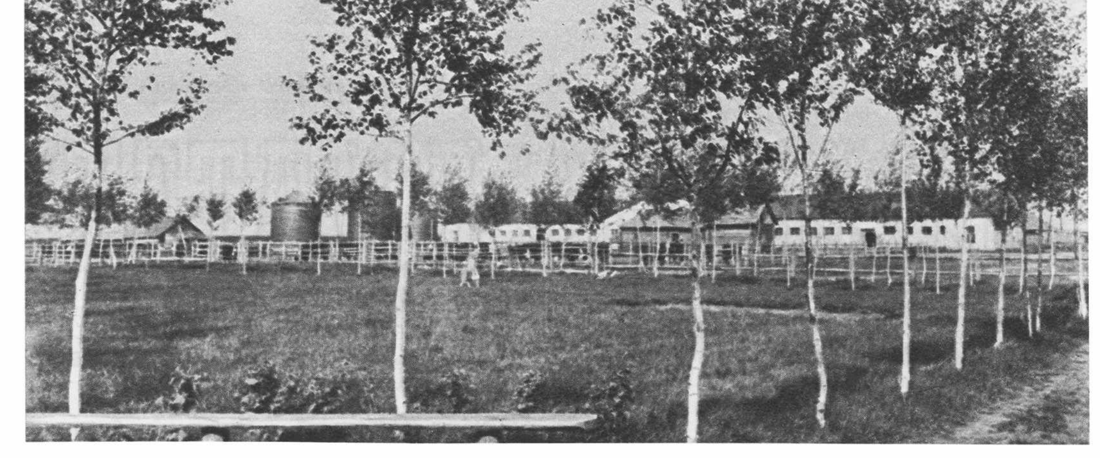
Снова и снова производились прививки. Приведем две цифры, свидетельствующие о размахе опытов ученого по созданию межродового вегетативного гибрида. За несколько лет в оранжереях Главного ботанического сада Академии наук СССР было сделано пять тысяч прививок различных сортов помидора на цифомандру и полторы тысячи обратных.

Настойчиво изменялась природа растения, направленным воспитанием накапливались в нем полезные, нужные практике признаки. Так были получены вегетативные гибриды с устойчивой, передававшейся потомству наследственностью. Даже листья стали неузнаваемыми. Они настолько отличаются от обычных томатных, что их трудно причислить к этому виду растений.

На этом, однако, исследования не закончились. Новая серия скрещиваний привела к рождению оригинального цифомандро-томатного гибрида. Плоды его богаты сахаром, витаминами, яблочной кислотой, малосемянны, выдерживают дальние перевозки.

Этим летом различные сорта нового гибрида — седьмое поколение,— созданного академиком Н. В. Цициным и его сотрудниками, выращиваются и изучаются на Грибовской, Сталинградской, Адлеровской селекционных станциях и на Алма-Атинском опорном пункте Ботанического сада. Осенью нынешнего года будет собран первый урожай нового овоща.

Г. БЛОК

У животноводческой фермы разбит молодой парк.

В Тутаеве, что на Волге

Ирина ВОЛК

Фото А. ГОСТЕВА.

Тутаев — небольшой городок на Волге. Река перерезает улицы, несет свои волны мимо колхозов, поит сочные травы на лугах, волжские рыбы трепещут в неводах рыбацких артелей.

Тутаевский район назывался когда-то Романово-Борисоглебским уездом. Здешние крестьяне еще в петровские времена вывели необыкновенную романовскую овцу с длинной волнистой шерстью. Вскоре появилась поговорка: «Весу четыре фунта, а жары, как от четырех печей». Это говорится о замечательном романовском полушубке, сшитом из светлосерых шкур тутаевских овец.

Крестьяне выращивали драгоценных животных по собственному своему разумению, не имея ничьей поддержки. В одной деревне не знали, что делается в другой, один хозяин хоронился от другого, боясь «дурного глаза», «порчи». Овцы чахли, постепенно вырождались, исчезали их незаменимые качества.

То, что в старом Романове-Борисоглебске прадеды делали на ощупь, советские люди поставили на научную основу. В Тутаеве возникла Всесоюзная станция животноводства Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР.

Многие ли знают, что такое линия голубого барана? Рассказы о ее родоначальнике передаются в Тутаеве из уст в уста.

Голубой баран — глава славной линии романовских овец — родился в 1922 году и был записан под номером 62. Появлению на свет этого «чуда» предшествовала многолетняя работа ученых. Знаменитый баран весил 84 килограмма и своей длинной волнистой шерстью походил на драгоценного песца.

С тех пор прошло много лет. Потомки голубого красавца приносят по 4—5 ягнят, совершенно черных, с небольшими белыми пятнышками на мордочке и ногах. Проходят месяцы, и с черными ягнятами происходит удивительное превращение: подобно андерсеновскому гадкому утенку, они меняют «оперение»: постепенно светлеют, превращаясь в пепельно-серых, почти голубых.

Более 30 лет работают в Тутаеве супруги Смирновы — сотрудники станции, кандидаты сельскохозяйственных наук. Они добиваются, чтобы потомство голубых баранов росло не только в их районе и области, но и во всех уголках нашей страны.

Каждый год правнуков голубого барана вывозят из Тутаева в разные стороны. В 62 областях — Архангельской, Калининской, Вологодской, Кировской, Владимирской, Костромской и многих других — становится все больше и больше голубых овец.

Но маленький волжский городок славен не одними только овцами. Здесь начали выводить особую, улучшенную породу свиней.

На экспериментальной базе поросенок сразу же после рождения получает паспорт, в который вписывается вся его родословная. Родоначальником целой линии является знаменитый Сатир. Он весил 330 килограммов. Длина его туловища достигала 170 сантиметров.

От Сатира и Мечты пошло первое поколение. Матки следующих поколений приносят в среднем до 20—22 поросят, которые через три месяца все вместе весят более тонны!

На экспериментальную базу часто приезжают свинарки окрестных колхозов. Е. В. Шестакова из колхоза «Победа» привезла сюда Морячку — лучшую матку свинофермы. Прошло немного времени, и в колхозе «Победа» появились белорозовые, крупные, сильные, плодовитые животные.

Черные белоголовые коровы с характерными «очками» пасутся на участке животноводческой базы станции. Многие из них дают за день 40—45 литров молока — столько тре-

Здание Тутаевской животноводческой станции.

В летнем лагере романовских овец. Кандидаты сельскохозяйственных наук В. и Л. Смирновы наблюдают за стадом.

буется среднему колхозному детскому саду. Но дело не только в том, что молока много. Главное — его высокая жирность, превышающая в среднем 4 процента.

Вот одна из коров. За два года она дала около 16 тысяч литров молока — целую цистерну. Чистого жира в нем оказалось до 700 килограммов. Это столько же, сколько весит сама корова.

Как советским животноводам удалось добиться таких замечательных результатов? Ответ мы найдем, пройдя по первоклассным фермам. Все работы выполняют механизмы, коров доят с помощью электричества; при изготовлении кормов в светлой кухне со всевозможными электрическими резками, дробилками, смесителями присутствуют научные сотрудники. У каждой коровы свое «меню», его составляют, исходя из веса животного, удоя, аппетита.

Если, например, Морозная дала вчера молока на пол-литра меньше, чем обычно, молодой научный работник Вячеслав Медведев, москвич, недавно окончивший Тимирязевскую академию, озабоченно хмурит брови. В графе рационов против клички Морозная ставится пометка. Сегодня корове к обеду прибавят свеклы, картофеля, и завтра она обязательно даст больше молока.

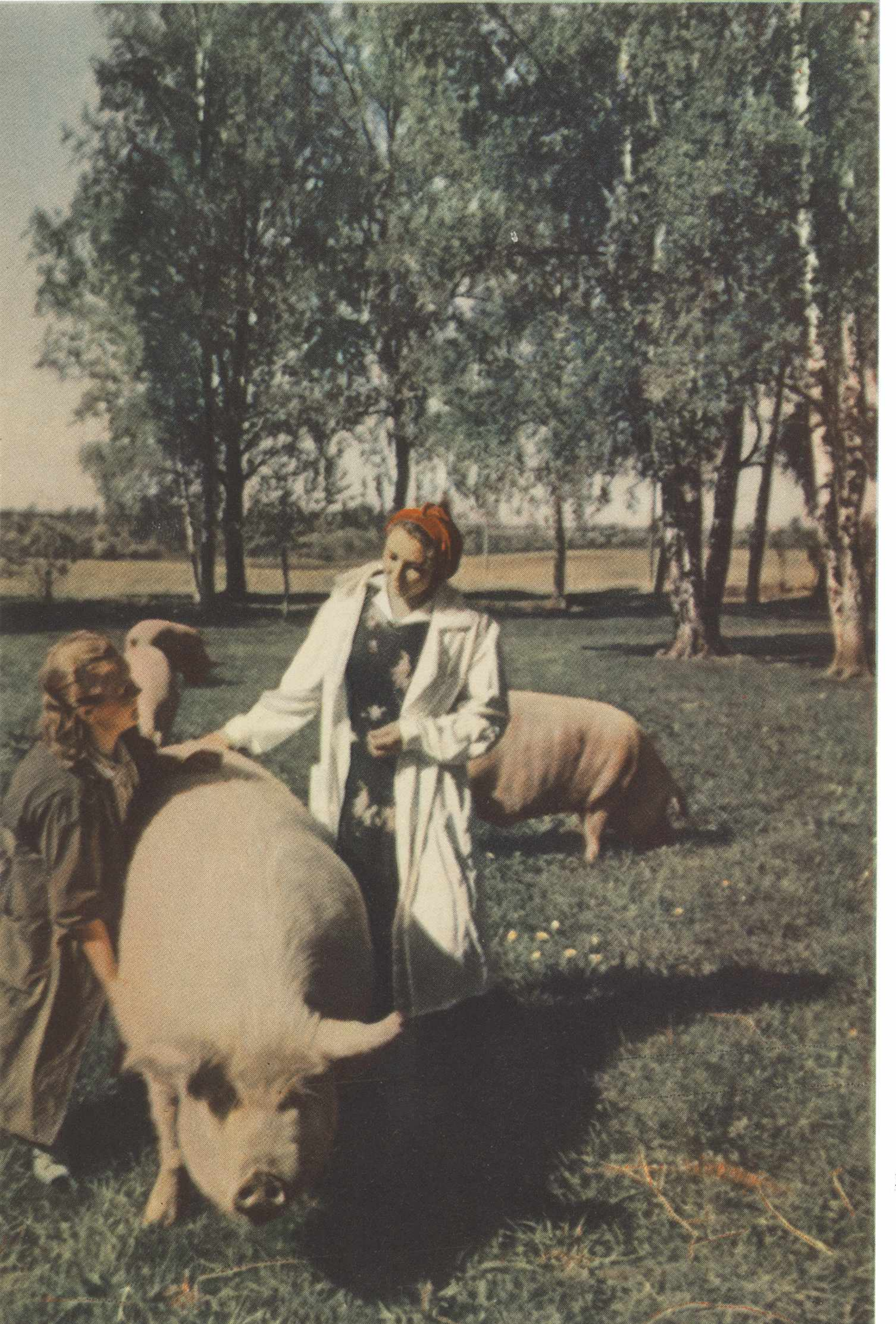
Фермы всех 42 колхозов Тутаевского района превратились в своеобразные лаборатории. Ученые вместе с колхозными практиками ставят интереснейшие опыты, наблюдают за животными в разной обстановке.

Колхозная молодежь с увлечением занялась совершенствованием пород. Уже десять лет в Тутаеве работает сельскохозяйственная школа животноводства. В ней преподают ученые, в лабораториях и в кабинетах станции будущие животноводы проходят практику.

— Впереди нас ждет много интересного, — говорит директор станции Николай Иванович Цибизов. — Наше будущее — в дерзаниях, новых опытах, в творческой дружбе научных работников и колхозников.

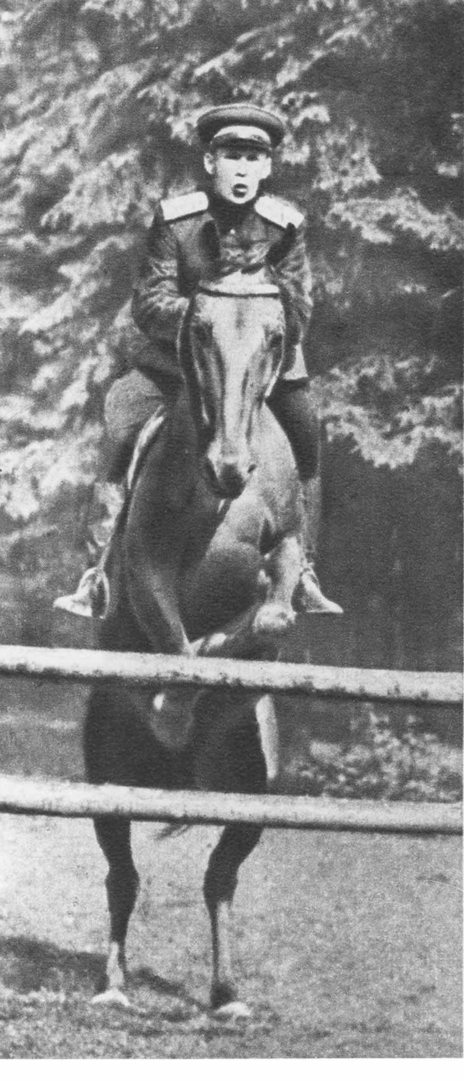
Породистые ярославки на прифермском выгоне.

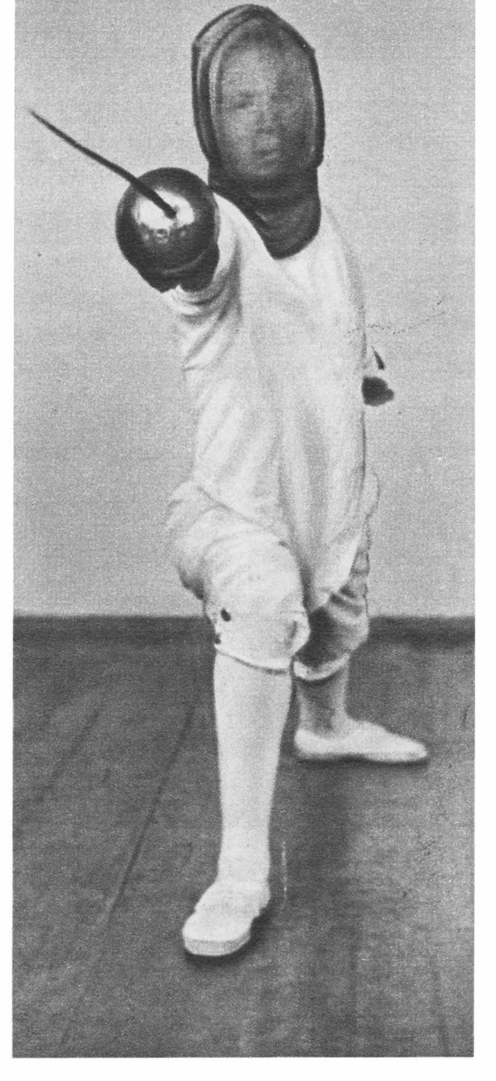
В лаборатории Всесоюзной животноводческой станции.

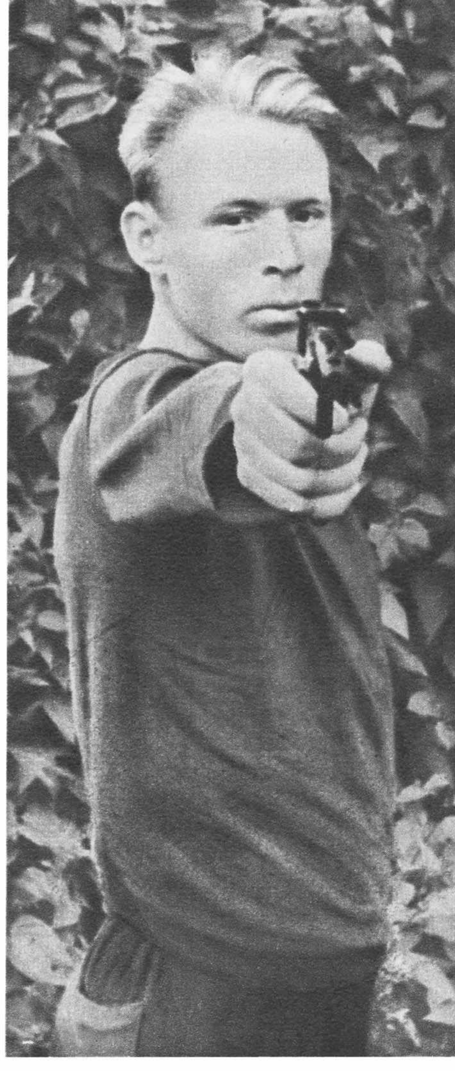

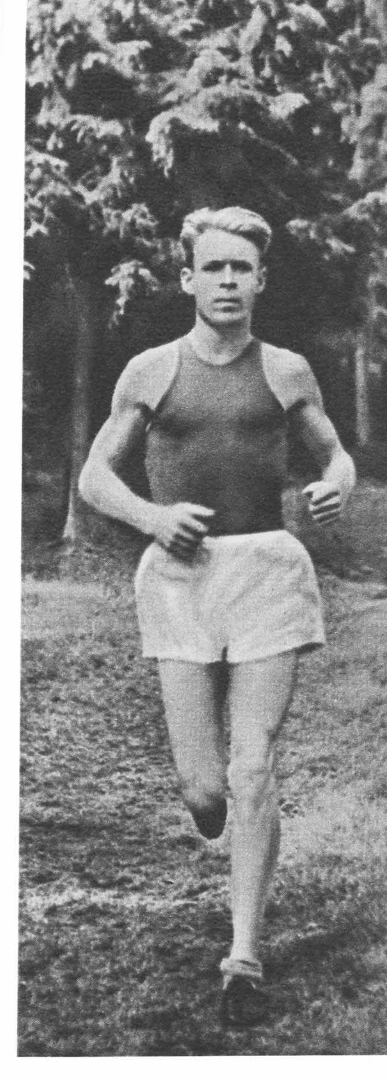
Группа молодых практикантов, студентов Тимирязевской академии, беседует с директором станции Н. И. Цибизовым.

Каждое утро свиней выгоняют на прогулку в березовую рощу.

Мастер спорта Константин Сальников выполняет программу современного пятиборья:
Скачка с препятствиями. Фехтование. Скоростная стрельба из пистолета. Кросс.

Фото А. Бурдукова.

Современное пятиборье

В последнее время внимание любителей спорта все чаще привлекает современное пятиборье — одно из самых сложных состязаний. Впервые оно было разыграно в 1912 году, на олимпийских играх в Стокгольме, и называлось тогда офицерским: оспаривать первенство могли только офицеры. После олимпийских игр 1948 года в Лондоне было решено к участию в состязаниях допускать всех желающих и впредь называть пятиборье современным.

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к мастеру спорта тов. Е. Эбель с просьбой рассказать о современном пятиборье.

— В программу современного пятиборья входит: пятикилометровая скачка на лошади с преодолением препятствий, фехтование на шпагах, скоростная стрельба из пистолета, плавание вольным стилем на 300 метров и бег по пересеченной местности на 4 тысячи метров.

Этот перечень говорит сам за себя. Каким разносторонним спортсменом нужно быть, чтобы в совершенстве овладеть этими никак взаимно не связанными упражнениями!

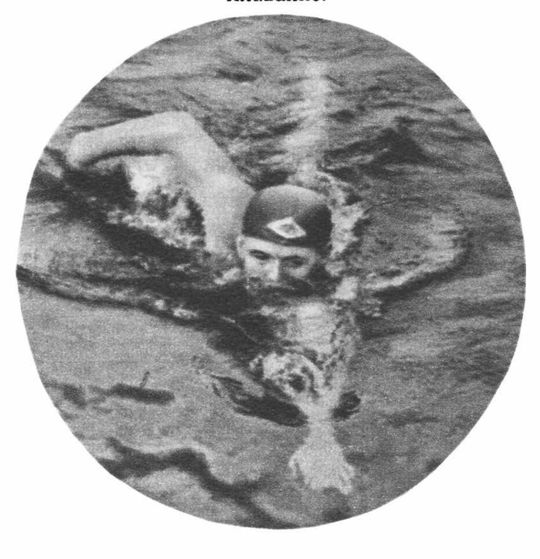
Есть родственные виды спорта, и занятие одним помогает совершенствованию в другом. Так, зимой гребцы много ходят на лыжах, конькобежцы летом ездят на велосипеде, велосипедисты зимой выходят на ледяную дорожку, а футболисты играют в хоккей.

Но что общего в скачке на лошади, стрельбе, плавании, фехтовании и беге? Ровно ничего. Обычно конники не занимаются плаванием, пловцы — фехтованием, а бегуны — стрельбой.

Конная скачка требует отличной ориентировки на местности и умения владеть лошадью, фехтование на шпагах — молниеносной реакции, стрельба — точного глазомера и огромного самообладания, плавание — четкого ритма, полной согласованности движений и хорошо поставленного дыхания и, наконец, бег по пересеченной местности — выносливости, помноженной на скорость и тактическую сметку...

Только за сутки до начала первого номера многоборья — скачек — участникам состязаний разрешают ознакомиться с сильно пересеченной пятикилометровой трассой, на которой расставлены 24 препятствия: заборы, барьеры, сваленные деревья, опрокинутая лодка, запертые ворота, каменная стенка и даже стол, уставленный посудой. Эту дистанцию нужно пройти, по крайней мере, за 10 минут 32 секунды. В противном случае начисляются штрафные очки.

Плавание.

Но на этом не кончаются трудные условия скачки. Дело в том, что только за час до старта конники могут увидеть лошадей, на которых им предстоит преодолеть эту трудную дистанцию. И только за пятнадцать минут до начала старта спортсменам разрешается сесть на скакунов, которые им достались по жребию.

Второй день посвящается фехтованию на шпагах. Достаточно сделать всего один укол, чтобы одержать победу. Но каждому участнику приходится проводить несколько десятков боев, и нет нужды говорить, какого огромного напряжения сил требуют они от спортсменов.

В третий день проводится скоростная стрельба из пистолета с дистанции 25 метров. Надо поразить мишень 20 пулями. На каждый выстрел дается всего 3 секунды, и это трудное упражнение требует от спортсменов огромного самообладания и безукоризненного владения оружием.

На четвертый день многоборцы собираются в плавательном бассейне. Большинство спортсменов плывет самым быстрым способом плавания — кролем. И вот, наконец, последний, заключительный номер современного пятиборья — кросс на 4 тысячи метров, венчающий пятидневную борьбу.

В нынешнем году будет впервые разыграно первенство СССР по современному пятиборью. Только отлично тренированным спортсменам по плечу эти трудные соревнования, но зато как почетна победа!

Сталинградский драматический театр имени Горького.

СПЕКТАКЛЬ СОЗДАН ГОРОДОМ

Е. РЯБЧИКОВ

Фото М. Савина.

Сталинградский драматический театр в содружестве с местным драматургом А. Шейниным и при непосредственной помощи партийных организаций и строителей создал спектакль о трудовых буднях строительства Волго-Донского канала. Автору, постановщику, актерам, художнику удалось во многом передать атмосферу строительства, горячего творческого труда, показать людей, сооружавших Волго-Дон. Хорошо задуманы образы пьесы, запечатлевшие в себе некоторые типические черты наших современников.

Бесспорно, спектакль требует существенной доработки, но опыт создания пьесы на современную тему в тесном содружестве с будущими ее героями, несомненно, представляет интерес. Мы печатаем корреспонденцию о том, как готовился спектакль.

Художник Ф. П. Новиков у макета одной из картин спектакля «Большой шаг».

«Большой шагающий» — стальная серая громада — стоял на гребне водораздела. Высоко над землей сверкала стеклами кабина. В ней за письменным столом работал парторг сверхмощного шагающего экскаватора «ЭШ-14/65» Семен Александрович Плеханов: он был занят составлением графика. Рядом в кожаном кресле сидел мастер Владислав Клюев. Он нажимал на рычаги и педали — кабина плыла вместе со всем корпусом вправо, и тогда видны были ржавые цепи островерхих гор, накиданных экскаватором; потом кабина плыла в обратную сторону, и показывались исцарапанные зубьями ковша берега канала.

Но как ни сосредоточен был Клюев в работе, мастер высказал парторгу волновавшие его думы. Накануне Клюев был на спектакле в театре. Его познакомили с артистами, и он, кажется, наговорил им много неприятного.

Плеханов внимательно слушал Клюева. «В самом деле, — думал парторг, — мастер прав: о строительстве, о строителях, о жизни и труде людей столь важной профессии еще нет спектаклей...»

Подпрыгивая на ухабах, ныряя в ямы, к экскаватору приближалась легковая машина. Из нее вышли люди и уверенно направились к вращающемуся кузову.

Плеханов подошел к двери.

— Да стой ты, Клюев, не крути карусель!.. Это из обкома!..

— Громкий разговор у вас был!.. — не скрывая улыбку, сказал один из гостей.— Километров за десять слышно, как вы об искусстве беседуете. В другой раз, когда такой горячий разговор поведете, не забудьте микрофон выключить,— пошутил он.— А разговор у вас вообще-то правильный. Хорошо, что и вы и ваши товарищи в Чапурниках, в Калаче, в Донском районе думаете об искусстве, требуете пьес, спектаклей о строителях. Будет такая пьеса!

...И вот в Сталинграде стало известно: театр готовит спектакль о Волго-Доне. Собственно, готовил спектакль не только театр. Драматург, режиссер и артисты почувствовали живое, горячее, полное доброжелательности участие множества малознакомых и совсем незнакомых людей. Одни присылали письма со своими пожеланиями и советами, другие приходили и сообщали разработанный ими сюжет будущей пьесы, третьи приглашали приехать в те или иные строительные районы Волго-Дона поговорить.

Однажды вечером к драматургу заявился с трассы начальник одного из строительных районов В. Михайлов. Очистив в передней сапоги от грязи, он повесил на вешалку выцветшую фуражку, решительно вошел в кабинет, сел к письменному столу и, недовольно посмотрев на Александра Шейнина, спросил:

— Почему до сих пор не показываешь пьесу?.. Ах, вот что,

у тебя еще только набросок, черновики! А советоваться по черновикам не хочешь? А может быть, в пьесе твоей уже есть технические погрешности?..

Досталось от взволнованного Михайлова и художественному руководителю театра Ф. Е. Шишигину, когда тот присоединился к спорящим.

Шишигин рассказал инженеру, что только вчера они вернулись с трассы. Несколько дней провел автор пьесы в Водораздельном строительном районе. Потом поехал в Красноармейск. Секретарь партийной организации строительного района Николай Александрович Семенов подробно рассказывал о почине экскаваторщиков, о новом методе работы водителей самосвалов, о воспитании людей стройки:

— Приехал к нам на побывку демобилизованный моряк с Балтики. Погостил у нас, посмотрел на стройку и пошел на курсы экскаваторщиков. Теперь он знаменит. Познакомьтесь с ним обязательно. Или вот — есть у нас один знающий дело, но очень «трудный» товарищ: был на большой работе на канале, возгордился, противопоставил себя всему коллективу. Его понизили в должности. И на новом месте он не удержался. Так сходил все ниже и ниже. Стал пить... Мы помогли ему исправиться, понять свои ошибки, встать на правильный путь, и вот,— Семенов показал газету строителей,— теперь о нем пишут как о лучшем руководителе. Мне кажется, в вашей пьесе важно показать воздействие коллектива на человека, его воспитание...

Режиссер театра тоже неделю прожил в Донском строительном районе. Прораб, десятник, бригадир, бетонщик — каждый охотно и взволнованно рассказывал о своем, проявляя горячую заинтересованность в создании спектакля.

Встречи на трассе канала, обсуждение первых набросков пьесы со строителями, с партийными работниками обогащали первоначальный замысел будущей пьесы: изменялась конструкция, расширялось число действующих лиц, углублялся конфликт. Не один раз варианты пьесы обсуждались в обкоме партии, у строителей на трассе.

В театре между тем началось распределение ролей. Артист Дмитрий Ярский получил роль демобилизованного моряка, ставшего экскаваторщиком. Он садился за рычаги в кабине могучей машины, всячески «вживаясь» в свою будущую роль. Заслуженный артист РСФСР и УзССР К. Синицын, готовя роль начальника строительного района Ивана Захаровича Вагина, встречался с руководителями строительных районов на трассе канала. А. Машкову поручили роль начальника шлюза Латова.

Парторг «ЭШ-14/65» Семен Александрович Плеханов и начальник стальной громады Анатолий Павлович Усков познакомили артистов с машиной и ее экипажем, детально обсуждали вместе с исполнителем образ инженера с «Большого шагающего».

Художник, декораторы, гримеры также побывали на шлюзах, насосных станциях, в кабинах шагающих экскаваторов. Как пчелы несут капельки собранного нектара в улей, так все работники театра несли свой вклад в будущий спектакль «Большой шаг».

Шли репетиции, строились сложные декорации, шились костюмы. В глубине сцены появилась громада «Большого шагающего», выбросившего вперед длинную трубчатую стрелу; далеко за кулисы уходили стены и башни выросшего шлюза; в артистических уборных перед зеркалами сидели в брезентовых робах «электросварщики» и «экскаваторщики», и когда за кулисами появлялись настоящие строители с канала, то не всегда можно было отличить их от актеров.

Почти на каждую репетицию приезжали механики и инженеры, партийные работники и плановики Волго-Дона. Они придирчиво осматривали построенный из фанеры и дерева экскаватор, обсуждали, насколько точно воспроизведен шлюз.

Спектакль начинается просто: в саманной землянке сидят за столом сестры и говорят о будничном, о своем. Наталья Николаевна (артистка Л. Макарова), учительница, жена начальника шлюза Кедрова, расстроена: ее муж, приехавший из Горького на стройку, плохо проявил себя как руководитель района. Он третировал окружавших его людей и в конце концов решительно восстановил против себя всех. Кедрова отстраняют от руководства, дают другую работу, но он не удержался и на новом месте, к тому же стал пить, и вот исключен из партии. Наталья Николаевна, парторг Кольцов, начальник района Вагин — весь коллектив старается помочь Кедрову, возвратить его к большой, созидательной жизни.

Судьба Кедрова — одна из многих сюжетных линий пьесы. Мы знакомимся с умным и волевым начальником района Вагиным, способным смотреть далеко вперед, с секретарем партийной организации Кольцовым (артист В. Николаев), умеющим честно и прямо говорить правду в глаза начальству, поддерживать его смелые начинания и в то же время останавливать Вагина от необдуманных поступков. Видим начальника шлюза Латова (артист А. Машков), живущего мечтой о личной славе. Латов добровольно покинул Москву, оставил «выгодное» место в министерстве, рассчитывая, что на стройке сделает блестящую карьеру...

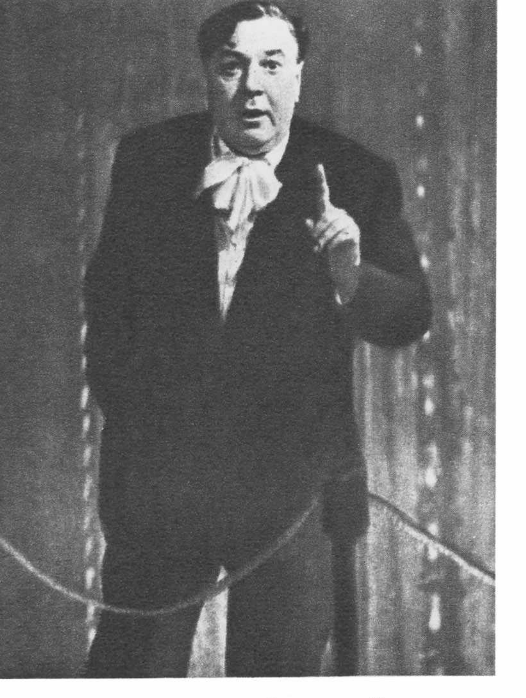
...Наступил большой, желанный день премьеры. На торжества, посвященные десятилетию Сталинградской битвы, прибыли прославленные полководцы, ученые, стахановцы, посланцы многих городов страны. После заседания открылся занавес, и на сцене прекрасного нового театра начался созданный всем городом спектакль. В зале было немало зрителей, чувствовавших себя участниками представления; они волновались, пожалуй, не меньше, чем артисты и постановщики.

С тех пор «Большой шаг» прошел десятки раз, его смотрели тысячи людей. Сталинградцы полюбили спектакль, отмечая, что с каждым новым представлением он становится ярче и глубже.

Артист Д. И. Ярский (слева) знакомится с работой экскаваторщика П. В. Хохалева.

Артисты со строителями осматривают сооружения 2-го шлюза.

Н. Смирнов-Сокольский читает фельетон «Проверьте ваши носы».

Ленинградский театр миниатюр. Артисты Г. Новиков (слева) и А. Райкин в сценке «Невредный парень».

И. Набатов исполняет сатирические куплеты.

Зрители сме

На эстрадных представлениях в Москве

Летом этого года эстрадное искусство заявило о себе с небывалой ранее активностью. Помимо театров в «Эрмитаже» и в саду имени Баумана, эстрадные концерты систематически устраиваются и в парках, собирая многочисленную аудиторию.

Нынешний летний сезон в «Эрмитаже» открылся новой программой Ленинградского театра миниатюр — «Смеяться, право, не грешно...» (автор — Вл. Поляков, режиссеры — заслуженный артист УССР Б. Норд и В. Исаковский). Лучшие вещи в этой программе поднимаются до уровня подлинной сатиры. Так, в миниатюре «Невредный парень» (написал ее Н. Гальковский) руководитель учреждения, чтобы отвязаться от плохого работника, дает ему отличную характеристику и уговаривает другого руководителя принять на работу «невредного парня». Но «невредный парень» учитывает ситуацию и отнюдь не собирается покидать своего места, понимая, что с такой характеристикой его никто уволить не может. А. Райкин играет в этой пьесе две роли — «невредного парня» и помощника директора — хитреца и подхалима. И хотя вся пьеса идет не более 5—7 минут, актер, мгновенно перевоплощаясь, создает два различных образа.

А. Райкин — комедийный актер большого дарования, умеющий в самой короткой миниатюре создать законченный характер. Вот он объявляет название сценки и тут же, не прибегая к гриму, оставаясь в своем костюме, превращается в современного Хлестакова и действует в этом сатирическом образе необычайно убедительно и темпераментно. Райкин не только создает комедийные образы, но и умеет их обобщить, типизировать, ярко и остро показать смешное и отвратительное, еще бытующее в нашей жизни.

И поэтому именно к Райкину, так же как и к постоянно с ним сотрудничающему писателю Вл. Полякову, следует предъявить серьезные требования. Мы далеки от ханжеского отрицания просто веселых сценок, например, «Когда мы необъективны», в которой четыре человека совершенно искренне по-разному рассказывают об одном и том же происшествии. Но есть сцены, в которых действуют старые эстрадные штампы, где нет характеров, а только смешные (да и то не очень!) положения. Например, сценка «Любовь! Любовь! Любовь!..», где докладчика, говорящего о святости семейного очага, ждут две жены. Или сцена «Катастрофа» — в ней явно все построено так, чтобы дать возможность актеру, играющему бухгалтера, эффектно упасть в обморок. В этих сценках актер и автор словно забывают, что они могут быть сатириками.

И во второй программе «Эрмитажа» — «Вот идет пароход» (авторы — В. Дыховичный, Б. Ласкин и М. Слободской, режиссер — А. Конников) — присутствует сатирическое начало. Режиссерски эта программа решена продуманно, четко и с хорошим вкусом.

Автор и исполнитель фельетона «Проверьте ваши носы» — Н. Смирнов-Сокольский, исполнитель искренний, темпераментный, сам взволнованный тем, о чем он говорит. В исполнении артиста есть и злоба, и ирония, и добродушная насмешка. Он не только высмеивает отдельные недостатки, бытующие в нашей жизни, но и поднимает важные вопросы. В его фельетоне есть острая насмешка над местными «вельможами», которые без всякого к тому основания объявляют ложи в периферийных театрах правительственными, да и в кабинет к ним можно попасть, только получив пропуск в комендатуре... Артист смело прибегает к сатирическим преувеличениям, порой даже к некоторой парадоксальности. Например, «образцовый» партийный работник снится ему в виде розового ангела, потому что именно таким он еще предстает во многих повестях и романах. Однако излишняя многотемность, мозаичность фельетона вместе с нарочитым порой стремлением смешить слушателей мешают сатирическому воздействию этого в общем удачного произведения.

С юмористическими и сатирическими сценками выступают в этой же программе Л. Миров и М. Новицкий. Их по традиции называют конферансье, хотя это далеко не точно. Гораздо вернее сказать, что они выступают с эстрадными диалогами и маленькими пьесами. Артисты произносят несколько вступительных слов, и пьеса начинается. Действуют их герои хлопотливо, усердно, но попусту, так, что зрителям отлично видно, какие никчемные это людишки. Вот руководитель станции по спасению утопающих (Л. Миров). Тонет человек, а Миров все согласовывает по телефону вопрос с начальством: спасать или не спасать? А получив прямое указание: «Спасать»,— он требует письменного подтверждения...

Злободневные куплеты на международные темы: «Письмо Рокфеллеру», «На горе Арарат...» и «Гоп со Смитом» исполняет И. Набатов. Набатов умеет мгновенно стать героем куплета, едва заметным жестом, полуулыбкой, прищуром глаз сказать многое.

Но привычное для многих артистов эстрады стремление к облегчению темы, поверхностной занимательности, а иногда и к ложной нравоучительности еще живо. М. Миронова и А. Менакер второй год подряд показывают сценки из жизни пустой и всем недовольной дамочки, путающей самые простые слова и понятия. Ну что же,

«Вот идет пароход». Слева направо: артисты М. Миронова, М. Новицкий, Л. Миров и А. Менакер.

ются

можно смеяться и над такой дамой, но тогда уже надо показать все ее отвратительное, мещанское существо, тупую жадность, стремление к легкой жизни. Здесь же всего этого нет, а есть лишь довольно добродушная насмешка над откровенно глупой женщиной, над семейными дрязгами. У Мироновой и Менакера на эту же тему были гораздо более острые выступления. Но, очевидно, очень талантливая комедийная актриса М. Миронова, играя ряд лет,— правда, в разных вариантах — одну и ту же роль, начинает повторять одни и те же приемы.

В этом сезоне москвичи впервые увидели Ленинградский ансамбль эстрады, поставивший обозрение «После третьего звонка». В этой программе есть несколько хороших номеров. Но в целом репертуар ансамбля недостаточно интересен. В нем еще мало содержательности, больше поверхностного остроумия. Способные актеры А. Блехман и Т. Кравцова часто так «пережимают», так «играют на публику», что это мешает и зрителям и артистам. Необходимость квалифицированной режиссуры для ленинградского коллектива очевидна.

С новой программой «Вместо концерта» (авторы — В. Дыховичный и М. Слободской, режиссеры — заслуженный деятель искусств РСФСР П. Васильев и Н. Петрова) выступили А. Шуров и Н. Рыкунин. Куплеты, исполняемые ими, часто остроумны, а главное, злободневны. Они посвящают их и нашей повседневной жизни и международным событиям. Шуров и Рыкунин — артисты темпераментные, но, к сожалению, иногда чересчур прямолинейные, даже грубоватые, а порой и излишне дидактичные.

Разговорный жанр в этом сезоне стал ведущим на эстраде. Мастера острого, меткого слова показали зрителям немало новых интересных работ.

Заметно оживление и в других жанрах эстрады. Появились новые талантливые певцы — Б. Шапенко и В. Борисова; прекрасно исполняет на концертино музыкальные произведения А. Маслюков. Занимательно и четко работают жонглеры М. Мещеряков, Н. Ширай и братья Жерве. Хорошую технику акробатики показывают А. Барзилович, Г. Михайлов, С. и В. Лаврентьевы, В. Фролов и В. Марченко. Превосходен трудный номер — изящные и грациозные танцы на проволоке в исполнении Н. Логачевой.

...Все чаще на эстрадных представлениях раздаются веселый смех и аплодисменты. Зрители любят эстраду и ждут злободневной сатиры, новых красивых танцев, новой хорошей песни.

Ю. ДМИТРИЕВ

Фото Е. Умнова.

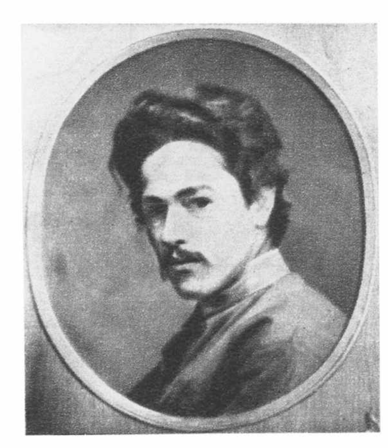

Эстрадное представление «Вместо концерта». Артисты А. Шуров (слева), Н. Рыкунин.

На родине Н. А. Ярошенко

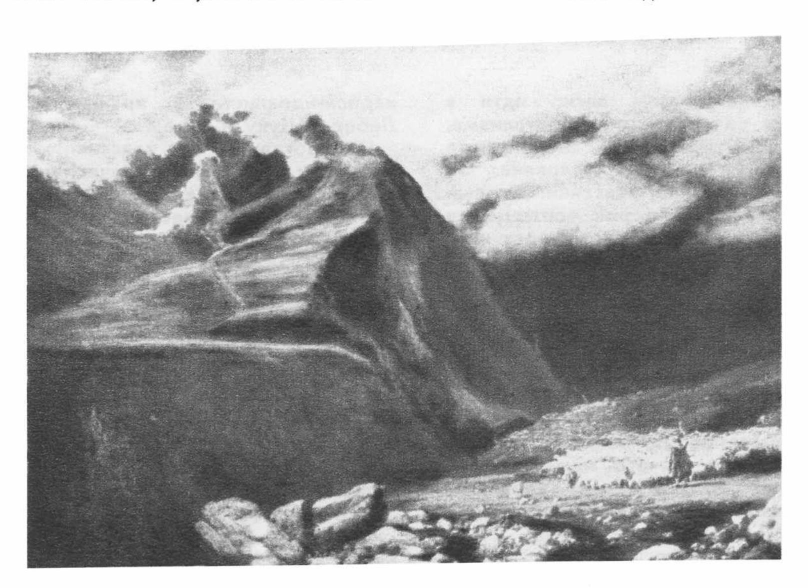
В одном из живописнейших уголков Полтавы, на холме, откуда видны голубая лента реки Ворсклы, необозримые дали колхозных полей и лесов, возвышается здание Полтавского государственного художественного музея.

В этом году исполняется 35 лет со дня основания в Полтаве картинной галереи. Эта дата совпадает с 55-летием со дня смерти выдающегося художника-передвижника Николая Александровича Ярошенко, с именем которого связано открытие местного музея. Н. А. Ярошенко завещал свои работы и свою коллекцию картин родной Полтаве, где прошли его юношеские годы, где он начинал учиться рисовать у талантливого художника Зайцева.

Н. А. Ярошенко. Автопортрет. 1875 год.

Согласно завещанию Ярошенко, в Полтаву в 1918 году доставили большое собрание произведений художника, среди которых были известные полотна: «Невский проспект ночью», «Причины неизвестны», «Мечтатель», «Девочка с игрушками», «В горах Кавказа», выразительные и яркие этюды к картинам «Заключенный», «Курсистка», «В Киево-Печерской лавре», многочисленные пейзажные этюды, созданные Николаем Александровичем во время поездок по Кавказу, Италии, Египту.

Н. А. Ярошенко. В горах Кавказа. 1880 год.

Это собрание картин дополнилось двадцатью тремя альбомами с рисунками художника, эскизами и зарисовками к его большим произведениям.

Одновременно с коллекцией Ярошенко в музей поступили полотна Шишкина «Березовая роща», Дубовского «Притихло» (вариант известной картины, находящейся в Государственной Третьяковской галерее), работы Поленова, Остроухова, Прянишникова, Касаткина, В. Маковского и других известных русских художников второй половины XIX века.

Позже собрание пополнилось работами западноевропейских мастеров, например, Тьеполо «Бегство в Египет», венецианскими пейзажами Гварди. Широко представлено творчество русских и украинских художников Боровиковского, Трутовского, Васильковского, Мясоедова, Репина. Имеется большое собрание миниатюр.

За годы советской власти музей пополнился новыми значительными работами русских художников XIX века и большим собранием произведений мастеров советской живописи, графики и скульптуры.

Богатейшие коллекции украинского народного искусства, старинные ковры и вышивки, красочная керамика знаменитых опошнянских мастеров-горшечников привлекают сюда многочисленные экскурсии.

Полтавский художественный музей, один из крупнейших на Украине, организует передвижные выставки, проводит лекции по истории русского и советского искусства.

П. ГОРОБЕЦ

Н. А. Ярошенко. Портрет В. Г. Успенской. 80-е годы.

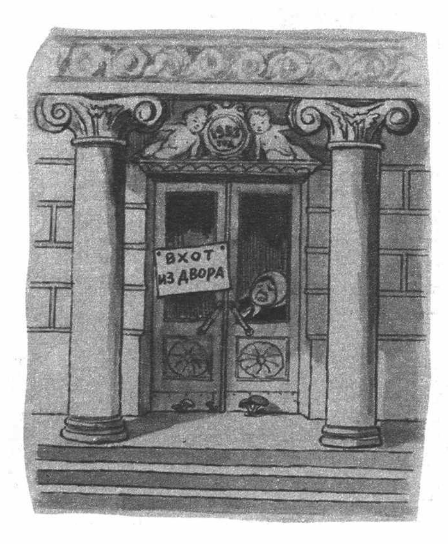
„Неудобники"

М. МЕРЖАНОВ

Рисунки И. Семенова.

Фельетонистам легко идти в атаку на пережитки капитализма. Им не нужно искать характерные черты порочного человека. За них поработали классики. Каждый человеческий порок воплощен в литературном образе, имеет имя, отчество и фамилию. Поэтому современный литератор не описывает, скажем, лентяя, а просто обзывает его Обломовым, и перед вами встает образ Ильи Ильича Обломова в своем неизменном халате из персидской материи. Он, конечно, лежит, ибо это его нормальное положение, и лицо Обломова ничего не выражает, разве только едва уловимый «ровный свет беспечности». Лентяй — и только. Обломов!

Если нужно описать враля, фельетонисты неизменно (и всегда одинаково) вспоминают барона Мюнхгаузена. Описать скрягу поможет гоголевский Плюшкин — худой, сгорбленный, небритый, в рваном бабьем халате. Если не подойдет Плюшкин, то, быть может, это будет Иудушка Головлев. Для хвастунишки есть популярный Иван Александрович Хлестаков. В современных фельетонах можно встретить и щедринского карася-идеалиста и крыловских Лебедя, Щуку и Рака...

Поработали на нас классики!

Но как быть с человеческими пороками, которые не нашли отражения в классической литературе? Они гнездятся в людишках, которые мешают вам работать, творить, отдыхать, создают всяческие неудобства, препятствия, козни.

Назовем их условно «неудобниками».

Как обрисовать их? Они не имеют знатных предков в классической литературе. Они не запечатлены ни в живописи, ни в графике.

Карандаш художника уверенно скользит по бумаге, когда он рисует бюрократа: округлое лицо, узкий лоб, самодовольная улыбка, четыре самопишущие ручки в левом кармане пиджака — и бюрократ готов! Привык карандаш и к Плюшкину, Хлестакову, Обломову.

Но неудобник ни на кого из них не похож. Он может быть толстым и худым, лысым и кудрявым, высоким и коротышом. Он ходит и в хорошем костюме из синего «метро» и в рваном пиджаке. Он неудобник, он всякий. В его лексиконе чаще всего встречается слово «воспрещается». Он получает удовольствие, когда говорит «нет», и будет страдать, если по оплошности скажет «да». Впрочем, это бывает редко. Он взял напрокат у бюрократа твердые, как гранит, формулы «в противном случае будут приняты меры вплоть до...» или «неисполнение влечет за собой...» Разговаривает неудобник только в повелительном тоне и меняет его лишь в случае разговора с «вышестоящим товарищем». Все приказы, постановления, распоряжения неудобник начинает словами: «С сего числа воспрещается...» Этот человек запрещает ходить по «данной лестнице», сидеть на «данной скамейке», плавать в «данном озере», удить рыбу в «данной реке». Он спокоен, когда все «воспрещается», и он встревожен, когда что-то разрешено. Он не потерпит, чтобы в магазине, скажем, были открыты все двери. Нельзя! Это слишком удобно. Поэтому он клеймит словом «воспрещается» все входы, кроме одного. В дверях толкутся сотни покупателей. Неудобник закрывает (а иногда забивает) парадные двери вновь выстроенных домов, а обитателей-новоселов гонит через одну калитку во двор, к черному ходу. Пусть не балуют!

Неудобник успевает всюду. Вы можете встретить его в самых неожиданных местах: то он сидит за рулем таксомотора и не желает везти вас на улицу Чкалова, ибо ему сподручнее ехать на Плющиху; то, преображенный в хмурую девицу на междугородной телефонной станции, он без всяких на то оснований выключает телефон за полчаса до начала вашего разговора с Бугульмой и долго не включает его после окончания разговора; то он перепутает одно слово в телеграмме, и ваши родные печалятся, вместо того чтобы радоваться.

В хорошем, удобном, цельнометаллическом вагоне есть все, чтобы пассажир мог отдохнуть в пути: хорошие постели, настольные лампы, звонок к проводнику. Но если даже этот звонок работает исправно (что не часто бывает) и вы слышите его далекую трель, — все равно никто на него не откликнется.

Спустя час к вам подойдет неудобник, одетый на сей раз в мятый костюм проводника, посмотрит на вас безразличными глазами и скажет:

— Чего?

— Хотелось бы чайку,— скажете вы.

— Чай будет вечером...

И пойдет...

Другая неудобница из этого же вагона не даст вам постель, так как вы едете из Москвы только до Куйбышева. На языке проводников такой пассажир в поезде дальнего следования называется «трамвайным», на него постель не уготовлена.

Директор Алма-Атинской гостиницы вывесил объявление:

«В связи с тем, что созывается совещание хлопкоробов, все проживающие должны немедленно освободить номера, в противном случае будут приняты административные меры к выселению».

Слово «выселение» он подчеркнул двумя жирными линиями, внимательно оглядел очередное свое творение и безмятежно улыбнулся... Ему что? Ведь делает он это по директиве вышестоящего неудобника... А их, к сожалению, еще не мало.

Неудобники «украсили» города вывесками, на которых крупными буквами написано «Мосодежда», «Харьобувь», «Леновощи», в то время как в русском языке таких слов не было, нет и не будет. Есть слова «одежда», «обувь», «овощи».

Неудобник придает каждому ботинку территориальную «окраску», не понимая, видимо, что покупателю важно, чтобы в магазине была красивая обувь, фабричная марка которой стоит на подошве и проверяется по ее прочности, а не по названию вывески.

На другой вывеске можно прочесть лаконичные слова: «Ресторан 3-го разряда». Невольно робеешь перед таким входом. Все же переступаешь порог разрядного заведения и садишься за стол. Наконец подали тебе вкусный борщ, но, когда вспомнишь, что он «третьего разряда», во рту становится кисло...

Совсем плохо бывает, когда неудобник наряжается в милицейскую форму и действует, так сказать, именем закона. Не замечая главного, он проявляет свою бдительность в мелочах. Он сидит в первом ряду трибун стадиона «Динамо» и следит за порядком на... футбольном поле. На трибунах «торпедовцы» и «динамовцы» могут подраться по пустячному поводу, и это нисколько не обеспокоит милицейского неудобника. Он посмотрит ласковыми глазами на драчунов и умилительно скажет:

— Не любят, когда «Торпедо» проигрывает...

Но вот школьница с букетом сирени выбежала к зеленому полю, чтобы вручить цветы спортсменам. Тут уж неудобник вскочил, преградил ей путь и, взяв под козырек, приказал вернуться на трибуну. Девочка заплакала, а милиционер бодро вымолвил:

— Не дозволено.

— Почему вы задержали девочку?

Не краснея, он объяснил, что девочка своими тапочками может испортить... футбольное поле.

Нет возможности перечислить все проделки таких людей, которые делают нашу жизнь неудобной, которые не думают, не заботятся о другом человеке, лишь бы им самим было удобнее, спокойнее. Но еще об одном случае все же хочется рассказать.

Довелось мне встретиться с неудобником в одном из ресторанов Тбилиси. Мы сидели вместе за столом и были хорошо настроены. Запятнанное меню, которое подал нам официант, содержало в себе перечень самых изысканных блюд с замысловатыми французскими названиями, которых никто, в том числе и составители этого сложного документа, не понимал.

Но когда мы, растерявшись перед обилием вкусной пищи, выбрали наконец себе обыкновенные биточки по-казацки, то официант с хладнокровием, которому может позавидовать любой вратарь, ответил:

— Биточков нет!

Тогда мы попросили курицу.

— Курицы нет!

— А что же есть у вас?

— У нас все есть!

— Ну дайте, пожалуйста, нам жареную рыбу.

— Рыбы у нас нет.

— Почему же вы записываете в меню то, чего у вас нет?

— Для формы,— спокойно ответил официант,— есть такое распоряжение.

— Не может быть такого распоряжения,— сказал мой сосед.

— Есть, — спокойно ответил официант.

— Покажите мне.

Ему показали, и он как-то сразу стих. Оказалось, что он, один из руководителей треста ресторанов, и был автором этого распоряжения.

Случай столкнул неудобника с неудобством, которое им же было создано. К сожалению, это бывает редко.

Недавно я был в городе, которого еще нет на картах. Он весь новый, он великолепен. Кто-то, глянув на ровную улицу с красивыми домами и роскошными скверами, сказал: «Как из магазина...»

В этом молодом городе не было ничего старого: ни людей, ни домов, ни акаций. Но в парке к молодому деревцу толстым ржавым гвоздем прибита была табличка: «Воспрещается...» Таких табличек было много. Они призывали новых людей нового города не рубить деревья, не ложиться на траву, не сквернословить, не драться, не ломать скамейки.

Читаешь эти таблички, и становится неудобно. А жители молодого города вовсе и не ломали скамеек, не рубили деревьев, ибо эти деревья им по душе, и насадили их они сами, и скамейки нужны, чтобы присесть на них в минуту усталости. И никто не дрался и не сквернословил. И единственным хулиганом в этом парке был неудобник, который во имя любви к своему «воспрещается» испортил ржавыми гвоздями добрый десяток молодых деревьев.

Так в новом городке еще живет старый человеческий порок. И он оскорбляет нового человека, которому хочется, чтобы было удобно, хорошо, чтобы никто ему не мешал, не обижал, не «воспрещал».

Пора, давно пора приговорить неудобника ко всеобщему осмеянию.

Хочется попросить художника, который будет иллюстрировать этот фельетон, нарисовать неудобника, например, так, чтобы у него одна нога была короче другой, одна рука была тоньше, один глаз круглый, а другой овальный, рот кривой, а оба уха длинные.

Чтобы ему неудобно было жить в нашем обществе.

МИШКИ В ЛЕСУ

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Живу я на юге, в гостинице новой.
Всегда просыпаясь в девятом часу,
Я вижу на стенке в оправе сосновой
Бесцветную копию: «Утро в лесу».

Стандартные мишки резвятся, как дома,
Взобравшись гурьбой на сосновый завал.
И так эта копия с детства знакома,
Как будто бы сам я ее рисовал.

Но вот уезжаю я с теплого юга,
Центральной России избрав полосу.
И в номере новом, как старого друга,
Встречают приезжего мишки в лесу.

Трехсотая копия, рама резная,—
Все те же медведи средь веток густых.
Резвятся животные, даже не зная,
Какой копиист изуродовал их.

Вот в номер гостиницы на Сахалине
Вхожу я, держа чемодан на весу,
И вижу на стенке — легки на помине —
Знакомых до ужаса мишек в лесу.

Куда ни поеду — в село или в город,—
Все те же медведи глядят с полотна...
Я слышал: высотной гостиницей скоро
Украситься наша столица должна.

Мила мне дворцов белостенных громада,
И стрельчатых башен ценю я красу.
Но я об одном умоляю: не надо,
Не надо размноженных мишек в лесу!

Из почты «Огонька»

Утка на дереве

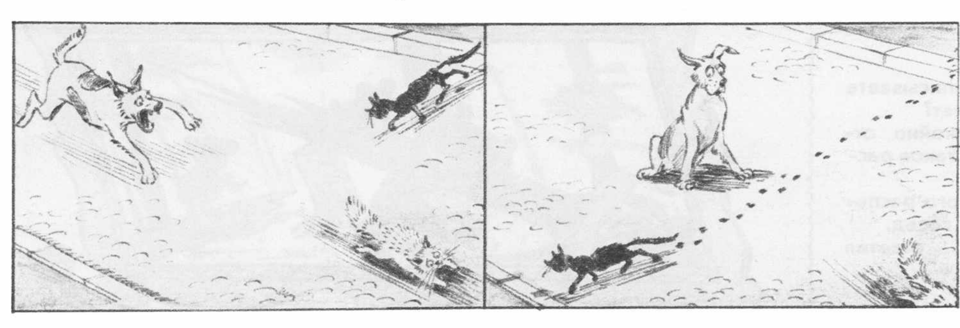
Весной этого года в Тоцком районе, Чкаловской области, группа молодых людей расположилась отдохнуть на берегу небольшого озера. Внимание их привлекло высокое дерево с гнездом метрах в десяти от земли. Снизу было видно, что там сидит какая-то птица. Они попробовали ее вспугнуть, но птица сидела крепко. Заинтересовавшись, один из молодых людей полез на дерево, но птица сорвалась с гнезда и с громким кряканьем ринулась в воду. К удивлению молодых людей, это оказалась дикая утка! В гнезде лежало одиннадцать яиц.

Читатель «Огонька» П. С. Липунов, описывая этот случай, задает вопрос: «Кому приходилось видеть, чтобы водяная птица, дикая утка, высиживала своих птенцов на десятиметровой высоте?»

Мы обратились за разъяснениями к профессору МГУ Г. П. Дементьеву, который сообщил следующее:

— Не все виды пластинчатоклювых, в общежитии называемых утками, гнездятся на земле. Некоторые из них, как, например, крохали, отдельные виды нырков и другие, гнездятся на ветвях деревьев или в дуплах. Но в данном случае речь идет, повидимому, о широко распространенной утке кряквe, которая действительно устраивает свое гнездо на земле. Кряква, насиживающая на дереве, да еще на такой сравнительно большой высоте — высоте трехэтажного дома, — явление редкое. Однако подобные факты наблюдались. Если на земле нет хорошего укрытия, кряквы иногда занимают чужую «квартиру» и устраиваются в старых гнездах хищных птиц (как, вероятно, было в описанном случае), а также в гнилых деревьях или других подходящих местах. Когда утята вылупятся и настает время идти к воде, они спрыгивают вниз, где их ждет мать. В природных условиях прыжок с такой высоты обычно не приносит этим мягким пуховым комочкам почти никакого вреда.

Черная кошка

Изошутка Ю. Черепанова

Летние платья

1. Платье из набивной шелковой ткани. Лиф прилегающей формы с вытачками по талии. Цельнокроенные короткие рукава стянуты на плечах завязками из яркой гладкой ткани.

Юбка широкая, расклешенная, собранная по талии на боках и сзади. Подол юбки отделан гладким кантом.

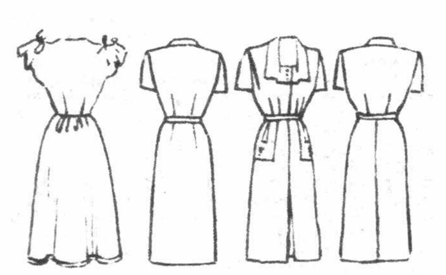
Автор модели — Н. Голикова, Общесоюзный дом моделей.

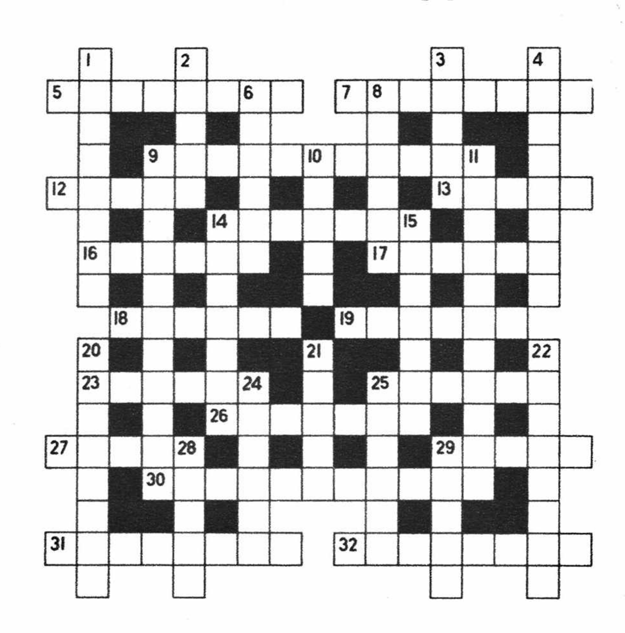
2. Платье из ткани с рисунком в полоску. Лиф отрезной по талии, с втачными рукавами от плечевых швов. Воротник и перед юбки застрочены мелкими складочками. Сзади юбка прямая.

3. Платье отрезное по талии с втачными рукавами и мягкими складками от плечевых швов по линии пройм. Воротник и карманы поперечные. Юбка прямая с встречной складкой спереди.

Автор моделей — А. Поничева, ателье № 33 «Мосиндодежды».

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Цветок. 7. Выдающийся русский педагог. 9. Специальность ученого. 12. Искусственный драгоценный камень. 13. Упрямство. 14. Внутреннее побуждение. 16. Отечество. 17. Непаханная земля. 18. Представитель коренного народа, населяющего американский материк. 19. Моряк. 23. Действие, служащее образцом для подражания. 25. Дерево. 26. Великий художник эпохи Возрождения. 27. Черноморский порт. 29. Рассказ М. Горького. 30. Прибор для преобразования тока. 31. Помост для причала судов. 32. Спортивное общество.

По вертикали:

1. Объем. 2. Река в Казахстане. 3. Главное действующее лицо в повести Д. В. Григоровича. 4. Роман Д. Олдриджа. 6. Персонаж из «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина. 8. Персонаж из романа «Обломов» И. А. Гончарова. 9. Колхозник из «Поднятой целины» М. Шолохова. 10. Вид рубашки. 11. Линия. 14. Специалист с техническим образованием. 15. Особая ритмическая фигура из семи нот. 20. Бодрый, жизнерадостный человек. 21. Единица веса. 22. Возбуждение электрического тока в проводнике. 24. Степень квалификации рабочего. 25. Одежда. 28. Новелла Г. Мопассана. 29. Подъемное устройство в шахтах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали:

1. Мантисса. 4. Оператор. 9. Электричество. 11. Овца. 12. Природа. 13. Стык. 16. Отклик. 17. Отелло. 18. Доброта. 19. Теорема. 23. Клемма. 24. Геолог. 27. Фриз. 28. Перевал. 29. Жгут. 32. Трансильвания. 33. Рубероид. 34. Анатолия.

По вертикали:

1. Миргород. 2. Иней. 3. Сатурн. 5. Плеяда. 6. Рать. 7. Редуктор. 8. Лигроин. 9. Энциклопедист. 10. Офтальмология. 14. Диорама. 15. Стартер. 20. Скафандр. 21. Новелла. 22. Агитация. 25. Персей. 26. Дарвин. 30. Каир. 31. Енот.

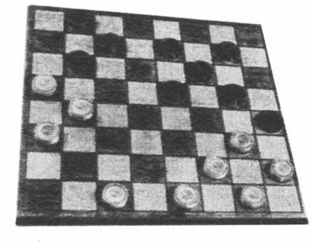
Шашки

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОМБИНАЦИЯ СЕРГЕЯ ДАНИЛИНА

Из партий чемпионата СССР 1953 года

Б. БЛИНДЕР

С. ДАНИЛИН

После 14-го хода черных.

Несмотря на решетчатость позиции черных, трудно представить себе, каким образом могут белые использовать эту позицию для решающей комбинации.

Сергей Данилин провел здесь исключительно сложную, эффектную, далеко рассчитанную комбинацию и добился заслуженной победы:

15. b4 — c5	**b6 : d4**
16. g3 — f4	**g5 : e3**
17. a5 — b6	**c7 : a5**
18. a3 — b4	**a5 : c3**
19. e1 — d2	**c3 : g3**

Белые отдали подряд шесть шашек и, оставшись с тремя шашками против девяти черных, добиваются победы!

20. h2 : d2 b8—c7

Сразу проигрывает, но спасения уже нет. Если 20. ... h4 — g3, то 21. d2 — e1 g3 — h2 22. e1 — f2 и т. д. На 20. ... f6 — e5 последовало бы 21. g1 — f2 b8 — c7 22. c1 — b2 (нельзя 22. d2—e3 из-за 22. ... h4 — g3! и ничья) c7 — b6 23. b2—a3 b6—a5 (если 23. ... b6—c5, то 24. d2—b4) 24. d2—h6 d4—c3 25. h6—g7 e5—f4 (если 25. ... e5 — d4, то 26. g7 — f6 и выигрывают, но не 26. a3—b4? из-за 26. ... d4 — e3 с ничьей). 26. g7 : a1 f4 — g3 27. f2 — e3 g3 — h2 28. a3 — b4 a5 : c3 29. a1 : d4 и выигрывают.

21. d2 — f4!	**c7—b6**
22. f4 — g3	**h4 : f2**
23. g1 : a7	**и выиграли.**

В этом номере на вкладках: репродукции картин В. Е. Маковского „Автопортрет“, „Спор друзей о политике“, „Вечеринка“, „Любители соловьев“, „Парикмахер“, „Новое время“ и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04110. Подп. к печ. 28/VII 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 607. Заказ 1791. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

— Дай-ка посмотрю, который час!

Фотоэтюд Ю. Чернышева.

Цена 3 руб.